

**Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242**

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 28

**Томск
2008**

УЧРЕДИТЕЛЬ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Богомаз, Т.Г. Бохан, Э.В. Галажинский, В.Г. Залевский, В.И. Кабрин (зам. главного редактора),
О.М. Краснорядцева, Н.В. Козлова, Т.Е. Левицкая, Э.И. Мещерякова, О.И. Муравьева, О.В. Лукьянов,
Г.А. Финогенова (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Г. Асмолов (Москва), Н.А. Бохан (Томск), Л.И. Вассерман (Санкт-Петербург), Б.А. Вяткин (Пермь),
Л.Д. Демина (Барнаул), Е.Л. Доценко (Тюмень), Г.Е. Дунаевский (Томск), Г.В. Залевский (Томск),
В.П. Зинченко (Москва), В.В. Знаков (Москва), В.И. Кабрин (Томск), А.Д. Карнышев (Иркутск),
В.Е. Клочко (Томск), И.А. Коробейников (Москва), Г. Кунце (Кассель, Германия), В.С. Мухина (Мос-
ква), В.Я. Семке (Томск), С.В. Смирнова (Благовещенск), А.В. Соловьев (Москва), А.Ш. Тхостов
(Москва), К. Павлик (Гамбург, Германия), П. Шюлер (Бад-Эмсталь, Германия), Д.В. Ушаков (Москва),
Е.П. Федорова (Чита), А.В. Юревич (Москва), М.С. Яницкий (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 28

2008 г.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.
Международным Центром ISSN (Париж) от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	6
-----------------------------	---

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Аргентова Т.Е.</i> ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ МЕТОДА В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	7
<i>Дорфман Л.Я., Гасимова В.А.</i> ВНИМАНИЕ КАК ОПОСРЕДУЮЩИЙ ФАКТОР КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ	11
<i>Мажирина К.Г., Джафарова О.А., Первушина О.Н.</i> СПЕЦИФИКА ИЗМЕНЕНИЯ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КУРСЕ ИГРОВОГО КОМПЬЮТЕРНОГО БИОУПРАВЛЕНИЯ	16

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Карнышев А.Д.</i> ФЕНОМЕНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ	21
<i>Холодцева Е.Л.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СИСТЕМЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	29
<i>Аксеновская Л.Н.</i> ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО КАК ВИД ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	33
<i>Руженков В.А., Гомеляк Ю.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ	39
<i>Кондратьева Н.И.</i> О ПРОБЛЕМЕ СЕМЕЙНЫХ ФОРМ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ИХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ	45

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

<i>Залевский Г.В.</i> ФАНАТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма	49
<i>Богомолов А.М.</i> СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ	53
<i>Стоянова И.Я.</i> ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПАЦИЕНТОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ	59
<i>Кожеевников В.Н., Залевский Г.В., Карташова К.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ ОСТЕОХОНДРОЗОМ ПОЗВОНОЧНИКА С ЛАТЕРАЛИЗАЦИЕЙ БОЛЕВОГО СИНДРОМА	64
<i>Аслаян В.Ю.</i> ЭМПИРИЧЕСКОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖИТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ	69
<i>Бохан Т.Г., Непомнящая В.А., Богомаз С.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К УПРАВЛЕНИЮ «НЕВИДИМЫМ» СТРЕССОМ ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В 30-КИЛОМЕТРОВОЙ ЗОНЕ АТОМНОГО ПРОИЗВОДСТВА	75
<i>Катасонова А.В., Крайцова Н.А., Потребич Ю.Г.</i> РАЗВИТИЕ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ЧАСТО БОЛЕЮЩИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	81

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Епанчинцева Г.А.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ	85
<i>Шафикова Г.Р.</i> НРАВСТВЕННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА	89

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ КАРНЫШЕВУ – 60	94
---	----

ИНФОРМАЦИЯ

Наши авторы	96
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	98

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	6
--------------------------	---

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Argentova T.E.</i> ONCE AGAIN ABOUT THE PROBLEM OF A METHOD IN HUMANISTIC PSYCHOLOGY	7
<i>Dorfman L., Gassimova V.</i> ATTENTION AS A MEDIATOR BETWEEN CREATIVE THINKING AND INFORMATION PROCESSING	11
<i>Mazhirina K.G., Jafarova O.A., Pervushina O.N.</i> SPECIFICITY OF CHANGES OF HUMAN BEHAVIOUR UNDER AMBIGUITY IN THE COURSE OF BIOFEEDBACK TRAINING	16

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Karnishev A.D.</i> PHENOMENA OF INTERETHNIC INTERACTION AND INTERCULTURAL COMPETENCE	21
<i>Holodseva E.L.</i> PECULIARITIES OF COMPETITIVE ABILITY IN A SYSTEM OF DIFFERENT-LEVEL CHARACTERISTICS OF SPECIALISTS IN SOCIAL SPHERE	29
<i>Aksenovskaya L.N.</i> ORGANIZATIONAL CHANGES AND SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL INTERVENTION AS A KIND APPLIED SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL RESEARCHES OF ORGANIZATIONAL CULTURE	33
<i>Ruzhenkov V.A., Gomelyak Y.N.</i> FEATURES OF INTERPERSONAL INTERPLAY OF ADOLESCENTS, UPBRINGING IN THE CONDITIONS OF DEPRIVATION OF PARENTAL CARE	39
<i>Kondratieva N.I.</i> THIS PROBLEM IS ABOUT THE ESCORT OF FAMILY'S FORMS OF CHILDREN-OPHENS-UP BRINGING	45

CLINICAL (MEDICAL) PSYCHOLOGY

<i>Salevskiy G.V.</i> FANATICISM AS A PROBLEM OF SPIRITUAL HEALTH OF A PERSON AND SOCIETY Report 2. Individual-personal dispositions of fanaticism	49
<i>Bogomolov A.M.</i> STRUCTURE FUNCTIONAL APPROACH TO THE EVALUATION OF THE ADAPTIVE POTENTIAL OF A PERSON	53
<i>Stoyanova I.Y.</i> PRALOGICAL FORMATIONS IN SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE IN PATIENTS WITH PSYCHOSOMATIC DISTURBANCES	59
<i>Salevskiy G.V., Kozhevnikov V.N., Kartashova K.S.</i> PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL PECULIARITIES OF PATIENTS WITH DIFFERENT LATERALIZATION A PAINFUL SYNDROME OF VERTEBRAL OSTEOCHONDROSIS	64
<i>Aslanyan V.U.</i> EMPIRIC DISCRETION OF THE EVALUATION CRITERIONS OF THE DESTRUCTIVITY OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE DURING THE RELIGIOUS CULTS SERVICEMEN PROFESSIONAL ACTIVITY	69
<i>Bokhan T.G., Nepomnyashaya V.A., Bogomaz S.A.</i> PSYCHOLOGICAL AVAILABILITY OF «INVISIBLE» STRESS MANAGEMENT BY PEOPLE, WHO LIVE IN AREA OF ATOMIC MANUFACTORY	75
<i>Katasonova A.V., Kravtsova N.A., Potrebich Y.G.</i> DEVELOPMENT OF THE HIGHER PSYCHIC FUNCTIONS IN PRIMARY AGE CHILDREN WITH RECURRENT RESPIRATORY VIRAL INFECTIONS	81

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

<i>Epanchintseva G.A.</i> METHODOLOGICAL AND METHODICAL PROBLEMS OF PSYCHODIAGNOSTICS IN FORMATION	85
<i>Shafikova G.</i> MORAL FORMATION OF TEENAGERS WITH LOCOMOTORIUM ABNORMALITIES	89

THE PEOPLE, CELEBRATING THEIR JUBILEE

ALEKSANDR DMITRIEVICH KARNISHEV – 60	94
--	----

INFORMATION

Our avtors	96
Rules of registration of materials in SPM	98

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ!

В 2007 г. «Сибирский психологический журнал» был отмечен высокой наградой Федерации психологов образования и Министерства образования и науки РФ. По итогам Всероссийского конкурса психологических изданий – 2007 в номинации «Лучшее периодическое издание по психологии» «Сибирскому психологическому журналу» присужден Диплом II степени. Столь высокая оценка свидетельствует о растущем авторитете издания в психологическом сообществе не только Сибирского региона, но и далеко за его пределами. Этот авторитет обеспечивается напряженным, ответственным и творческим трудом членов редакции и редсовета журнала, высоким уровнем качества материала – содержанием Ваших статей, разнообразием рубрик, обращением к актуальным вопросам психологической теории и практики, а также участием в работе журнала в качестве членов редакции, редсовета и авторов известных отечественных ученых. Несомненно, один из критериев высокой оценки нашего журнала – его внешний вид и внутреннее оформление материала, что является заслугой всех тех, кто обеспечивает техническую сторону издания, за что им большое спасибо.

В связи с тем, что журнал стал реферируемым («ваковским»), его востребованность резко возросла. Портфель редакции быстро пополняется, а потому с 2008 г. мы переходим на выпуск четырех номеров в год. Но думаю, что и этого будет недостаточно, так что, возможно, со следующего года количество номеров возрастет. Однако это относится к перспективам развития нашего журнала. К ним также относится улучшение его качества в плане содержания и оформления.

Редколлегия и редсовет «Сибирского психологического журнала» приглашают психологическую общественность к более активному сотрудничеству и желают крепкого здоровья и творческих успехов его авторам, читателям и друзьям.

Главный редактор

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ МЕТОДА В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Т.Е. Аргентова (Кемерово)

Аннотация. Представлен анализ существующих подходов в решении вопроса методологии и методов исследования в гуманистической психологии.

Ключевые слова: гуманистическая психология, методология, метод, философия экзистенциализма, феноменологический, морфогенетический, транскommunikативный подходы, психосемантика.

Гуманистическая психология, возникнув как научное течение в 50-х гг. XX в., противопоставила себя уже существующим направлениям – бихевиоризму с его механистическим взглядом на природу человека и психоанализу с его пансексуализмом и биологизаторством. В группу «основателей» гуманистической психологии в числе прочих вошли ведущие психологи того времени: Гордон Олпорт, Абрахам Маслоу, Карл Роджерс, Ролло Мэй. Это были психологи, пришедшие в гуманистическую психологию из разных теоретических ориентаций. Они назвали свое детище «гуманистическая психология»; этот термин впервые употребил Г. Олпорт в 1930 г. [9].

Г. Олпорт, А. Маслоу и К. Роджерс доказывали, что пренебрежение богатым миром личностных смыслов, избегание человеческой субъективности помещают человека в один онтологический план с крысами и голубями и настаивали в первую очередь на принятии во внимание сферы человеческого опыта и субъективного мира личности. Они внесли в психологию целый ряд идей.

Р. Мэй полагал, что необходимо изучать в качестве предмета психологического исследования целостную личность со всеми ее жизненными проблемами [8].

А. Маслоу под впечатлением идей даосизма внес идеи свободы, целостности, аутентичности личности, уникальности ее бытия, существующего в конкретный момент времени и пространства; понимание человека как существа положительного и созидательного в своей основе, психически здорового, ответственного за свой жизненный выбор, постоянно развивающегося, находящегося в поиске смысла жизни, удовлетворения своих иерархически организованных потребностей, главной из которых является потребность в самоактуализации, признающего главенствующим в познании непосредственно личный опыт, который ничем нельзя заменить [7].

К. Роджерс утверждал идею изначальной доброты в природе человека, его способности к совершенству; понимание личности как целостной системы, активно действующей, решающей свои проблемы; разработал концепцию самости и переживаний, связанных с Я-концепцией, понимание человека через его субъективную интерпрета-

цию событий; внес идею преимущественного влияния на восприятие актуальных ситуаций, необходимости изучения личности в контексте «настоящее–будущее», а не сквозь призму прошлых событий. Предложил терапию, центрированную на клиенте, для которой характерны безусловное позитивное внимание к клиенту, его эмпатийное понимание, безусловное принятие его внутреннего мира, искренность, естественность как необходимые условия личностных перемен, «становления» клиента. Он ввел понятие полноценно функционирующего человека, для которого характерны открытость переживания, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, эмпирическая свобода, креативность [11].

Таким образом, психологи гуманистической ориентации, опираясь на философию экзистенциализма, привнесли в психологию взгляд на личность как субъект активности и взаимодействия, а также идеи уникальности, цельности личности, свободы ее жизненного выбора, принятия решений, активного стремления к развитию, самоактуализации, принятия на себя ответственности за свои поступки, использование внутреннего опыта организма для самоизучения и развития. Они выдвигали в качестве задачи человека счастливую, активную в своей реализации, наполненную в каждый момент времени жизнь. По мнению гуманистически ориентированных психологов, целостную, зрелую личность характеризуют эффективное восприятие реальности, спонтанность, простота и естественность поведения, ориентация на решение проблемы, частые переживания «пиковых» чувств, экстаза, глубокие межличностные отношения, высокие моральные стандарты, искреннее желание помочь всему человечеству.

Гуманистические идеи, как и любые другие теоретические идеи, для внедрения в практику исследований требуют своего методологического подхода и соответствующих методов исследования.

Перед психологами, исповедующими гуманистические идеи, встала сложнейшая задача изучения личности и ее отношений в их цельности и многоуровневости строения. Все они критиковали существующие до них

системы исследований. Согласно Олпорту, существующие ранее системы в психологии сосредотачивали свое внимание исключительно на одном или нескольких избранных аспектах природы человека, задающих строго определенное направление исследований. Каждая система, таким образом, провозглашает ограниченные истины о людях и неплоха только в своих рамках. По этой причине, утверждал Олпорт, они являются закрытыми, редукционистскими, нетеоретичными и антиэксцентричными, не допускают фактов, внутренней логики, которые возникают на основе критериев, установленных другой системой. Следовательно, для гуманистической психологии это должны быть другая методология и другие методы исследования [13].

Здесь и началось рассогласование взглядов на методологию и методы исследования у гуманистически ориентированных психологов и оформилось несколько подходов:

1. Феноменологический. Представители экзистенциального направления гуманистической психологии Р. Мэй, А. Джорджи, Дж. Бэррелл, К. Аанстус, Э. Ричардс и М. Аронс полностью отказались от услуг позитивистского метода и стали использовать самоотчет и его понимающую интерпретацию в качестве основного метода исследования. Человек в этом случае оказывается одновременно и наблюдателем, и предметом наблюдения. Одним из последовательных сторонников такого подхода был Р. Мэй. Он полагал, что в познании онтологических характеристик человеческого существования наука о человеке должна изучать подлинно человеческое поведение, непосредственный опыт и интенциональность, причем без тех искажений, которые вносятся естественно-научными (экспериментальными) моделями. Феноменологический подход в большинстве случаев, обращаясь к личному опыту и сообщениям испытуемых, ориентирован на открытие нового (никто не знает заранее, каким будет результат исследования) и удовлетворяет всем критериям научного познания. В адрес сторонников этого подхода звучали обвинения в случайном коллекционировании знаний о человеке, а к самоотчету как методу исследования предъявлялись те же претензии, что и ко всем самоотчетам, т.е. в необъективности и ненаучности [5].

2. Синтез методов феноменологического познания (главным образом) и объективных, экспериментальных, лабораторных методов с признанием приоритетности человеческой субъективности, сбалансировал эмпиризм позитивистской психологии и субъективный мир экзистенциальной философии (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, И. Чейлд, Дж. Ричлак, А. Уандерсман, П. Поппен и Д. Рикс). Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс считали, что изучение природы человека необходимо начинать с познания феноменологического и только затем, в конце процесса приобретения знания, надеть на него ярмо объективных, экспериментальных и лабораторных ме-

тодов. Контролируемый критический эксперимент – это последняя, высшая, с их точки зрения, ступень в процессе постепенного накопления знания [1].

С этой точки зрения познание феноменов человека должно происходить поэтапно или поуровнево, от более простого. А. Маслоу считал, что субъективную гипотезу следует сначала подвергнуть грубой, а затем строгой проверке. Первичное исследование он считал неизящным и неточным, требующим от исследователя подлинного понимания и слияния с объектом изучения. Это должен быть исследователь, который наблюдает, слушает и вбирает в себя все целиком, не сопротивляясь, не выдвигая заранее предположений, не классифицируя, не улучшая и не оценивая, не одобряя и не осуждая. Данный метод предполагает не только мужественное принятие объекта таким, каков он есть, но и временное прекращение суждений. А. Маслоу на этой стадии предлагает психологам расслабиться, «оставить все, как есть», раствориться в изучаемом объекте, познавая его созерцательно, по-даосски, в непосредственной данности, не вмешиваясь и не нарушая «порядка вещей» [5, 7].

А. Маслоу рассматривал этот первый шаг познания как «даосскую восприимчивость к непосредственному опыту», реализуя скорее позицию, чем конкретную методику. На этом этапе исследования непосредственный опыт просто предстает таким, каков он есть, а не в соответствии с контролирующими и прогнозирующими ожиданиями психологов. И только потом психолог движется ко все более детальной технической работе и совершенству формулировки, не забывая утверждать при этом, что ни одна из существующих процедур тестирования не обеспечивает универсальной эффективности исследования. А. Маслоу полагал, что метод проверки должен соответствовать природе гипотезы. Им было осуществлено крайне мало эмпирических исследований. Причиной этого стало отсутствие четких критериев для диагностики, а также много допущений, исключений. На последнем этапе исследования он использовал техники шкалирования и персонологические методики для измерения ценностей и поведения, связанных с самоактуализацией.

3. Интерсубъектный способ познания был предложен К. Роджерсом в середине 1950-х гг. К. Роджерс предложил интегрировать объективные и субъективные формы познания, называя это «интерсубъектным, или феноменологическим, знанием» [11].

Данный способ познания нацелен на проникновение психотерапевта во внутренний мир пациента и предполагает проверку валидности гипотезы о пациенте относительно той субъективной системы координат, которая характеризует каждую личность. К. Роджерс выдвинул в области личностно ориентированной психотерапии простую, ясную и непротиворечивую гипотезу парадигмального типа: «если... то...» с операциональным определением, доступным экспериментальной проверке. Учитывая, что все факторы в названном соотношении могут быть

операционально определены и рассчитаны, К. Роджерс и его сотрудники экспериментально проверяли гипотезы с помощью специальной батареи личностных тестов (перед первой беседой, двумя месяцами позже, в начале курса психотерапии, после его завершения и, наконец, последний раз от полугода до года спустя). Таким образом, данные беседы плюс интуиция, плюс опыт, плюс данные специальной батареи личностных тестов подтверждали (как правило) эффективность использования личностно ориентированного подхода в консультировании.

К. Роджерс утверждал, что люди, в том числе ученые, не пользуются одним способом познания других. Они в какой-то степени доверяют как своему опыту, так и интуиции. Большинство из них также проверяют – эмпатически и феноменологически – свое субъективное знание о человеке. Некоторые подвергают свою гипотезу самым строгим испытаниям, оставаясь открытыми как подтверждению, так и опровержению ее первоначального варианта. Все это, по К. Роджерсу, иллюстрирует ценность интерсубъектного подхода к познанию.

4. Идеографический подход. Г. Олпорт утверждал, что настало время разрабатывать адекватные научные методы для изучения уникальности людей. Результаты этих новых научных методов, полагал он, должны быть проверяемыми, передаваемыми и иметь прогностическую силу. Г. Олпорт подчеркивал, что в погоне за «нотетическим» знанием основных законов, управляющих поведением человека, психологи оказываются неспособными объяснить, *что* делает каждого из людей уникальной личностью. Они заведомо игнорируют все, что не соответствует их методу, стремясь объяснить природу человека на основе единственного аспекта поведения, который вычленяется для исследования.

Использование идеографических методов, по его мнению, напротив, позволяет понять, *что* делает каждого человека уникальным. Г. Олпорт считал, что личностные тесты также могут быть инструментами морфогенического исследования, если будут сфокусированы на уникальной организации мотивов и характерных черт в рамках «внутренне связанной системы, представляющей сущность личности» [9]. Основная трудность в использовании данной методики заключалась в стандартизации данных для их обработки с целью сопоставления результатов исследования.

5. Использование методов когнитивной психологии, в частности психосемантики (И. Чейлд, А. Уандерсман, П. Поппен, Д. Рикс, Дж. Ричлак). И. Чейлд полагал, что поскольку гуманистические психологи выдвигают положения, которые нелегко верифицировать и чересчур подвержены к сентиментальности и неопределенности, многие из методов исследования, используемых в когнитивной психологии, могли бы внести полезные коррективы. Другими словами, И. Чейлд отводил гуманистическим психологам роль идентификаторов новых областей исследования, взяв на вооружение строгие исследовательские

методы когнитивной психологии, которые обеспечили бы получение верифицируемых данных. Для И. Чейлда гуманистическая психология и традиционные методы исследования были несовершенны [13].

Для И. Чейлда гуманистическая позиция – это «мягкая психология», «теплая и чувствительная, знающая непосредственно чувство реальности человеческого опыта и его индивидуальность, преданная ему». Но чтобы достичь достоверного знания, считал И. Чейлд, требуется «жесткая психология» с ее научной строгостью [5].

Таким образом, проблема метода гуманистической психологии, адекватного сложнейшим задачам, поставленным психологами в понимании природы изучаемых явлений, была недостаточно решена: процедуры исследований отличались громоздкостью, сложностью для реализации; методология исследования в большинстве случаев представляла собой самоотчеты исследуемых или совокупность феноменологии, описательности с лабораторным экспериментом или личностными тестами (в зависимости от психологического происхождения исследователя); использовались также методы когнитивистской ориентации. Гуманистическая психология оказалась под огнем критики из-за отсутствия адекватной системы отсчета, внутри которой можно было бы оценивать и изучать человеческую субъективность. В настоящее время, как отмечают С. Криппнер и Р. де Карвало, интерес к гуманистической доктрине в психологии ослаб; исследователи связывают это с уходом из жизни главных идеологов ориентации и, главным образом, с нерешенными проблемами в методологическом и методическом обеспечении исследовательской практики. С тех пор как лидеры гуманистической психологии скончались или «отошли от дел», гуманистическая психология не добилась сколько-нибудь существенного прогресса и, подобно бихевиоризму, стала одной из прочитанных глав истории и методологии американской психологии середины XX в. [5].

Хотя гуманистическая психология в настоящее время отчасти и потеряла свою значимость как особая психологическая школа или система, она все еще остается жизнеспособной, ее уникальная эпистемология хорошо усваивается другими течениями. В частности, отмечают реализацию идей гуманистической психологии в рамках методологии постмодернизма, этногенетической теории Р. Харре посредством лингвистического анализа *дискурса* – рассуждения по поводу какой-либо проблемы, обсуждения ее, беседы; дискурс проводится с помощью метода психосемантики, в его процессе разрабатываются единые системы значений, трактовки категорий, что делает возможной совместную деятельность. В таком случае категория конструирует мир, одновременно уточняя его образ, осуществляя деятельность внутри этого мира [12].

Если говорить о ситуации с гуманистической психологией в отечественной науке, следует отметить огромную популярность ее идей, особенно в связи с перестрочными процессами, демократизацией общества в Рос-

сии. Российские идеологи гуманистической психологии (в их числе Д.А. Леонтьев, А.Г. Асмолов и др.) развернули большую активность в пропаганде этих идей в России в сфере образования, внедрения в практику работы тренинговых групп. Особенно большую популярность в среде практикующих отечественных психологов получили идеи трансценденции, свободного развития личности, природы и динамики смысловой реальности, формирования межличностной и межнациональной толерантности. Они внесли большой вклад в развитие новой гуманистической ментальности специалистов-психологов и населения. Что касается исследовательской практики, то здесь успехи выглядят намного скромнее. Большая часть исследований, в частности в школе Д.А. Леонтьева, была сосредоточена на изучении и разработке конкретных тренинговых методик, выявлении их эффективности в практике работы групп личностного роста по разрешению разного рода экзистенциальных проблем личности, чаще всего с использованием схемы исследования К. Роджерса [2, 6, 10].

Из серьезных исследовательских работ отечественных психологов, развивающих идеи гуманистической психологии, можно назвать работы В.И. Кабрина. Человек в его понимании представляет собой сложную *иерархию* разнопорядковых миров (геномного, клеточного, органического, индивидного, личностного, культурного, «эйдетического») и обладает своим коммуникативным миром [3, 4]. Коммуникативный мир личности представляет собой многоуровневую систему относительно устойчивых, добровольных и взаимных коммуникативных *отношений* ее как субъекта со своими партнерами в интра- и интерперсональных планах. Когда общаются два человека, общаются две иерархии разнопорядковых, но внутренне транскоммуникативных миров, возникает новое измерение, новый смысл, происходит *со-бытие встречи*. И тогда

имеет место взаимопрезентированность эйдосов ее участников посредством *символизации и осмысления* субъектами коммуникативного процесса. Под эйдетичностью В.И. Кабрин понимает динамику образов как информационно-энергетических образований, идей, эйдосов, картин, выражающих единство «мыслеформы» с «чувствованием». Если в этом случае возникает единое эйдетическое смыслообразующее пространство ситуации Встречи, то происходит трансцендирование или реализация «сверхвозможного», коммуниканты принимают взаимно в свои эйдетические поля коммуникативной ситуации друг друга и человек может почувствовать себя и другого взаимодополненными и принятыми в себя сторонами этого целого каждым [3, 4].

В.И. Кабрин предложил транскоммуникативный подход в качестве методологии психологических исследований общения людей в их целостности от геномного до духовного уровней, а в качестве методов исследования – совокупность новых методов, ориентированных на психосемантический анализ индивидуального внутреннего мира человека: от методик, исследующих поверхностные, стереотипные психосемантические образования до анализа глубинных духовных прозрений, в том числе метод моделирования коммуникативных миров личности, методiku психосемантического графа для исследования коммуникативной самореализации личности, индивидуальной психосемантики, шкалограммный анализ для выявления субъективной семантики личностного коммуникативного пространства. Будем с нетерпением ждать результатов исследований.

В заключение хочется привести высказывание С. Крипнера и Р. де Карвало: «Если гуманистической психологии удастся решить проблему метода, есть все основания рассчитывать на богатый улов» [5].

Литература

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. М.: Аспект Пресс, 2001. 288 с.
2. Асмолов А.Г. XXI век: психология личности в век психологии // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность–коммуникация–толерантность. Томск: ТГУ, 2002. С. 10–20.
3. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
4. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: ТГУ, 1992. 257 с.
5. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 2. С. 113–126.
6. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. № 1. С. 15–25.
7. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997. 304 с.
8. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Класс, 1994. 144 с.
9. Олпорт Г. Личность в психологии. М., 1998. 345 с.
10. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
11. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1994. 480 с.
12. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 2.
13. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.

ONCE AGAIN ABOUT THE PROBLEM OF A METHOD IN HUMANISTIC PSYCHOLOGY

T.E. Argentova (Kemerovo)

Summary. The author presents the analysis of existing approaches in studying the question of methodology and methods of investigation in humanistic psychology.

Key words: humanistic psychology; methodology; method; philosophy of existentialism; phenomenological, morphogenetic, transcommunicative approaches; psychosemantic.

ВНИМАНИЕ КАК ОПОСРЕДУЮЩИЙ ФАКТОР КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Л.Я. Дорфман, В.А. Гасимова (Пермь)

Аннотация. Анализируется внимание (фокусированное и дефокусированное) как посредник между креативным мышлением и процессом переработки информации (количество и точность). В условиях фокусированного внимания с усилением выраженности креативного мышления информация обрабатывалась более точно, но ее количество не изменялось. В условиях дефокусированного внимания с усилением выраженности креативного мышления информация обрабатывалась менее точно, но ее количество возрастало. Полученные результаты в одних отношениях поддерживают теорию креативности Айзенка, а в других – теорию креативности Мартиндейла.

Ключевые слова: креативное мышление, внимание, фокусированное внимание, дефокусированное внимание, обработка информации, тест «Задания на внимание».

Проблему связи креативности с обработкой информации первыми поставили и изучали Айзенк [6, 7] и Мартиндейл [10–12]. Они разрабатывали эту проблему в тесной связи с вниманием. Внимание рассматривалось как существенный фактор креативного познания. Поскольку поток информации пропускается через фокус внимания, имелось в виду, что особенности приема и обработки информации в связи с креативностью зависят от особенностей фокуса внимания. Были поставлены вопросы, во-первых, о релевантной и иррелевантной информации по отношению к требованиям задачи; во-вторых, о широте полосы внимания; в-третьих, о скорости обработки информации креативными субъектами в зависимости от широты фокуса их внимания и интерференции релевантной и иррелевантной информации.

Айзенк [6, 7] считал, что внимание креативных субъектов является более дефокусированным (распределенное внимание) в сравнении с вниманием некреативных субъектов, которое является более фокусированным (концентрированным). В то же время отмечалось известное сходство в дефокусированности внимания между креативными субъектами, с одной стороны, больными шизофренией и людьми с умеренно высоким уровнем психотизма – с другой. Айзенк экстраполировал эмпирические данные о дефокусированности внимания у больных шизофренией на людей с умеренно высоким уровнем психотизма и креативных субъектов. В силу сопряженности креативности с психотизмом как чертой личности креативность также трактовалась как стабильная черта. Что касается собственно дефокусированности внимания, полагалось, что креативные субъекты пропускают через более широкий фокус внимания больше информации, причем как релевантной, так и нерелевантной. Но эффект воздействия интерференции нерелевантной информации на релевантную отсутствует либо значительно ослаблен. В то же время благодаря пропуску через расширенный фокус внимания релевантной и нерелевантной информации могут «схватываться» идеи, которые на первый взгляд не имеют прямого отношения к проблеме. Однако рано или поздно они могут способствовать креативному решению. В основе дефокусированности внимания лежит

механизм когнитивного растормаживания в оппозиции к когнитивному торможению. Когнитивное торможение понималось как некий механизм, который может ограничивать пропускание нерелевантной информации через фокус внимания. *Редукция* когнитивного торможения, т.е. когнитивное растормаживание, напротив, понималась как в той или иной степени снятие ограничений и контроля на пропускание нерелевантной информации через фокус внимания. Предсказывалось, что креативные субъекты способны не отвлекаться на побочные (тормозящие) стимулы. В результате креативные субъекты обрабатывают информацию с большей скоростью, чем некреативные.

Мартиндейл [10–12] также руководствуется идеей когнитивного растормаживания, которая может объяснить взаимоотношения креативности, скорости обработки информации и фокуса внимания. В отличие от Айзенка [6, 7], который связывал креативность с психотизмом, с позиций когнитивной психологии Мартиндейл руководствовался теорией нейронных сетей, которая объясняет, в частности, распределение активации между нейронными узлами. Он исходил из того, что чем больше узлов в нейронных сетях, по которым распространяется активация, тем ниже общий уровень активации. Это обстоятельство может приводить к расширению фокуса внимания. И наоборот, чем меньше узлов в нейронных сетях, по которым распространяется активация, тем выше ее уровень. Это обстоятельство может приводить к сужению фокуса внимания. Было сформулировано предположение о том, что креативные субъекты способны регулировать широту фокуса своего внимания в зависимости от требований задачи. Иначе говоря, креативные субъекты более вариативны и способны дифференцировать широту фокуса внимания, т.е. их внимание может быть и более дефокусированным, и более фокусированным – в зависимости от требований задачи. Предсказывалось, что в условиях присутствия побочных, тормозящих стимулов внимание будет становиться более дефокусированным. В сравнении с некреативными креативные субъекты будут замедлять, а не ускорять скорость обработки информации. При отсутствии побочных, тормозящих стимулов, наоборот, внимание будет становиться более фокуси-

рованным. В сравнении с некреативными креативные субъекты будут ускорять, а не замедлять скорость обработки информации. Эти предсказания получили эмпирическую поддержку [3, 9, 12, 14].

Проблема

В свете теорий Айзенка и Мартиндейла о связях креативности со скоростью обработки информации и вниманием можно отметить несколько проблем.

Во-первых, теории Айзенка [6, 7] и Мартиндейла [10–12] приводят к взаимоисключающим предсказаниям. Айзенк предсказывал, что креативные субъекты способны не отвлекаться на побочные (тормозящие) стимулы. Поэтому в условиях интерференции скорость обработки информации у креативных субъектов будет выше, чем у некреативных. Мартиндейл, наоборот, предсказывал, что в условиях интерференции скорость обработки информации креативными субъектами будет замедляться в сравнении со скоростью обработки информации некреативными субъектами. Кроме того, Мартиндейл предсказывал, что в условиях отсутствия интерференции скорость обработки информации у креативных субъектов будет выше, чем у некреативных.

Во-вторых, Айзенк и Мартиндейл разрабатывали проблему связи креативности с обработкой информации по параметру скорости. Однако если внимание служит медиатором между креативностью и обработкой информации, а фокус внимания определяет пропускание и прием информации, то параметры количества и точности обработки информации также следует включить в предмет исследования. Дорфман и Гасимова [2, 3] обнаружили, что дефокусированное внимание может опосредовать связи креативности не только со скоростью, но также с количеством и точностью обработки информации. Однако проблема изменения фокуса внимания (дефокусированное – фокусированное внимание) как медиатора между креативностью и обработкой информации по параметрам количества и точности обработки информации не ставилась и не изучалась.

Задачи и исследовательские гипотезы

С учетом обозначенных проблем были поставлены 2 задачи исследования. Первая задача – выяснить связи креативного мышления с фокусированием внимания в условиях отсутствия интерференции между стимулами по параметрам количества и точности обработки информации. С позиций теории Мартиндейла [10–12] тестировалась гипотеза о том, что при таких условиях с усилением выраженности креативного мышления количество и точность обработки информации возрастают.

Вторая задача – выяснить связи креативного мышления с дефокусированным вниманием в условиях интерференции стимулов – опять-таки по параметрам ко-

личества и точности обработки информации. Тестировалась гипотеза о том, что при таких условиях с усилением выраженности креативного мышления количество и точность обработки информации снижаются (с позиций теории Мартиндейла) либо возрастают или не изменяются (с позиций теории Айзенка).

Метод

Участники. В исследовании приняли участие 211 старшеклассников пермских средних общеобразовательных школ, возраст в диапазоне от 14 до 17 лет ($M = 15,38$, $SD = .56$). По каждой переменной исключались экстремальные значения («выбросы»). Они определялись как выходящие за границы диапазона $X \pm 2,0 SD$. Количество участников варьировалось при исследовании взаимоотношений разных переменных.

Тест «Необычное использование предмета». С помощью теста измерялось креативное мышление. Участников просили думать над тем, насколько много полезных применений может найти предмет, за исключением его обычного назначения [1, 8, 15]. Использовались следующие переменные: (1) оригинальность, (2) беглость и (3) гибкость. Кроме того, значения этих трех переменных конвертировались в z-оценки и по их средним значениям была построена четвертая переменная «Общий индекс креативного мышления». Особенности креативного мышления определялись в ходе групповых сессий.

Тест «Задания на внимание». Разработанный нами тест [4] предназначен для изучения особенностей фокусированного и дефокусированного внимания в связи с креативностью. Фокусирование и дефокусирование внимания моделируются процедурно, т.е. в заданиях изначально создаются такие условия, при которых внимание либо фокусируется, либо дефокусируется. Параметры фокусированного и дефокусированного внимания определяются косвенно – по количеству и точности обработки информации.

Стимульный материал размещался на 4 страницах и состоял из согласных букв, последовательность которых носила случайный характер – 40 строк по 40 букв в каждой строке на каждой странице. Компьютерная версия теста «Задания на внимание» была создана на базе IBM-совместимого персонального компьютера класса Pentium и разработана в среде Delphi, 1.22. Задания выполнялись в ходе индивидуальных сессий.

Участникам предлагалось просматривать на мониторе буквы слева направо, строка за строкой, нажимая клавишу со стрелкой > на клавиатуре: одно нажатие на клавишу – одно перемещение от одной буквы к другой. Нажимая клавишу со стрелкой, можно было двигаться только вперед. Отыскивая заданную букву (буквы), участник должен был отмечать ее (их), нажимая клавишу «Пробел». Согласно инструкции каждое задание следовало выполнять как можно быстрее и точнее.

Участникам исследования предлагались 2 задания. Одно задание, условно обозначенное как *простое*, предназначалось для изучения фокусирования внимания. Следовало находить и зачеркивать букву «п». Другое задание, условно обозначенное как *сложное*, предназначалось для изучения дефокусированности внимания. В сложном задании следовало находить и зачеркивать букву «т» (основной стимул), если перед ней встречалось сочетание из трех букв «дрб» (тормозящий стимул). Каждое задание выполнялось в течение 5 минут.

Как о фокусированном, так и о дефокусированном внимании судили по 2 параметрам. Первый параметр – количество обработанной информации. Строились две переменные: количество просмотренных букв и количество правильно отмеченных букв. Второй параметр – точность обработки информации. Строились три переменные. Первой переменной было количество ошибок (сумма количества неправильно отмеченных букв и пропущенных букв), вторая переменная – отношение количества ошибок к количеству просмотренных букв; третья переменная – отношение количества ошибок к количеству правильно отмеченных букв. Компьютерная программа автоматически определяла значения переменных и затем сохраняла их в статистическом пакете SPSS 9.0.

Дизайн и анализ данных. Применялся корреляционный дизайн. Данные обрабатывались с помощью корреляционного (по Пирсону) анализа. Определялись корреляции переменных креативного мышления и переменных внимания при выполнении простых (фокусированное внимание) и сложных (дефокусированное внимание) заданий.

Результаты

Связи переменных креативного мышления и внимания (выполнение простого задания)

Корреляции между переменными креативного мышления и переменными внимания в условиях выполнения простого задания приведены в табл. 1.

Переменная «Ошибки» (внимание) отрицательно коррелировала с переменной общего индекса креатив-

ного мышления ($p < .05$). Переменная «Отношение ошибок к правильно отмеченным буквам» (внимание) отрицательно коррелировала с переменными беглости, подвижности, общего индекса креативного мышления ($p < .05 \div .01$). Переменная «Отношение ошибок к просмотренным буквам» отрицательно коррелировала с переменными подвижности и общего индекса креативного мышления ($p < .10$). Эти данные означают, что с усилением выраженности креативного мышления количество ошибок при выполнении простых заданий уменьшалось, т.е. точность обработки информации возрастала. Однако корреляции переменных креативного мышления с переменными количества обработки информации были незначимы.

Связи переменных креативного мышления и внимания (выполнение сложного задания). Корреляции между переменными креативного мышления и переменными внимания в условиях выполнения сложного задания приведены в табл. 2.

Переменная «Просмотрено букв» (внимание) положительно коррелировала со всеми переменными креативного мышления ($p < .01$). Переменная «Правильно отмеченных букв» (внимание) положительно коррелировала с переменными беглости и оригинальности, а также с общим индексом креативного мышления, т.е. с усилением выраженности креативного мышления количество просмотренных и правильно отмеченных букв при выполнении сложных заданий увеличивалось, т.е. количество обработанной информации возрастало. Переменная «Ошибки» (внимание) положительно коррелировала с переменной подвижности креативного мышления ($p < .10$). Переменная «Отношение ошибок к просмотренным буквам» (внимание) положительно коррелировала с переменными беглости, подвижности, общего индекса креативного мышления ($p < .05 \div .01$). Переменная «Отношение ошибок к правильно отмеченным буквам» положительно коррелировала с переменными беглости и подвижности ($p < .10 \div .01$). Эти данные означают, что с усилением выраженности креативного мышления количество ошибок при выполнении сложных заданий увеличивалось, т.е. точность обработки информации снижалась.

Т а б л и ц а 1

Корреляции переменных креативного мышления и внимания в условиях выполнения простого задания

Переменные	Креативное мышление			
	Общий индекс	Беглость	Подвижность	Оригинальность
Просмотрено букв				
Правильно отмеченных букв				
Ошибки	-.17**			
Отношение ошибок к просмотренным буквам	-.17*		-.18*	
Отношение ошибок к правильно отмеченным буквам	-.22***	-.19**	-.20***	

Примечание. * $p < .10$, ** $p < .05$; *** $p < .01$. Незначимые коэффициенты корреляций опущены.

Таблица 2

Корреляции переменных креативного мышления и внимания в условиях выполнения сложного задания

Переменные	Креативное мышление			
	Общий индекс	Беглость	Подвижность	Оригинальность
Просмотрено букв	.19***	.18***	.17***	.19***
Правильно отмеченных букв	.13*	.13*		.16**
Ошибки			.15**	
Отношение ошибок к просмотренным буквам	.12*	.14**	.21***	
Отношение ошибок к правильно отмеченным буквам		.13*	.19***	

Примечание. * $p < .10$, ** $p < .05$; *** $p < .01$. Незначимые коэффициенты корреляций опущены.

Обсуждение

Полученные данные свидетельствуют о том, что при выполнении *простого* задания с усилением выраженности креативного мышления более точно обрабатывается информация, но количество обработанной информации не изменяется. Увеличение точности обработки информации может свидетельствовать об усилении *фокусирования* внимания в связи с креативным мышлением в условиях выполнения простого задания. Эти результаты свидетельствуют в пользу предсказания Мартиндейла. При выполнении *сложного* задания чем более выражено креативное мышление, тем большее количество информации обрабатывается, но точность ее обработки снижается. Снижение точности и увеличение количества обработанной информации может свидетельствовать об усилении *дефокусированности* внимания в связи с креативным мышлением в условиях выполнения сложного задания.

Отметим некоторые нюансы связей креативного мышления с вниманием при выполнении сложного задания. При дефокусированном внимании (сложное задание), как уже отмечалось, образуются условия для удержания и релевантной и нерелевантной информации. Поэтому точность обработки *релевантной* информации может снижаться. Следовательно, наши данные о снижении точности обработки информации в связи с креативным мышлением могут свидетельствовать в пользу предсказания Мартиндейла [9–12]. Между тем данные об увеличении количества обработанной информации (дефокусированное внимание, сложное задание) в связи с креативным мышлением свидетельствуют в пользу скорее предсказания Айзенка, чем предсказания Мартиндейла. В самом деле, увеличение количества обработанной информации вопреки действию тормозящего стимула в сложном задании говорит о том, что креативные субъекты способны решать задачу, не отвлекаясь на побочные (тормозящие) стимулы. Следовательно, эти результаты находятся в одной упряжке с предсказанием Айзенка [6, 7].

Как объяснить полученные результаты с учетом того, что в одних отношениях они поддерживают теорию креа-

тивности Айзенка, а в других, напротив, теорию креативности Мартиндейла? Причем целиком полученные результаты не укладываются ни в одну, ни в другую теорию.

Следует еще раз подчеркнуть, что в теориях Мартиндейла и Айзенка имеется в виду внимание, которое определяется по скорости обработки информации, но не по ее количеству и точности. Между тем (а) скорость обработки информации и ее (б) количество и точность – не рядоположные параметры. Согласно данным работы [13], к примеру, точность и скорость обработки информации характеризуют прежде всего произвольное внимание, в то время как скорость, но не точность характеризует непроизвольное внимание. Мартиндейл [14] специально отмечает, что его теория касается именно непроизвольного внимания. В нашем исследовании параметры количества и точности обработки информации, напротив, характеризуют скорее произвольное, чем непроизвольное внимание.

Эмпирические данные [3, 4] свидетельствуют о том, что при выполнении простых заданий креативное мышление, скорость (непроизвольное внимание) и точность (произвольное внимание) обработки информации взаимодействуют. При выполнении сложных заданий креативное мышление, скорость обработки информации (непроизвольное внимание), ее количество и точность (произвольное внимание) также взаимодействуют. Следовательно, непроизвольное и произвольное внимание в контексте креативности являются скорее дополнительными, чем ортогональными конструктами. Это обстоятельство может служить основанием для расширения теорий креативности Айзенка и Мартиндейла на параметры количества и точности обработки информации, на произвольное внимание.

Параметры непроизвольного и произвольного внимания в контексте креативности взаимодействуют, но не являются тождественными. Закономерности произвольного внимания – это область, которая нуждается в новых предсказаниях и исследованиях, которые могут перекрывать теории креативности и Айзенка, и Мартиндейла. Известный интерес могут вызывать представления Дружинина [5] о когнитивном ресурсе. Он опреде-

ляется количеством когнитивных элементов, превышающих сложность задачи. Предположительно дивергентное мышление (одно из оснований креативного мышления) обусловлено наличием свободного когнитивного ресурса. Эта идея основана на том, что свободное когнитивное пространство создает условия для перера-

ботки дополнительной информации и применения отдаленных аналогий дивергентным мышлением. Кроме того, можно предположить, что конструктами, объясняющими полученные результаты, могут быть некоторые особенности личности, в частности самоконтроль и саморегуляция.

Литература

1. Аверина И.С., Щербанова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Соборь, 1996. 60 с.
2. Дорфман Л.Я. Креативность и внимание: исследования и проблемы // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2006. № 1. С. 4–19.
3. Дорфман Л.Я., Гасимова В.А. Расфокусированное внимание как фактор креативного мышления // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2006. № 1. С. 20–50.
4. Дорфман Л.Я., Гасимова В.А., Булатов А.В. Тест «Задания на внимание» и его возможности в исследовании креативности // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер. 1. Психология. 2006. № 2. С. 34–46.
5. Дружинин В. Метафорические модели интеллекта // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. М.: Наука: Смысл, 2000. С. 171–185.
6. Eysenck H.J. Creativity and personality: Suggestions for a theory // Psychological Inquiry. 1993. № 4. P. 147–178.
7. Eysenck H.J. Genius: The natural history of creativity. Cambridge UP: Cambridge, 1995.
8. Guilford J.P. The nature of human intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1967.
9. Kwiatkowski J., Vartanian O., Martindale C. Creativity and speed of mental processing // Empirical Studies of the Arts. 1999. Vol. 17 (2). P. 187–196.
10. Martindale C. (). Creativity and connectionism // The creative cognition approach / Eds. by S.M. Smith, T.B. Ward, R.A. Finke. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 249–268.
11. Martindale C. Biological bases of creativity // Handbook of creativity / Ed. by R.J. Sternberg. N.Y.: Cambridge University Press, 1999. P. 137–152.
12. Martindale C. Creativity, attention, and cognitive disinhibition // La psicologia delle arti oggi / Ed. by R. Tomassoni. Milano: Angeli, 2002. P. 89–99.
13. Prinzmetal W., McCool C., Park S. Attention: Reaction time and accuracy reveal different mechanisms // Journal of Experimental Psychology: General. 2005. Vol. 134(1). P. 73–92.
14. Vartanian O., Martindale C., Kwiatkowski J. Creative potential, attention, and speed of information processing // Journal of Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43. P. 1470–1480.
15. Wallach M. A., Kogan N. Modes of thinking in young children: A study of the creativity-intelligence distinction. N.Y.: Holt, Rinehart, and Winston, 1965.

ATTENTION AS A MEDIATOR BETWEEN CREATIVE THINKING AND INFORMATION PROCESSING

L. Dorfman, V. Gassimova (Perm)

Summary. We hypothesized that differential focusing of attention mediates the relationship between creative thinking and amount and accuracy of information processing. Supporting our predictions, we found that the greater a person's creative thinking the information processing was more accurate but its amount did not change on a task not involving interference (a focused attention), but the information processing was less accurate and its amount augmented on a task requiring interfering information (a defocused attention). Our results support both the theory of creativity of Martindale and Eysenck but regarding to different measures.

Key words: creative thinking, attention, focused and defocused attention, information processing, the Attention Tasks.

СПЕЦИФИКА ИЗМЕНЕНИЯ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КУРСЕ ИГРОВОГО КОМПЬЮТЕРНОГО БИОУПРАВЛЕНИЯ

К.Г. Мажирина, О.А. Джафарова, О.Н. Первушина (Новосибирск)

Аннотация. Исследуется поведение человека в ситуациях неопределенности, прослеживаются роль и значение механизмов саморегуляции, определяющих эффективность поведенческих стратегий, анализируются особенности изменения данных стратегий в курсе игрового биоуправления. Выделяются ключевые факторы, обеспечивающие успешность и неуспешность поведения человека в ситуации неопределенности. Анализ динамики стратегий поведения в курсе тренинга показывает, что их эффективность можно повысить при помощи компьютерного игрового биоуправления.

Ключевые слова: стратегии поведения, ситуации неопределенности, саморегуляция, игровое биоуправление.

Жизнедеятельность человека в современном обществе связана с воздействием фактора неопределенности. В настоящее время социум предъявляет более жесткие требования к человеку, ему необходимо уметь справляться со сложными жизненными обстоятельствами, планировать свои действия в нестабильных, неопределенных условиях, обладать такими качествами, как гибкость, мобильность, стрессоустойчивость. В повседневных ситуациях обычным становится формирование состояний, характеризующихся повышенным уровнем актуализации психофизиологических ресурсов индивида, чрезмерной напряженностью. Длительное пребывание человека в неопределенной обстановке сказывается на его психическом состоянии, вносит дестабилизирующие моменты в настроение, влияет на уровень работоспособности и успешность деятельности.

В нашем исследовании под неопределенностью понимается полное отсутствие информации о способах действия в незнакомой ситуации. Ситуация неопределенности – это совокупность обстоятельств, условия которых являются зашумленными или характеризуются неполнотой информации.

Положение человека в условиях неопределенности требует от него развития особых умений, смысл которых заключается в том, чтобы выстроить модель эффективного поведения с учетом существующих возможностей и ограничений и затем активно действовать, ориентируясь на эту модель, сверяя свои действия с изменяющимися условиями. Успешность действий определяется в значительной степени сформированностью механизмов саморегуляции.

Саморегуляция – это способность произвольно изменять физиологические функции организма для коррекции неблагоприятных психоэмоциональных состояний. Саморегуляция необходима человеку для выработки моделей адекватного поведения в условиях психоэмоциональных нагрузок, для нормализации работы высшей нервной деятельности [1].

В настоящем исследовании основное внимание было уделено процессу адаптации к ситуации неопределенности, когда происходит становление психологической системы саморегуляции как деятельности, которая входит в сложные межсистемные взаимодействия с индивидуаль-

но-психологическими детерминантами, оказывает влияние на формирование новых адаптивных поведенческих стратегий, определяющих надежность, работоспособность, эффективность деятельности и устойчивость человека к воздействию фактора неопределенности.

Цели настоящего исследования:

1. Описать психологические предикторы успешности / неуспешности поведенческих стратегий.
2. Проанализировать динамику изменений поведенческих стратегий в ходе тренинга с использованием игрового биоуправления.

Эксперимент был организован на базе Института ядерной физики им. Будкера СО РАН. Использовались компьютерные игровые сюжеты, управляемые физиологическими параметрами, что позволило исследовать основные особенности стратегий поведения в ситуации неопределенности.

На наш взгляд, экспериментальная ситуация содержит высокую степень неопределенности, т.к. технология биоуправления являлась для испытуемого новой и незнакомой, характеризовалась неполнотой информации относительно способов действия в предложенной ситуации (испытуемый осознавал поставленную перед ним цель, но не знал, каким образом ее достичь) [2].

При проведении эксперимента использовались игровые сюжеты «Вира!» и «Ралли». Сюжет игр управлялся ЧСС с помощью специального простого датчика «БОС-Пульс», регистрирующего длительность кардиоинтервала и передающего его в компьютер (регистрационное удостоверение №ФС 022а20000/1027-04, сертификат № РОСС RU.АЯ79.ВО3820) [3].

Игра «Вира!». На экране компьютера – имитация соревнований по подводному погружению и поиску сокровищ. Испытуемый управляет одним из соревнующихся. Его задача – обогнать соперника, скорость которого – это скорость игрока, достигнутая в предыдущей попытке. Чтобы победить в игре, нужно научиться замедлять сердечный ритм. Чем глубже человек сумеет расслабиться, тем медленнее будет его пульс и тем быстрее будет двигаться его игрок на экране.

Игра «Ралли». Сюжетом игры являются автомобильные гонки, в сценарий введен новый элемент – препятствие на дороге, которое необходимо вовремя заметить

и объехать; экстренное нажатие клавиши «пробел» позволяет фиксировать время реакции испытуемого и следить за изменением уровня концентрации внимания в процессе игры. Умение контролировать свой сердечный ритм, значение которого обратно пропорционально скорости движения играющего, одновременно с поддержанием высокого уровня концентрации внимания, определяемого временем реагирования на препятствия, намного усложняют задачу испытуемого в игровом сюжете «Ралли». С его помощью можно проводить анализ динамики показателей внимания в условиях действия фактора неопределенности, умения одновременно управлять несколькими процессами, по своей природе противоположно направленными (такими как увеличение длительности кардиоинтервалов и уменьшение времени реакции на внезапно возникающие стимулы).

В эксперименте приняли участие 74 человека (мужчины и женщины в возрасте от 23 до 35 лет). Эксперимент проходил в несколько этапов.

На первом этапе при помощи описанных выше игровых сюжетов моделировалась ситуация неопределенности, фиксировалась наличная модель поведения испытуемого (согласно классификации стратегий поведения, разработанной нами в прошлых исследованиях) [4].

На втором этапе испытуемый развивал, модифицировал собственные навыки саморегуляции при помощи тренинга, организованного с использованием игрового биоуправления. Тренинг состоял из 10 сессий с перерывами между занятиями в несколько дней. Испытуемый работал на игровом тренажере «Ралли». Сессия состояла из 7 попыток. Во время сеансов регистрировались последовательности RR и RT интервалов (RR – это длительность кардиоинтервалов, RT – время реакции).

Испытуемый, кроме того, проходил психологическое тестирование с использованием бланковых методов.

На третьем этапе, спустя год, проводилось контрольное исследование, в котором приняли участие 38 человек.

Пакет тестов, включал следующие методики:

- шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина;
- опросник толерантности к неопределенности (MSTAT) Д. Маклейна (в адаптации Е.Г. Луковицкой);
- методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлора;
- опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова;
- методика диагностики степени готовности к риску Шуберга;
- методика измерения ригидности;
- стиль саморегуляции поведения В.И. Моросановой;
- калифорнийский психологический опросник CPI (в адаптации Н.А. Графиной, Н.В. Тарабриной).

Анализ данных осуществлялся с помощью программы обработки информации игрового биоуправления

Report и электронной таблицы Excel. Для статистического анализа использовались ранговый коэффициент корреляции Спирмена и тест Манна–Уитни [5].

Для анализа эффективности поведенческих стратегий мы брали показатель достигнутого к концу занятия результата, определяемый суммой успешных попыток.

Попытка в сессии считалась успешной по RR, если $RR_i \geq RR_{i-1}$, где RR_i – средняя длительность RR интервала за i -ю попытку, i – номер попытки в сессии, $i = 2, \dots, 7$, иначе – неуспешной.

Для показателя RT (время реакции) успешность попытки определялась по формуле $RT_i \leq RT_{i-1}$, где $i = 2, \dots, 7$.

В предыдущих исследованиях мы разработали классификацию стратегий поведения в ситуации неопределенности, включающую 6 типов реагирования [4]: № 1 – «Стратегия проб и ошибок с выходом на результат»; № 2 – «Стратегия демотивации»; № 3 – «Стратегия последовательного ухудшения результатов»; № 4 – «Стратегия последовательного обучения»; № 5 – «Маятниковая стратегия»; № 6 – «Неинтегрированная стратегия».

На основании показателя эффективности достигнутого результата к концу сессии мы выделили эффективные, неэффективные и промежуточные стратегии. Они были распределены следующим образом:

- эффективные стратегии: № 1 – «Стратегия проб и ошибок с выходом на результат»; № 4 – «Стратегия последовательного обучения»;
- неэффективные стратегии: № 2 – «Стратегия демотивации»; № 3 – «Стратегия последовательного ухудшения результатов»;
- промежуточные стратегии: № 5 – «Неинтегрированная стратегия» и № 6 – «Маятниковая стратегия».

Однако найденные взаимосвязи между выделенными стратегиями поведения и данными психологических тестов, а также анализ динамики поведенческих стратегий дают основание перераспределить последние.

К эффективным стратегиям по-прежнему относятся № 1 – «Стратегия проб и ошибок с выходом на результат» и № 4 – «Стратегия последовательного обучения».

Согласно данным корреляционного анализа эти стратегии имеют взаимосвязи, схожие с психологическими характеристиками:

№ 1 – «Стратегия проб и ошибок с выходом на результат» – положительно коррелирует со следующими тестами и шкалами: «Толерантность к неопределенности» (MSTAT Д. Маклейна), $r = 0,57$, $p = 0,01$ (здесь и далее r – ранговый коэффициент корреляции Спирмена, p – уровень значимости); «Интеллектуальная пластичность», $r = 0,53$, $p = 0,03$; «Индекс интеллектуальной активности» (ОФСДИ В.М. Русалова), $r = 0,46$, $p = 0,01$; «Гибкость» (опросник CPI), $r = 0,43$, $p = 0,05$.

№ 4 – «Стратегия последовательного обучения» – также имеет прямые взаимосвязи с аналогичными показателями: «Толерантность к неопределенности» (MSTAT Д. Маклейна), $r = 0,54$, $p = 0,05$; «Интеллектуальная пластичность», $r = 0,53$, $p = 0,03$; «Индекс интеллектуальной активности» (ОФСДИ В.М. Русалова), $r = 0,46$, $p = 0,01$; «Гибкость» (опросник CPI), $r = 0,43$, $p = 0,05$.

тичность», $r = 0,44$, $p = 0,05$; «Индекс интеллектуальной активности» (ОФСДИ В.М. Русалова), $r = 0,50$, $p = 0,04$; «Гибкость» (опросник CPI) $r = 0,52$, $p = 0,05$.

Таким образом, можно предположить, что показатель эффективности достигнутого результата связан с высоким уровнем интеллектуальных возможностей, высоким уровнем способности к обучению, высокой гибкостью мышления и поведения, творческим подходом к решению проблем. При возникновении непредвиденных обстоятельств испытуемые, использующие данные стратегии, легко перестраивают планы, программы исполнительских действий и поведения. Данные стратегии связаны с высоким уровнем толерантности к неопределенности, который позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу.

К неэффективным отнесли «Стратегию демотивации» и «Неинтегрированную стратегию».

Эти стратегии близки по следующим параметрам:

«Стратегия демотивации» отрицательно коррелирует с общим баллом, набранным по тесту «Толерантность к неопределенности» (MSTAT Д. Маклейна), $r = -0,46$, $p = 0,05$; шкалой «Интеллектуальная пластичность» (ОФСДИ В.М. Русалова), $r = -0,53$, $p = 0,05$; шкалой «Ответственность» (опросник CPI), $r = -0,48$, $p = 0,05$.

«Неинтегрированная стратегия» также отрицательно коррелирует с данными показателями: со шкалой «Толерантность к неопределенности» (MSTAT Д. Маклейна), $r = -0,52$, $p = 0,05$; шкалой «Интеллектуальная пластичность» (ОФСДИ В.М. Русалова), $r = -0,51$, $p = 0,03$; шкалой «Ответственность» (опросник CPI), $r = -0,49$, $p = 0,05$.

Обобщая данные корреляционного анализа, представленные выше, можно заключить, что неэффективность данных стратегий диктуется отсутствием склонности постоянно следовать социальным нормам и правилам, предпочтением стереотипных подходов к решению проблем и неспособностью к эффективной деятельности в неопределенных условиях.

Кроме того, «Неинтегрированная стратегия» противоположна по своим составляющим стратегиям № 4 и № 6 (табл. 1), а также отличается наибольшей ригидностью.

Так, например, наличие стратегий № 1 и № 4 связано с высоким уровнем толерантности к неопределенности (MSTAT Д. Маклейна), а выбор стратегии № 6 – со снижением уровня толерантности к неопределенности. Другой пример: между стратегиями № 1 и № 4 и такими показателями, как «Гибкость» (опросник CPI), «Индекс интеллектуальной активности», «Интеллектуальная пластичность» (ОФСДИ В.М. Русалова), установлены положительные зависимости, в то время как стратегия № 6 отрицательно связана с теми же показателями.

Таким образом, эффективные и неэффективные стратегии противоположны по 2 параметрам – уровню толерантности к неопределенности, определяемому тес-

том MSTAT Д. Маклейна, и уровню интеллектуальной пластичности (ОФСДИ В.М. Русалова), описывающей в данном контексте как способность к обучению, гибкость мышления и поведения.

Различие групп испытуемых по шкале «Интеллектуальная пластичность» ($p < 0,01$, тест Манна–Уитни): стратегии № 1 и № 4 характеризуются высоким уровнем интеллектуальной пластичности (средние значения по группе 39,5 и 42,5, возможный диапазон изменений 35–48 баллов), а стратегии № 2 и № 6 отличаются низким уровнем той же характеристики (среднее значение по группе составляет 24 в диапазоне 12–25 баллов).

Как видно из рис. 1, испытуемые, использующие успешные стратегии № 1 и № 4, характеризуются высоким уровнем толерантности к неопределенности (средние значения – 112,5 и 121,5 соответственно), а испытуемые, использующие стратегии № 2 и № 6, отнесенные нами к неуспешным, – низким уровнем толерантности к неопределенности (средние значения – 54 и 56 соответственно). Между уровнем толерантности к неопределенности и стратегиями № 3 и № 5 не выявлено значимых корреляций.

Промежуточными стратегиями являются: № 3 – «Стратегия последовательного ухудшения результатов» и № 5 – «Маятниковая стратегия».

«Стратегия последовательного ухудшения результатов» отнесена к данной группе, поскольку характеризуется наименьшим индексом общей эффективности и максимально поддается коррекции.

Стратегия № 3 положительно связана со шкалами: «Ситуативная тревожность», $r = 0,57$, $p = 0,05$; «Интеллектуальная эмоциональность», $r = 0,49$, $p = 0,05$. Однако эта стратегия отрицательно коррелирует со шкалой «Самостоятельность», $r = -0,47$, $p = 0,05$.

Стратегия № 5 положительно связана со шкалами «Ситуативная тревожность», $r = 0,45$, $p = 0,01$; «Интеллектуальная эмоциональность», $r = 0,54$, $p = 0,01$; выявлена отрицательная связь ее со шкалой «Самостоятельность» $r = -0,58$, $p = 0,05$.

Таким образом, промежуточные стратегии определяются такими характеристиками, как повышенный уровень ситуативной тревожности, повышенная чувствительность к неудачам в интеллектуальном труде, несамостоятельность.

Анализ динамики изменений поведенческих стратегий в ходе тренинга показал, что по окончании курса игрового биоуправления стратегии поведения испытуемых становились более эффективными, а большинство испытуемых овладело самой эффективной стратегией поведения – «Стратегией последовательного обучения». Если на первом сеансе стратегию № 4 использовали 10,8% испытуемых, то к последнему сеансу ей овладели 64,8% (табл. 2).

Анализ данных повторного тестирования, проведенного через год после эксперимента, показал, что у 97% испытуемых стратегии поведения, приобретенные в ходе тренинга, сохраняются.

Таблица 1

Отличие успешных стратегий (№ 1 и № 4) от стратегии № 6
по данным корреляционного анализа с психологическими характеристиками

Название шкалы (Тест)	«Стратегия проб и ошибок с выходом на результат» (№ 1)	«Стратегия последовательного обучения» (№ 4)	«Неинтегрированная стратегия» (№ 6)
Тревожность (Тейлор)		$r = -0,55$ $p = 0,05$	$r = 0,58$ $p = 0,01$
Личностная тревожность (Спилбергер–Ханин)		$r = -0,51$ $p = 0,01$	$r = 0,54$ $p = 0,01$
Ригидность	$r = -0,58$ $p = 0,05$		$r = 0,52$ $p = 0,01$
Толерантность к неопределенности (MSTAT Д. Маклейна)	$r = 0,57$ $p = 0,01$	$r = 0,54$ $p = 0,05$	$r = -0,52$ $p = 0,05$
Интеллектуальная эргичность (ОФСДИ В.М. Русалова)		$r = 0,49$ $p = 0,05$	$r = -0,49$ $p = 0,05$
Интеллектуальная пластичность (ОФСДИ В.М. Русалова)	$r = 0,44$ $p = 0,05$	$r = 0,53$ $p = 0,03$	$r = -0,51$ $p = 0,03$
Индекс интеллектуальной активности (ОФСДИ В.М. Русалова)	$r = 0,46$ $p = 0,01$	$r = 0,50$ $p = 0,04$	$r = -0,56$ $p = 0,01$
Ответственность (опросник CPI)		$r = 0,55$ $p = 0,01$	$r = -0,49$ $p = 0,05$
Толерантность (опросник CPI)		$r = 0,48$ $p = 0,05$	$r = -0,57$ $p = 0,02$
Достижение через подчинение (опросник CPI)	$r = -0,47$ $p = 0,05$		$r = 0,69$ $p = 0,001$
Психологический склад ума (опросник CPI)	$r = 0,48$ $p = 0,05$		$r = -0,50$ $p = 0,05$
Гибкость (опросник CPI)	$r = 0,43$ $p = 0,05$	$r = 0,52$ $p = 0,05$	$r = -0,54$ $p = 0,05$

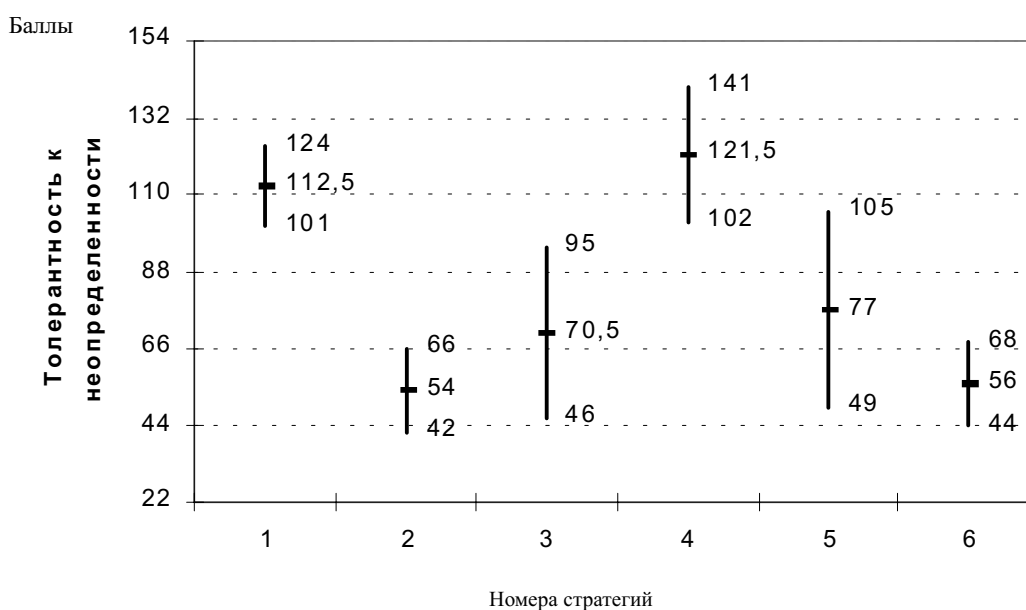

Рис. 1. Различие групп испытуемых по параметру «Толерантность к неопределенности», измеряемому тестом Д. Маклейна

Таблица 2

**Изменение стратегий поведения в курсе игрового биоуправления
(кол-во человек, продемонстрировавших соответствующие стратегии
до и после курса игрового биоуправления)**

	НАЧАЛО ТРЕНИНГА, номера стратегий							ПОСЛЕ
	Стратегия	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	%
КОНЕЦ ТРЕНИНГА номера стратегий	№ 1	1	2	1		1	1	6 8,1
	№ 2	1	1	2			3	7 9,5
	№ 3							0
	№ 4	11	7	5	8	8	9	48 64,8
	№ 5		1	1			1	3 4,1
	№ 6	1	1	4			4	10 13,5
	№ 7							
ДО	Кол-во (чел)	14	12	13	8	9	18	74
	%	18,9	16,2	17,6	10,8	12,2	24,3	100%

Примечание. В числителе – кол-во чел., в знаменателе – %.

Результаты нашего исследования позволили выделить ключевые факторы, от которых зависит эффективность / неэффективность поведения человека в ситуации неопределенности.

Эффективные и неэффективные стратегии противоположны по 2 параметрам – уровню толерантности к неопределенности (MSTAT Д. Маклейна) и уровню интеллектуальной пластичности (ОФСДИ В.М. Русалова), определяющей в данном контексте как способность к обучению, гибкость мышления и поведения.

Показатель эффективности достигнутого результата связан с такими психологическими характеристиками, как толерантность к неопределенности (MSTAT Д. Маклейна), интеллектуальная пластичность (ОФСДИ В.М. Русалова), индекс интеллектуальной активности (ОФСДИ В.М. Русалова), гибкость (опросник СРІ). Чем выше баллы по данным шкалам, тем эффективнее поведенческая стратегия.

В противоположность этим характеристикам такие показатели, как отсутствие склонности постоянно сле-

довать социальным нормам и правилам, недобросовестность (шкала «ответственность» опросника СРІ), предпочтение стереотипных подходов к решению проблем (шкала «Интеллектуальная пластичность» опросника ОФСДИ В.М. Русалова) и неспособность к эффективной деятельности в неопределенных условиях (MSTAT Д. Маклейна) определяют неэффективные стратегии поведения.

Осуществленный нами анализ динамики стратегий поведения в курсе тренинга дает основание полагать, что их эффективность можно повысить с помощью компьютерного игрового биоуправления. Таким образом, результаты нашего эксперимента свидетельствуют о возможностях тренировки способности к эффективной деятельности в условиях неопределенности, которые повышают адаптационные резервы организма, препятствуют развитию чрезмерных по силе и продолжительности стрессорных реакций, предупреждают нарушения нервно-психической сферы у здоровых людей в тех областях жизни, где нередко возникают неопределенные ситуации.

Литература

1. Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. № 6.
2. Очеретная К.Г. и др. Исследование стратегий поведения человека в ситуации неопределенности (на примере компьютерного игрового биоуправления) // Матер. Всероссийской конференции «Человек в условиях неопределенности». Новосибирск: НГУ, 2006. С. 178–194.
3. Штарк М.Б. «Заметки о биоуправлении (сегодня и немного о завтра)» // Биоуправление-3: Теория и практика. Новосибирск, 1998. С. 5–13.
4. Мажирина К.Г. и др. Изменение стратегий поведения человека в ситуации неопределенности в курсе игрового компьютерного биоуправления // Вестник НГУ. Сер. Психология. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 44–50.
5. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2000.

SPECIFICITY OF CHANGES OF HUMAN BEHAVIOUR UNDER AMBIGUITY IN THE COURSE OF BIOFEEDBACK TRAINING
K.G. Mazhirina, O.A. Jafarova, O.N. Pervushina (Novosibirsk)

Summary. We studied human behaviour under ambiguity, role and importance of mechanisms of self-regulation which determined efficacy of behavioural strategies. Characteristics of changes of the strategies in the course of biofeedback training were analyzed. Key factors which determined efficiency/inefficiency of human behaviour under ambiguity were discussed. Analysis of dynamics of behavioural strategies during biofeedback training showed that using computer game-based biofeedback allowed to increase their efficacy.

Key words: behavioural strategies, ambiguity, self-regulation, game-based biofeedback.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ФЕНОМЕНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

А.Д. Карнышев (Иркутск)

Аннотация. Расширение межэтнических контактов россиян как внутри страны, так и за рубежом требует повышения их межкультурной компетентности. Автор рассматривает проблемы, возникающие в процессе контактов.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, гостеприимство, культурный шок, механизм этнической защиты, ксенофобия.

В последние годы проблема эффективности межкультурных коммуникаций оказалась в центре внимания представителей гуманитарных наук во всем мире. На это имеется ряд веских аргументов.

1. В геометрической прогрессии возрастает количество межнациональных контактов, в которые приходится вступать отдельному индивиду в течение жизни, причем в России их рост особенно заметен для младших поколений. В рамках исследования проблем мы попросили старшеклассников ряда школ Иркутской области ответить на вопрос: «В каких нижеперечисленных формах межэтнического взаимодействия приходилось участвовать Вашим родителям и, скорее всего, придется Вам» (в процессе исследования в 20 городах и районах Иркутской области было опрошено 1 180 старшеклассников, 980 родителей учащихся, 860 учителей школ). В отношении межэтнических контактов родителей по рангу были показаны следующие формы:

- 1) туристические поездки в зарубежные страны (47,5);
- 2) работа на совместных предприятиях (27,3);
- 3) взаимодействие с зарубежными туристами (23,6);
- 4) торговые контакты с зарубежными бизнесменами (16,7);
- 5) участие в международных конкурсах и олимпиадах (11,5);
- 6) участие совместно с зарубежными гражданами в экологических и иных мероприятиях;
- 7) стажировки на зарубежных предприятиях;
- 8) обучение (частичное или полное) в зарубежных вузах.

Приведенные данные фиксируют достаточно широкий спектр международных контактов «среднего» поколения (возраст родителей современных старшеклассников 35–40 лет), о чем даже не могло мечтать «старшее» поколение в 1960–1980-х гг. Однако в оценках собственных перспектив межнациональных взаимодействий намерения современных детей идут значительно дальше (как минимум в 1,5 раза) по большинству из приведенных форм.

Можно высказать уверенность, что при аналогичном опросе респондентов, проживающих не в Сибири, а в

центральных регионах России (Москва, Санкт-Петербург и др.), были бы получены цифры, заметно отличающиеся в сторону увеличения. Как и сибирские показатели, они могут отражать и отражают общие тенденции нашего времени, и эти тенденции в обозримом будущем вряд ли изменятся.

2. Существующие в мире достаточно длительный период глобалистические идеи о неизбежной унификации народов и наций, мягко говоря, не получили повсеместного признания. Сторонники глобализма утверждали, что в скором времени люди утратят такую характеристику, как «этническая идентичность», и превратятся в космополитов – граждан одного «великого мира» без каких-либо национальных различий. Этот тезис вряд ли достаточно обоснован и актуален. Даже в самых интернациональных государствах люди стремятся сохранить свою этническую самобытность. Известнейшие американские экономисты в учебнике, подготовленном для студентов всего мира, пишут: «Соединенные Штаты часто называют “плавающим котлом” – местом, где представители разных наций и культур сплавляются в единое более однородное целое. Может быть, Соединенные Штаты более правильно называют «чашей для приготовления салата», в которой различные группы смешиваются друг с другом, но при этом сохраняют свое разнообразие, не теряя важных этнических и культурных особенностей» [6. С. 445]. Можно уверенно говорить, что «этнический салат» в разных странах – это сообщество, которое дорожит специфическим вкусом каждого ингредиента и понимает, что утрата любого из них снижает разнообразие и уникальность человеческой жизни.

3. Оба названных выше обстоятельства требуют как можно более быстрого отхода разных народов от давно установившихся и естественно устоявшихся стереотипов и предрассудков по отношению друг к другу. О том, что здесь много негативного, свидетельствует следующий исторический факт. Сосланный в Тобольск царем Алексеем Михайловичем выдающийся славянский просветитель, серб по национальности, Ю. Крижанич в середине 1660-х гг. написал книгу «Политика», в которой,

в частности, показал отношение иностранцев к представителям русской нации, приведя и негативные высказывания:

– они пренебрегают благородными науками, пребывают в прирожденном невежестве, глупости и грубости;

– у них достаточно острый ум, но подчиняя его лишь собственной корысти и своим страстям, они становятся порочными и злонравными;

– их представители, принадлежащие к какому-либо более высокому сословию, чем остальные, очень высокомерны [7. С. 176, 177 и др.].

Ю. Крижанич показывает, в какой степени такие предвзятые мнения ранят людей, поскольку они необъективны и несправедливы, мешают устанавливать хорошие контакты между людьми разных национальностей. Одновременно автор говорит о порочности ксеномании, что по-гречески означает страсть, влечение к чужим, а в русском языке понимается как патологическая любовь к чужим вещам и народам, патологическое доверие к чужеземцам. При неумеренности такого чувства, по мнению Ю. Крижанича, страдает достоинство народа, он становится во многом обиженным и опозоренным чужеземцами. Рассматривает автор и другие примеры негативного взаимодействия народов, такие как *ксенархия* – власть чужеземных правителей, *ксениласия* – меры, направленные на сокращение общения с иностранцами и ограничение числа иноверцев, проживающих на Руси [7. С. 194–195, 498].

Мы специально обратили внимание читателя на термины и феномены, возраст которых более трех с половиной веков. Дело в том, что эти данные, во-первых, фиксируют определенную целевую направленность негативных мнений (славянофобия), во-вторых, позволяют утверждать, что аналогичные явления, практически не изменившиеся, встречаются в межнациональном взаимодействии и сегодня, значительно снижая потенциальную эффективность контактов. В связи с этим весьма актуален поиск любых положительных элементов во взаимоотношениях народов и нейтрализации негативных обстоятельств. А возможностей для подобного подхода, на наш взгляд, предостаточно. Рассмотрим это с помощью небольшого анализа понятий «ксенофобия» и «гостеприимство», которые, как мы увидим, в целом взаимосвязаны между собой.

Слово «ксенофобия» буквально переводится как страх чужих, но в бытовом языке чаще воспринимается как ненависть к чужим. Этимологически первую часть слова можно свести к двум в чём-то даже противоположным основаниям:

1) *xenia* – у древних греков и римлян означало подарки, которые хозяин делал своим гостям в знак расположения, в особенности застольные подарки; в этом случае составляющую «ксено» можно свести по смыслу к слову «гостеприимство»;

2) *xenos* – чужой, и это обстоятельство показывает некоторую, казалось бы, противоположную реальность.

Хотя, если хорошо разобраться, существенных противоречий здесь быть не может: подарки хозяина «чужим» – это наиболее яркие проявления гостеприимства. Кстати сказать, воспринимаемое сегодня как сугубо русское слово «гость» нисходит, как считают филологи, к индоевропейской основе, которая в латинском языке выражена понятием *hostis* – чужеземец. И снова «гость» – это некий чужой, к которому необходимо проявлять определённые знаки внимания, заботиться о нём, по-видимому, стараясь не выпячивать и не подчёркивать его инородность, непривычность его слов и действий.

Итак, ксенофобию можно рассматривать не только как нетерпимость к чужим, страх перед ними, но и как подготовленность дальнейшей реакции по отношению к ним. Посторонний для рода или племени человек, «инородец», к тому же не владеющий «нашим» языком, был непонятным, непривычным, в чём-то неожиданным по своим повадкам и естественно порождал боязнь группы «наших». Ответное действие по отношению к «чужому», если он не был прямым врагом, а предполагал установление связей с ним, требовало проявления осторожности, терпимости, снисходительности, т.е. толерантности. Всё это и демонстрировалось в разного рода традициях и обычаях гостеприимства.

Таким образом, этимологический, увязанный с психологическим, анализ слова «ксенофобия» приводит к пониманию его, казалось бы, парадоксальности, но на самом деле естественности заключённого в нём «яда» – «страха чужого» – и «противоядия» – понимания неизбежности «сожительства», необходимости отзывчивости и чуткости к нему. «Страшусь, но терплю и принимаю», – данное содержание можно вложить в изначальное понятие «ксенофобия». Однако, к сожалению, такое толкование слова не распространено сегодня, современный акцент сделан лишь на негативную его интерпретацию.

Антиподом ксенофобии, по Ю. Крижаничу, является ксеномания. Её верной спутницей резонно было бы назвать и ксенофилию – любовь к чужим. Но как пирог на весь мир не испечешь, так страсть и любовь ко всем «чужим» практически невозможны, поэтому здесь, кроме пристрастия и расположения, выстраиваются и другие субъективные расстояния. Дистанция к конкретным «чужим» может быть различной: от простого неприятия, детерминируемого неосознанным страхом, до вполне осознанной и непреодолимой ненависти. Известная в социальной психологии методика определения социальной дистанции, введенная американским социологом Э. Богардусом (1925), хорошо иллюстрирует данную реальность. На шкале Богардуса дистанция устанавливается индивидом от признания и предпочтения родственников, друзей, соседей и коллег до неприемлемости некоторых этнофоров даже в целом в «моей» стране. В исследовании по гранту РГНФ «Этнопсихологические ресурсы экологической и туристической деятельности» мы модифицировали для изучения реакций жите-

лей Прибайкалья данный опросник, сформулировав вопрос: «Если бы Вы организовали семейную гостиницу типа «ночлег и завтрак» для иностранных туристов, то представителей каких национальностей Вы бы...», а далее шли варианты ответа (табл. 1).

Оговоримся сразу, что из более чем 30 представителей разных наций, к которым указана социальная дистанция, мы приводим лишь названные не менее 30% респондентов ($n > 1\,000$ человек).

Таблица, если ее рассматривать в общем плане, дает основание утверждать, что понятия «ксенофилия» или «ксенофобия» предполагают обязательное уточнение того, представители какой страны (какого народа) и на каком уровне устанавливают дистанцию по отношению к опять-таки конкретным этническим представителям.

Русофобы или семитофобы к представителям многих других национальностей могут относиться нейтрально или даже проявлять дружелюбие. Ксенофобия чаще всего «адресна», и это надо иметь в виду.

Результаты опроса русских и бурят из Байкальского региона показали, что члены разных этнических групп, живущих и воспитывающихся в близких условиях и принципиально причисляемых по своим мировоззренческим установкам к одной культуре, могут своеобразно устанавливать дистанции по отношению к другим народам. Таблица демонстрирует примеры заметных и статистически значимых различий в дистанции (особенно негативной) к представителям отдельных национальностей. Поскольку размер статьи не дает простора для детальных комментариев, предоставим возможность

Т а б л и ц а 1

Отношение к приёму представителей некоторых стран в семейной гостинице русских (Р) и бурят (Б), %

Отношение к приёму	Национальность							
	Американцы		Немцы		Китайцы		Японцы	
	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р
Приняли бы с удовольствием	16,9	16,7	14,5	21,2	1,2	2,8	15,7	12,1
Приняли бы с некоторыми условиями	15,7	13,8	0,0	0,4	15,7	7,8	13,3	7,8
Приняли бы только по необходимости	2,4	8,5	14,5	8,9	9,6	7,8	7,2	9,3
Не приняли бы ни в коем случае	3,6	4,6	8,4	5,6	7,2	20,2	2,4	5,4

самим читателям сделать некоторые выводы, но заметим, что при установлении позитивной дистанции к китайцам и японцам буряты значительно лояльнее, чем русские, и заметно меньше отвергают представителей данных национальностей, чем русские. Скорее всего, здесь сработал фактор принадлежности всех трех народов к единой (монголоидной) расе, проживания на едином географическом пространстве Азии.

Дифференцированность оценок людей разных национальностей со стороны населения Байкальского (как и любого другого) региона сопровождается и соответствующим отношением иностранных граждан к ним. Чтобы увидеть особенности образов местных жителей через призму взглядов зарубежных туристов, мы предлагали последним поставить по семантическому дифференциалу оценки (традиционно от +3 до -3) «типичному» россиянину и типичному «байкальцу», т.е. местному жителю. Одновременно респонденты оценивали качества «идеала» и самого себя. Данные опроса, вызывающие, на наш взгляд, особый интерес, приведены в табл. 2 (альтернатива дифференцированных качеств не указана, она вполне понятна).

Сама по себе иерархия качеств, отражённая в ответах зарубежных респондентов, вызывает определенный интерес. Но наиболее существенным оказался тот факт, что по ответам японцев коэффициент ранговой корреляции Спирмена (R_s) между характеристиками «я сам» и «россиянин» оказался близким нулю, т.е. какая-либо значимая взаимосвязь между качествами отсутствует. В то же время R_s между качествами «я сам» и «байка-

лец» (при уровне значимости 0,05) оказался статистически достоверным и равнялся 0,445, а R_s между качествами «россиянина» и «байкальца» был также достоверным – 0,70 (при уровне значимости 0,01). Таким образом, «байкалец» хотя и в полной мере сопоставим с «россиянином» по своим качественным характеристикам, но по ряду параметров приближен к самооценкам жителя Страны восходящего солнца. Можно сказать, что японцы по каким-то причинам определенным образом «идеализируют» образ байкальца по сравнению с «россиянином» (средняя оценка первого по всем качествам 1,42, второго – 1,06). Возможно, потому что они, как и местные жители, больше «азиаты».

Наличие эффекта «ореола» в оценке некоторых представителей других национальностей диалектично предполагает и возникновение «антиореола». Участвовавшая в исследовании по линии РГНФ аспирантка Н. Васильева провела опрос по приведенному выше семантическому дифференциалу немцев, которые побывали на Байкале, и немцев, которые не были в здешних местах (последний опрос осуществлялся при стажировке в ФРГ). Выяснилось, во-первых, что немцы, не бывавшие на Байкале, дали чуть более положительную оценку качествам байкальца (1,03 против 0,90 у «побывавших»). Во-вторых, немцы, не бывавшие на Байкале, на первое место среди предполагаемых характеристик «байкальца» поставили «гостеприимный», в то время как у тех, кто совершил поездки, это качество оказалось на последнем (пятнадцатом) месте. Такой «антиореол» можно объяснить очень просто: для немцев гостеприимство – это

Таблица 2

**Оценка японцами и немцами качеств «россиян» и «байкальцев»
по семантическому дифференциалу**

Характеристика	Оценка японцев		Оценка «байкальцев» немцами	
	Россиянин	Байкалец	побывавшими на Байкале	не побывавшими на Байкале (ФРГ)
Гостеприимный	1,60 (3)	1,83 (4)	0,13(15)	1,86(1)
Добрый	1,53(5)	1,92(2)	1,61(1)	1,67(3)
Сильный	2,00(1)	2,18(1)	1,35(3)	1,70(2)
Трудолюбивый	0,14(14)	1,36(10)	0,70(10–11)	1,17(7)
Откровенный	0,53(12)	1,60(7)	1,00(6)	0,74(10)
Тактичный	0,64(11)	1,55(9)	0,78(9)	1,07(8)
Агрессивный	0,56(13)	–0,57(15)	0,52(13)	0,71
Смелый	1,64(2)	1,89(3)	0,87(7–8)	1,24(5)
Доверчивый	0,13(15)	0,67(14)	1,04(5)	1,26(4)
Спокойный	1,50(6)	1,57(8)	1,30(4)	1,21(6)
Общительный	1,31(7)	1,70(5)	0,70(10–11)	0,62(12–13)
Интересный	1,14(9)	0,90(13)	1,48(2)	0,62(12–13)
Оригинальный	1,56(4)	1,33(11)	0,87(7–8)	0,48(14)
Бесшабашный	1,00(10)	1,67(6)	0,39(14)	–0,14(15)
Весёлый	1,20(8)	0,92(12)	0,69(12)	0,95(9)

прежде всего отличный сервис, обеспечение гигиены в быту и при переездах, пунктуальность и корректность в обслуживании, чего «байкальцу» явно не достаёт. Немцы, побывавшие на Байкале, более высоко оценивают такие качества местных жителей, как «интересный», «оригинальный», «откровенный», «спокойный».

В иллюстрации феноменов ксенофобии, гостеприимства, социальной дистанции и т.д. мы не случайно обратились к некоторым туристическим реалиям. Туризм наряду с его потребительской и экологической направленностью сегодня многими рассматривается как мощное средство формирования взаимопонимания между народами, этнической толерантности и межкультурной компетентности, преодоления ксенофобии и предвзятости. Но, как показывают некоторые данные приведенной таблицы, порой все происходит «с точностью до наоборот». В туристских контактах возникает еще один феномен межэтнического взаимодействия, который в современной литературе называют культурным шоком (далее к/ш). Развитие мнений, связанных с культурным шоком, не выгодно ни принимающим туристическим организациям, ни стране в целом, поэтому весьма важно видеть механизмы формирования к/ш и находить возможные «противоядия».

Рассмотрим механизм развития к/ш.

1. Наличие у зарубежного туриста ожиданий, связанных:

– с традициями сервиса, нормами бытового и делового поведения в стране проживания;

– рекомендациями международных документов («Кодекс туриста», «Хартия туриста»), предписывающих стандарты обслуживания посетителей и гостей в разных странах;

– опытом пребывания в туристических поездках за границу и знакомства с культурой обслуживания.

При отсутствии значимых для человека расхождений, несовпадений между названными ожиданиями причин для возникновения к/ш не возникает. При прочих равных условиях к/ш может быть выражен:

– *сильнее*, если реальная практика обслуживания отличается в негативную сторону от всех названных выше ожиданий;

– *слабее*, если: практика обслуживания в стране пребывания низкого качества, но немногим отличается от таковой на родине туриста; опыт сервиса в других странах был также невысокого уровня.

2. Фиксирование серьезных противоречий между ожиданиями (как должно быть) и реальными нормами обслуживания и поведения граждан в принимающей стране; возникает понимание, что ни сам турист, ни даже организаторы тура с этими расхождениями не могут и / или не хотят бороться: для них это привычные, «житейские» вещи.

3. Данная ситуация вызывает состояние тревоги, депрессии и даже враждебности, развивающееся от незначительного беспокойства до отвращения и возмущения в отношении культурных отличий того, к чему привык человек, и того, с чем ему пришлось столкнуться.

4. Отрицательные эмоции усиливаются, когда человек понимает, что в ближайшее время (например, чтобы не прерывать ожидаемых радостей и удовольствия от встреч с природой Байкала) он будет вынужден приспособляться к «беспорядкам» и следовать навязываемым нормам при всем их отрицании.

5. Человек использует установившиеся в его жизни способы восстановления своего психического здоровья и душевного равновесия, но они в должной мере не срабатывают, а порой вызывают еще большую тревогу.

6. Возникают гнев и обида по отношению не только к организаторам туров, но и в целом к стране пребывания, к ее примитивным и неполноценным традициям, ценностям, устоям, отсюда – негативное мнение о самих гражданах данной страны. И обоснованность возникновения предвзятости не может вызвать сомнения.

В процессе исследования по гранту РГНФ мы выявили основные причины, которые вызывают симптомы к/ш:

- 1) слабое знание иностранных языков обслуживающим персоналом (в частности, международного языка – английского);
- 2) антисанитария общественных мест и туалетов;
- 3) грубость в общении;
- 4) неудобства в общественном транспорте;
- 5) предвзятое отношение местного населения к иностранцам (предрасудки);
- 6) незнание стандартов и норм культуры обслуживания.

Особенно остро стоит вопрос о культуре и гигиене обслуживания. Вспоминается в связи с этим один эпизод: два западно-германских туриста-охотника, прибыв на отстрел медведя в зимовье одного из охотничьих хозяйств Прибайкалья, задали егерю первый вопрос: «Где у вас туалет?» Их резкая и даже, можно сказать, обидная для русских реакция на жест охотника указавшего во все стороны тайги была вполне понятной. Вопрос о гигиене и культуре обслуживания иностранных туристов все острее будет вставать в связи с развитием новых форм туристического обслуживания – так называемых гостиниц частного сектора, гостиниц по принципу «ночлег и завтрак», молодежных хостелов и т.п. Они, естественно, больше нужны в районах, сегодня не особо затронутых туристской индустрией или уже объявленных особыми экономическими зонами туристско-рекреационного типа. Таков в целом Байкальский регион.

Показывая содержание и причины возникновения к/ш у иностранцев, нельзя не упомянуть о детерминантах негативных взаимоотношений между представителями разных народов внутри нашей страны. В опросе учителей и родителей были названы причины негативного отношения к «чужим» (см. табл. 3).

Наблюдая высокую согласованность мнений родителей и учителей, вполне резонно предоставить читателю возможность самому сделать необходимые выводы. Обратим внимание на одно существенное обстоятельство: внешние особенности наружности представителей

«чужих» национальностей перестают быть раздражающим фактором, но поступки, действия, идущие вразрез с установившимися нормами и традициями «местных», бросаются в глаза и вызывают отторжение их «носителей». И это психологически не феномен «культурного шока», а проявление культурной, т.е. этнической защиты, ограждения, обороны своих ценностей, обрядов, ритуалов от инородного непризнания и неуважения.

Значительное внимание уделяется в последнее время роли религиозного фактора в межкультурных коммуникациях. Например, причиной серьезных конфликтов, произошедших в начале XXI в. во Франции, Дании (2006 и 2007 гг.), Италии и т.д., явились различия конфессиональных норм и догматов мигрантов и законов, установившихся в европейских государствах. Существует мнение, что именно религия становится точкой отсчета межнациональных коллизий. В России пока процесс возрождения религиозного сознания народов находится в самом начале. Хотя в дореволюционной стране многоконфессиональность, как известно, играла стабилизирующую роль в сотрудничестве и развитии российских народов.

В своих исследованиях мы постоянно включаем в анкеты вопрос о влиянии религиозных взглядов на характер межнациональных отношений. В предварительной версии результаты опроса представлены в табл. 4.

Как видно из таблицы, количество детей и взрослых, признающих положительную роль религии в межэтнических контактах, преобладает.

Этот момент ставит задачу разработки психолого-педагогических механизмов стабилизации межнациональных отношений с помощью религиозных позиций и ритуалов. Здесь имеется два значимых обстоятельства. Во-первых, в содержании разных религий всегда можно отыскать идентичные положения и догматы, которые не разъединяют, а объединяют людей. В частности, многим будет полезно узнать, что золотое правило христианства «не делай другим того, чего себе не желаешь», имеет аналогии во многих религиях:

- буддизм: не делай другим того, что сам считаешь злом;
- индуизм: не делай другим того, что причинило бы боль тебе;
- иудаизм: что ненавистно тебе, не делай другому;
- даосизм: считай прибыль ближнего своей прибылью, его потерю своей потерей;
- ислам: нельзя назвать верующим того, кто не желает сестре или брату всего того же, что желает себе.

Во-вторых, любая современная религия имеет своих приверженцев среди верующих разных национальностей. В частности, христиане могут быть в нашей стране русскими, бурятами, татарами, эвенками, якутами, а представители всех названных национальностей могут принять, например, буддийское вероисповедание. Это означает, что положительные христианские установки межличностного и межэтнического

Таблица 3

Причины негативного отношения к представителям других национальностей, %

№	Причина	Родители	Учителя
1	Грубость, агрессивность	54,5	54,8
2	Национальное высокомерие, чванство	45,1	53,7
3	Вызывающее поведение, нарушающее общественные нормы	47,9	51,8
4	Объединение противоправных группировок на национальной почве	34,9	36,3
5	Нетерпимость к чужой вере и религии	29,7	29,3
6	Нежелание работать, стремление к легкой наживе	28,6	27,0
7	Низкий уровень культуры, духовности	24,3	25,1
8	Проявление национализма в бытовых отношениях	20,3	19,5
9	Националистические высказывания в публикациях, теле- и радиопередачах	17,0	18,8
10	Стремление окружить себя людьми своей национальности	16,5	12,2
11	Низкая коммуникативная культура	7,8	10,0
12	Разительные внешние отличия, непохожесть	4,4	3,7

Таблица 4

Оценка влияния религиозных взглядов на характер межнациональных отношений, баллы

Влияние	Субъекты оценки		
	Учащиеся	Родители	Учителя
Положительное	12,4	14,1	12,3
Скорее положительное, чем отрицательное	23,7	25,0	29,7
Никакого не оказывают	12,8	14,4	13,3
Скорее отрицательное, чем положительное	15,4	14,0	13,3
Отрицательное	5,7	2,8	3,7
Не ответили и затруднились ответить	30,1	29,7	27,5

кого общения могут через адептов данной религии распространяться в сознании других народов.

Необходимость преодоления негативных феноменов, возникающих в контактах представителей разных народов, равно как и важность сближения этноконфессиональных потенциалов общения, сегодня все чаще проявляется в таком понятии, как «межкультурная компетентность». Термин «компетентный» происходит от лат. *competentis* – соответствующий, способный, т.е. обладающий компетенцией, а у термина «компетенция» уже другое основание – *competentia* – принадлежность по праву. Некоторые исследователи приводят иной источник латинского основания данного понятия: от глагола *competere* – добиваться, соответствовать, подходить [10. С. 109].

Термин *компетенция* в последнем своем значении весьма близок понятию *компетентность*. Оба термина представляют собой определенное интегральное свойство, совокупность взаимосвязанных и взаимопроникнутых характеристик личности, позволяющих вполне успешно выполнять закрепленные роли даже в самых трудных ситуациях. «Кот должен ловить мышей, крестьянин – работать в поле, руководитель – руководить, но все должны выполнять свои функции со знанием дела», – говорит китайская пословица.

Вместе с тем слово «компетентность» более точно отражает интегральное личностное свойство. В этом можно убедиться на основании простого анализа. Слово «компетентность» имеет содержательно оформленный антоним «некомпетентность». Люди по уровню своей компе-

тентности могут находиться на двух полюсах: совершенный мастер и совершенный неумелец; одновременно существуют (как и в любом нормальном распределении) индивиды с различными уровнями компетентности/некомпетентности. Понятие же «компетенция» не предполагает альтернативы, поскольку чаще выступает как формальная модель, отражающая совокупность значимых для деятельности или общения качеств и требований, круг обязанностей, нишу закрепленных функций и т.п. В данном случае нерационально заниматься разработкой «антимодели» в связи с ее практической ненужностью.

Разобравшись с понятиями «компетенция» и «компетентность», остановимся на определении межкультурной компетентности. Можно выделить две значимые интерпретации. В первой, близкой к академической, ей предпослана аббревиатура МКК, что означает *межкультурно-коммуникативная компетентность* и подразумевает способность осуществлять эффективную коммуникацию в коммуникативном контексте. Второе определение межкультурной компетентности более приближено к практике и трактуется как «общая способность жить, работать и отдыхать в условиях межкультурных и кросскультурных различий, существующих в повседневной жизни» [8. С. 308–310].

Авторитетные специалисты по психологии межнациональных отношений Г.У. Солдатов и А.В. Макачук в своих работах рассматривают феномен «социокультурная компетентность», оптимальный уровень которой определяется как «наличие у человека специальной си-

стемы мотивов, знаний, умений и навыков, позволяющих успешно строить позитивные отношения с различными людьми, в том числе и с непохожими по самым разным параметрам: этнокультурным, религиозным, расовым, социальным и мировоззренческим» [8. С. 40]. Несмотря на то, что данное определение звучит в работе, суть которой в профилактике ксенофобии, нам импонирует факт установления более широкого содержания социокультурной компетентности по сравнению с ее узкими межэтническими аспектами – этнокультурными и расовыми. Такой подход более рационален.

Межкультурную компетентность (МК, или МКК) вполне естественно было бы увязать со знанием языков: чем больше их знает человек, тем он компетентней. Это хорошо проиллюстрирует поведение и деятельность дипломатов, политиков, деловых людей, связанных с транснациональными корпорациями, и т.д. Кстати, изучение иностранных языков порой называют одним из основных способов воспитания межкультурной компетентности [10. С. 110]. Но если взять *обычного* человека, которому в силу профессиональных функций приходится вступать в контакты с людьми разных национальностей, то критерий знания языка используется редко по двум обстоятельствам: а) уровень знания иностранных языков минимум у 80% взрослых жителей страны крайне низок; б) сегодня уже невозможно знать языки всех народов, с которыми приходится взаимодействовать бизнесменам, туроператорам, государственным и муниципальным чиновникам, милиционерам и сотрудникам ГАИ и т.д. Знание языков может даже сдерживать развитие МК по отношению к представителям других культур. Знать язык в полной мере – мыслить на нём неосознанно. Значит, впитываются соответствующие стереотипы. Например, при изучении западно-европейских языков это могут быть установки индивидуализма. И разговор с коллективистом становится труднее. Даже по этим причинам можно уверенно сказать, что МК и знание языков – это далеко не одно и то же, причём первым овладеть гораздо труднее, чем вторым.

В последнее время многими кросс-культурными психологами предпринимаются усилия наполнить феномен «межкультурная компетентность» конкретным психологическим содержанием. В частности, Д. Мацумото в своей работе приводит 52 фактора, выявленных эмпирическим путем и, по мнению автора, более всего характеризующих МК [8]. Однако при анализе приведенных факторов обнаруживается, что свыше 80% из них говорят не столько о МКК, сколько о способностях, качествах, требованиях (модели компетенции), необходимых для эффективного общения на любом «внутрикультурном», «внутринациональном» уровне. К собственно межкультурным факторам можно отнести лишь 8 из них, в том числе:

- способность приспосабливаться к разным культурам;
- способность действовать в различных общественных системах;

- осознание значимости культурных различий;
- культурную эмпатию;
- отсутствие этноцентризма.

В процессе исследования мы предложили учащимся, родителям и учителям выделить из 12 коммуникативных способностей и умений наиболее значимые, которые можно отнести к межкультурной компетентности; 6 из них по гипотезе исследования относились к общим составляющим успешности любых межличностных контактов, а шесть имели определенную межэтническую окраску. Все три категории респондентов оказались близкими (R_s в пределах 0,85–0,95 при значимости на уровне 0,01) в оценках наиболее существенных качеств МК. Но среди первых четырех потенциалов и умений были названы лишь общие: способность легко и быстро устанавливать отношения с людьми; терпимость к противоположным взглядам и мнениям; умение избегать конфликтных ситуаций. Специфические для МК особенности были по рангу ниже: понимание своеобразия разных народов – на пятом месте, вслед за ним – уважение к ритуалам и религиозным ценностям других народов, умение найти подход к представителям других национальностей. Соотношение «веса» выделенных общих и специфических умений в цифровом выражении и у старшеклассников, и у родителей, и у учителей было как минимум 2:1, т.е. «общие» опять-таки преобладали.

Исследование структуры и содержания МК и МКК находится на начальном этапе, и здесь, несомненно, возможны открытия. Очень важно использовать уже накопленный материал. К примеру, еще в середине 1990-х гг. автором данной статьи на базе Байкальского региона было проведено достаточно объемное теоретическое и эмпирическое исследование феномена межэтнического взаимодействия народов, проживающих на этой территории, и определены социально-психологические условия его эффективности. Межэтническое взаимодействие может быть эффективным, когда:

- взаимодействующими этносами признается уникальность и самоценность каждого из них и личностей, их составляющих, право любого на собственный менталитет и оценку происходящих событий;
- не подлежат сомнению уровень национального достоинства представителей этносов, их высокие адекватные самооценки и самоуважение, в то же время чуждые элементы национальной исключительности, самодовольства, пренебрежения другими нациями;
- партнеры не допускают взаимной предвзятости, вульгаризированных стереотипов – «ярлыков» (прежде всего образов «агрессора», «притеснителя»), стремятся к преодолению различных предрассудков по отношению друг к другу;
- признаются и положительно оцениваются своеобразные традиции, обычаи, обряды, другие этнические нормы народов (в частности, этические, включая эти-

кет), во взаимных контактах соблюдаются наиболее значимые из них;

– участие в совместной взаимовыгодной деятельности, решении общих проблем, обмене товарами и услугами позволяет представителям этносов эффективно реализовать индивидуальные роли, соответствующие их склонностям и способностям, дают личности возможность поднять собственный престиж и статус;

– представители и образовательные структуры этносов обеспечивают изучение языков друг друга, реализацию межкультурного образования, включающую в себя, с одной стороны, знание особенностей культуры и быта других народов, с другой – учет этнопсихологических особенностей субъектов познавательного процесса при их обучении;

– лучшие атрибуты «иной» культуры, уникальные особенности других этносов, специфические умения и

навыки их представителей воспринимаются как возможность расширения собственных потенциалов и способностей, как перспективы развития [2. С. 176].

Естественно, названные условия эффективности межэтнического взаимодействия могут дополняться и варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, к которым в первую очередь необходимо отнести большинство из рассмотренных в статье феноменов: адресность ксенофобии и сопутствующий ей компонент гостеприимства, эффекты ореола и антиореола в межэтнических контактах, культурный шок и его детерминанты, влияние религии на характер межнациональных отношений и т.д. Межкультурная компетентность обязательно должна включать в себя понимание ее носителями не только общих требований к эффективности межличностной коммуникации, но и осознание ими причин и факторов возникновения и развития рассмотренных феноменов.

Литература

1. Винокуров М.А., Карнышев А.Д. Введение в экономическую этнопсихологию. Иркутск: БГУЭП, 2007.
2. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ: БГУ, 1997. 184 с.
3. Карнышев А.Д. Очерки социальной психологии. Иркутск: ИГУ; БГУ, 1998. 325 с.
4. Карнышев А.Д. Ксенофобия: психологическая структура, детерминанты и стратегия преодоления // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития. СПб., 2004. С. 95–101.
5. Карнышев А.Д., Жуков К.С., Шестак В.Ф. Психология в политической деятельности. М.: ИМА-Пресс, 2004.
6. Котлер Ф., Боуэн Дж, Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 1071 с.
7. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. 527 с.
8. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.
9. Солдатова Г.У., Макачук А.В. Может ли другой стать другом? М.: Генезис, 2006. 256 с.
10. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация: Учебник. Р н/Д.: Феникс, 2007. 328 с.
11. Трофимова Е.Л., Карнышев А.Д. Методы исследования и оптимизации межэтнического взаимодействия. Иркутск: БГУЭП, 2007. 224 с.
12. Экономическая этнопсихология: от теории к практике / Под ред. А.Д. Карнышева. Иркутск: БГУЭП, 2006. 189 с.
13. Этнопсихологические ресурсы экологии и туризма: Учеб. пособие / Под. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск: БГУЭП, 2007. 195 с.

PHENOMENA OF INTERETHNIC INTERACTION AND INTERCULTURAL COMPETENCE
A.D. Karnishev (Irkutsk)

Summary. Expansion of interethnic contacts of Russians as inside of the country and abroad increase of their intercultural competence demand. What problems rise on this way and effective interaction should answer what conditions reflects this scientific article.

Key words: hospitality, cultural shock, the mechanism of ethnic protection, Interethnic interaction, inter-cultural competence, xenophobia.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СИСТЕМЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Е.Л. Холодцева (Кемерово)

Аннотация. Конкурентоспособность рассматривается как интегральная характеристика личности специалистов социальной сферы. Выделены разные типы конкурентоспособной личности на этапах обучения и профессиональной деятельности. Отмечено, что особенности ценностно-смысловой сферы, уровень социально-психологической адаптированности личности влияют на динамику изменений конкурентоспособности личности специалистов социальной сферы.

Ключевые слова: конкурентоспособность, интегральное качество, система, индивидуально-психологические характеристики, личностный профиль, ценностно-смысловая сфера, эмоциональное выгорание, профессионализм, коммуникативная компетентность, конфликтная компетентность.

В современных социально-экономических условиях на базе рыночных отношений особую значимость приобретает проблема сформированности личности будущего специалиста, являющегося непосредственным производителем материальных благ, активным участником воспроизводства профессионального и культурного потенциала страны. Уровень развития личности становится одним из условий, влияющих на производство, на общественные отношения. Степень развития личности обучающегося специалиста социальной сферы в значительной мере отражает уровень его будущего профессионализма, характеризующего объективную подготовленность и субъективную готовность к решению профессиональных задач.

Личность, по определению В.Е. Ключко, выступает системным качеством человека, «инструментом» самосозидания, самоорганизации. Она определяет направления самореализации будущего специалиста [7].

Формирование необходимых современному специалисту нормативных качеств личности является основой воспитательной работы в вузе и целью самовоспитания выпускника. Успешность процесса формирования личности в обучении и профессионализации можно оценивать с позиции качества подготовки будущего профессионала, обладающего набором компетентностей, знаний, умений. Конкурентоспособность выпускника на рынке труда зависит от многих внешних и внутренних факторов, среди которых важное место занимает система ценностных координат, определяющая образ жизни личности в ее самореализации, самоосуществлении и самосозидании. Разноуровневые характеристики (индивидуальные, личностные, субъект-деятельностные и др.) выступают основанием для новообразований в психологической системе, «которая включается в дальнейшую детерминацию развития системы» [3].

Таким образом, конкурентоспособность является интегральным свойством личностной самоорганизации, «благодаря которой возможно согласование разнородных характеристик в единой системе, обеспечивающей успешность выполнения деятельности» [6]. Понятие конкурентоспособности личности складывается в сознании ученых-исследователей как представление о степе-

ни развития индивида (Е.Л. Богданова), субъективной готовности к участию в конкурентных отношениях и объективной подготовленности (С.В. Рачина), адаптационном потенциале (С.Т. Посохова), уровне адаптации (А.Г. Маклаков), развитии самосознания (Л.М. Митина), успешной самореализации, реализации личностного потенциала, мотивационной структуре личности (Л.А. Коростылева), уровне полноценной социализации (В.В. Ильин, С.Д. Пожарский) [1, 2, 5, 8, 9, 11]. Таким образом, проведенный теоретико-методологический анализ работ указанных авторов показывает разносторонность подходов к изучению проблемы конкурентоспособности личности.

Нами была предпринята попытка исследовать конкурентоспособность специалистов социальной сферы на этапах обучения в вузе и трудовой деятельности. Исследование заключалось в изучении системы разноуровневых характеристик, психологических закономерностей становления личности на разных этапах профессионализации и их влияния на уровень (высокий, средний, низкий) и структуру качества конкурентоспособности личности.

Анализ работ, посвященных исследуемой проблематике, позволяет утверждать, что качество конкурентоспособности специалистов социальной сферы – это системное образование в структуре личности. Оно зависит от внешних социальных факторов, включающих уровень образования, социальный статус, семейное положение, наличие или отсутствие детей и внутренних индивидуально-психологических особенностей, проявляющихся в принадлежности к определенному полу, доминирующих инстинктах, ценностных ориентациях личности, особенностях мотивационной сферы личности, отношении к себе (самоотношении), уровне социально-психологической адаптированности, притязаниях, стратегиях поведения, направленности, смысловых ориентациях личности [12].

Очевидное противоречие между признанием особой роли в изучении конкурентоспособности личности в системе разноуровневых характеристик работников социальной сферы и недостаточной изученностью процессов порождения и формирования данного феномена позволило

сформулировать цель исследования: изучение конкурентоспособности в системе разноуровневых характеристик личности специалистов социальной сферы.

В эмпирической части исследования были выдвинуты следующие гипотезы.

1. «Конкурентоспособность» является системным разноуровневым образованием в структуре личности специалиста социальной сферы, проявляется на каждом из уровней (индивидуальном, личностном, индивидуальном, субъект-деятельностном), связана с системой профессионально важных качеств.

2. Соотношение систем связей индивидуально-психологических характеристик разного уровня влияет на количественные (высокие, средние, низкие) и качественные (выраженные в структуре и характере связей между признаками) характеристики интегрального показателя.

Базой эмпирического исследования выступили Кемеровский государственный университет, Прокопьевский филиал КемГУ, факультет переподготовки и повышения квалификации социальных работников в г. Кемерове, комплексные Центры социального обслуживания населения в городах Кемеровской области. Выборка испытуемых составила 282 человека женского и мужского пола.

В качестве методов исследования нами использовали анализ специальной литературы, нормативных документов, стандартов подготовки специалистов. Эмпирическое исследование проводилось путем психодиагностического тестирования по экспресс-диагностике отдельных свойств темперамента Г. Айзенка (форма Б); опроснику «Уровень притязаний» В. Гербачевского; методикам: «Изучение стратегий поведения в конфликтной ситуации» К. Томаса, «Диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана; «Многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-PPQ-187-A)», шкала социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса, Р. Даймонда; вопросник на выявление доминирующего инстинкта В.И. Гарбузова и др.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обусловлены логикой исходных методологических позиций автора, использованием апробированных методов, применением валидных диагностических средств, математическими методами обработки, репрезентативностью выборок, взаимозависимостью данных, экспериментальной апробацией разработанных положений, а также внедрением результатов исследования в практику.

Результаты исследования конкурентоспособности специалистов социальной сферы показывают, что наибольшее количество связей образуется на личностном уровне. Поскольку конкурентоспособность оценивалась по принципу принадлежности к деятельности («работающие» или «обучающиеся»), то проследить изменения показателя конкурентоспособности представляется возможным посредством сравнительного метода.

В группах работающих и обучающихся специалистов есть достоверные различия в индивидуально-психологи-

ческих характеристиках по t-критерию Стьюдента, положительно или негативно влияющих на общий показатель конкурентоспособности. Так, например, группа «работающих» специалистов представляет собой высокорезактивных индивидов, склонных к интроверсии ($10,9 \pm 2,7$), характеризующихся «плавающей» самооценкой, высокой тревожностью, пониженным стремлением к самообразованию. Группа «обучающихся», при значении показателя по шкале «интроверсия – экстраверсия» ($13 \pm 3,8$), характеризуется как низкорезактивная, с высокой подвижностью, стабильной самооценкой, малой подверженностью утомлению, стремлением к саморазвитию и самообразованию, общительностью, импульсивностью, гибким поведением, большой инициативой, высокой социальной адаптированностью [4, 12].

Статистически значимые различия в группах наблюдаются по шкале «эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» ($t = 3,80$ при $p < 0,001$). Группа «работающих» склонна к эмоциональной неустойчивости, в отличие от группы «обучающихся» ($14,8 \pm 3,8$ и $12 \pm 4,2$).

Отмечено, что значимыми мотивами профессиональной деятельности в группе «работающих» выступают как внутренние, так и внешние мотивы. Между «внутренней мотивацией» и «внешней отрицательной мотивацией» существует достоверная положительная корреляционная связь ($r = 0,55$ при $p < 0,01$). Данный мотивационный комплекс, по мнению А.А. Реана, имеет негативное значение для личности, так как напрямую вызывает эмоциональную нестабильность работника. В группе «обучающихся» показатель «внутренней мотивации» профессиональной деятельности выше среднего уровня ($4,58 \pm 0,5$). Можно предполагать, что обучающимся специалистам социальной сферы интересны и сам процесс будущей деятельности, и возможность наиболее полно реализовать именно в этой профессии при обязательном продвижении по службе и уважении со стороны окружающих. А.А. Реан указывает, что данный мотивационный комплекс является оптимальным, для того чтобы человек испытывал удовлетворение от собственной профессиональной деятельности.

Исследования показали, что работающие специалисты – люди среднего возраста, в основном женщины, направленные на внутренний мир собственных ощущений, переживаний, чувств и мыслей. Для них характерны устойчивые формы поведения и взаимодействия с окружающими, с опорой на внутренние нормы (методика Г. Айзенка). Они в большей степени склонны к тревогам, что может приводить к быстрому эмоциональному «выгоранию» в профессии. Ориентация на сохранение достоинства, альтруизм и доминирование проявляется в установке личности, характеризующей ее врожденную направленность (методика В.И. Гарбузова). Работающие специалисты социальной сферы придерживаются традиций и имеют тенденцию препятствовать и

противостоять изменениям (методика Р.Б. Кеттелла). Они постоянно беспокоятся о правильности своих поступков, практичны, сохраняют присутствие духа в экстремальных ситуациях (методика Р. Мартенса), однако эмоционально неустойчивы, склонны к расслабленности и удовлетворенности, что может приводить к низким результатам в деятельности (шкала «ориентация на значимые цели» В. Гербачевского).

Данные по коммуникативным особенностям личности работающих специалистов социальной сферы свидетельствуют о сдержанности, точности и надежности даже при невротической утомляемости. Чем выше эмоциональная зрелость, тем выше коммуникативная компетентность, которая позволяет использовать разные стратегии во взаимодействии, конфликтной ситуации (К. Томас).

Характеризуя конкурентоспособность работающих специалистов социальной сферы, можно отметить ее средний уровень, который обусловлен уже наметившимся снижением здоровья в среднем возрасте. Показатель «интеллектуальное и духовное развитие», имея уже накопленный потенциал в уровне и качестве образования, снижается за счет нежелания продолжать образование и самообразование. Уровень конкурентоспособности в группе «работающих» снижается за счет ориентации специалистов социальной сферы на коллективную деятельность, а не персональную, индивидуальную [12].

Сравнение абсолютных значений показателей конкурентоспособности в группах испытуемых свидетельствует о наличии существенных различий в их уровнях. Так, статистически достоверные различия между общими показателями конкурентоспособности, по t-критерию Стьюдента, в группе «работающих» и «обучающихся» специалистов составляют ($t = -10,68$ при $p < 0,001$).

Показатель конкурентоспособности в группе «обучающихся» находится в границе средних значений с тенденцией смещения в сторону высоких значений и составляет $4,07 \pm 0,5$ балла.

Исследование позволяет выдвинуть предположение о том, что молодые специалисты даже при отсутствии профессионального опыта могут составлять серьезную конкуренцию уже работающим специалистам.

На основании полученных данных эмпирического исследования можно составить групповой портрет студента, будущего специалиста социальной сферы. Это молодые люди, в основном женского пола (84,5%), характеризуются общительностью, импульсивностью, гибкостью поведения, большой инициативой, высокой социальной адаптивностью, но малой настойчивостью (методика Г. Айзенка). Представляют исследовательский тип личности, стремятся к сохранению достоинства (методика В.И. Гарбузова).

Общая характеристика личностного профиля в группе «обучающихся», по шкалам многофакторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла, имеет следующий вид:

– сдержанный, склонный все усложнять. Ко всему подходит слишком серьезно, постоянно ожидает возможных неудач;

– постоянно беспокоится о правильности своих поступков, практичен, сохраняет присутствие духа в экстремальных ситуациях;

– предпочитает работать и принимать решения вместе с другими людьми, ему нужны поддержка и опора со стороны группы. Наблюдается отсутствие инициативы и смелости в выборе собственной линии поведения.

Коммуникативная компетентность в группе «обучающихся» имеет свои особенности. Так, например, «обучающиеся» чаще, чем «работающие», используют стратегию «противоборства и давления» ($t = -6,38$ при $p < 0,001$). Работающие специалисты социальной сферы предпочитают стратегию «избегания или уклонения от конфликта» ($t = 5,63$ при $p < 0,001$). Уровень владения всеми стратегиями во взаимодействии значимо выделяется у «обучающихся» ($t = 7,93$ при $p < 0,001$) в сторону высокого, приближенного к «дельте», что характеризует их как компетентных во взаимодействии.

Коммуникативная компетентность включена в другие виды компетентностей (специальную компетентность, социальную компетентность, личностную и индивидуальную компетентность), что проявляется в учебной и профессиональной деятельности как социальная зрелость [10]. Психологическим условием развития данного феномена является развитие самосознания личности. Оно осуществляется путем осознания себя в каждом из трех пространств жизнедеятельности: в системе своей деятельности, в системе общения и в системе собственной личности.

«Обучающиеся» беспокоятся по поводу будущей профессиональной деятельности (высокие значения по показателю «личностная соревновательная тревожность»), так как пока владеют ею на теоретическом уровне. Отсюда низкий уровень притязаний и сомнения в оценке своего потенциала, выявленные по методике В. Гербачевского.

Группа «обучающихся» проявляет удовлетворенность социальной ситуацией, окружением, что говорит о хорошем уровне адаптации к среде и условиям. Достаточно высокий уровень адаптированности позволяет реализовывать ведущую направленность личности обучающихся «на себя», на свои потребности и интересы. Приспособление к условиям будущей профессиональной деятельности осуществляется путем модификации (видоизменения) побуждений, эмоций и отношений, о чем говорят особенности связей между показателями шкалы социально-психологической адаптированности. Чем выше значения по шкалам «эмоциональный комфорт», «внутренний контроль и принятие других», тем успешнее реализация в деятельности (учебной, профессиональной).

Отмечая большое количество корреляционных связей и зависимостей между разноуровневыми характе-

ристикой и показателем конкурентоспособности испытуемых, исследование позволило заключить, что:

- конкурентоспособность специалиста – это системное качество, которое проявляется на индивидуальном, личностном, субъект-деятельностном уровнях;
- оно выступает интегральным показателем, характеризующим конкурентное преимущество и успех специалиста социальной сферы на рынке труда;
- в широком понимании это степень или мера динамического соответствия личностных, профессиональных характеристик специалиста психологическим ожиданиям работодателя, социальным требованиям общества;
- в узком смысле это разноуровневое личностное образование, интегрирующее характеристики личнос-

ти, проявляющиеся в способности предвидеть, обновляться и гибко использовать возможности для профессионального развития и успеха [12].

Внешние и внутренние факторы, влияющие на уровень конкурентоспособности личности специалистов социальной сферы, являются условием и средой развития личности профессионала и влияют на социальную ситуацию в стране в целом.

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в выделении внутренних и внешних факторов, обуславливающих высокий уровень конкурентоспособности, которые позволяют контролировать процесс формирования и развития конкурентоспособной личности специалистов социальной сферы.

Литература

1. Богданова Е.Л. Конкурентоспособность работников на предприятии (методологический аспект) // Социологические исследования. М., 1992. № 11. С. 11–13.
2. Богданова Е.Л. Статистическое исследование конкурентоспособности работников промышленных предприятий: Автореф. ... канд. экон. наук. СПб., 1993. 18 с.
3. Галажинский Э.В. Самореализация личности: взгляд с позиции психоистории // Сибирский психологический журнал. Томск, 2000. Вып. 12. С. 47–49.
4. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2000. 560 с.
5. Ильин В.В., Пожарский С.Д. Философия и акмеология. СПб.: Политехника, 2003. 395 с.
6. Клецина И.С. Структура личностной саморегуляции как фактор успешности в учебной деятельности студентов: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1992. 224 с.
7. Клочко В.Е. Человек как самоорганизующаяся психологическая система // Человек как самоорганизующаяся психологическая система: Матер. регион. конф. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. С. 3–6.
8. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005. 222 с.
9. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. 400 с.
10. Портнова А.Г. Подходы к определению зрелости личности в контексте оценки качества образования // Стратегии и пути развития национального образования в России: Матер. междунар. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 448–455.
11. Рачина С.В. Профессиональное воспитание как средство формирования конкурентоспособного рабочего (на примере Республики Коми): Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ин-т проф. тех. образ. РАО. СПб., 1998. 23 с.
12. Холодцева Е.Л. Конкурентоспособность в системе разноуровневых характеристик личности специалистов социальной сферы: Дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006. 214 с.

PECULIARITIES OF COMPETITIVE ABILITY IN A SYSTEM OF DIFFERENT-LEVEL CHARACTERISTICS OF SPECIALISTS IN SOCIAL SPHERE
E.L. Xolodseva (Kemerovo)

Summary. Competitive ability is viewed as personal integral quality of specialists in social sphere. It is closely connected with different-level personal and psychological characteristics of a personality. Different types of a competitive personality are singled out at training stage and stage of professional activity. It is said that peculiarities of sphere of values and concepts, level of social and psychological adaptability influence the dynamics of changes in competitive ability of specialists in social sphere.

Key words: competitive ability, integral quality, system, personal and psychological characteristics, personality profile, sphere of values and concepts, emotional exhaustion, professionalism, communicative and conflict competence.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО КАК ВИД ИССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.Н. Аксеновская (Саратов)

Аннотация. Анализируются организационные изменения и социально-психологические аспекты изменения организационной культуры. Показано, что социально-психологическое вмешательство в организационно-культурную систему является видом прикладного социально-психологического исследования организационной культуры.

Ключевые слова: организационное изменение, социально-психологическое вмешательство, организационная культура, прикладное социально-психологическое исследование, управленческое консультирование.

Введение

Организационные изменения как самостоятельная социально-психологическая проблема являются частью более широкого проблемного поля – темы социальных изменений, заявленных А. Тэшфелом в качестве ключевой проблемы развития социальной психологии в целом [17, 18]. Как указывают Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова и Л.А. Петровская, Тэшфел понимает изменения очень широко: «Для него “изменение” – фундаментальная характеристика социального окружения, даваемая не только в терминах преобразования технологических, социальных, политических структур, но и включающая в себя онтогенетический феномен...». Авторы также подчёркивают один из весьма важных тезисов Тэшфела о том, что в условиях изменений предсказание социального поведения оказывается практически невыполнимой задачей.

Высокий темп изменений постсовременной реальности является общепризнанным фактом и фактором, определяющим условия функционирования как экономики в целом, так и деловых организаций в частности. Высокая степень неопределённости организационной среды вместе с необходимостью вести конкурентную борьбу средствами инноваций вызвали к жизни совершенно новый, пишет Т.Ю. Базаров, характерный скорее для искусства, нежели для науки управления, метод управления – творческую импровизацию [4. С. 120]. Таким образом, деловые организации более чем какие-либо другие испытывают на себе давление стремительно и постоянно происходящих изменений, а также более чем какие-либо другие организации вносят свой вклад в формирование перманентно изменяющейся реальности.

Цель статьи – обсудить проблему изменения организационно-культурной системы организации в контексте общей проблемы организационных изменений и обосновать возможность взгляда на социально-психологическое вмешательство не только как на практическую деятельность в рамках управленческого консалтинга, но и как на вид прикладного социально-психологического исследования организационной культуры.

Организационные изменения и социально-психологическое вмешательство в организационно-культурную систему

Изменение организационной культуры рассматривается, как правило, в более широком контексте проблемы организационного развития, тесно связанной с психологией управления и практикой управленческого консультирования. В «Управленческом консультировании» под редакцией М. Кубра [14] среди семи основных факторов, изменяемых в организациях, называется фактор культуры и указываются пять случаев, когда необходимо делать акцент на культуре [14. С. 26, 76].

Изменение организационной культуры считается традиционно наиболее сложным видом изменения [7. С. 288], в связи с чем обсуждается тема «сопротивление изменениям» [14. С. 9]. Для обозначения специальных профессиональных усилий по облегчению процессов развития и изменения в людях, малых группах и организациях в управленческом консультировании широко используется понятие «вмешательство» [14. С. 94]. Нередко понятия «изменение», «развитие» и «трансформация», в соседстве с которыми употребляется понятие «вмешательство», используются как синонимы. Само же понятие вмешательства не всем психологам представляется адекватным при обсуждении вопросов социально-психологического воздействия на социальные субъекты и процессы.

Вместе с тем в настоящее время существует серьёзная литература (и соответствующая ей практика), которая не просто опирается на понятие вмешательства, но также тщательно учитывает смысловое различие понятий «изменение», «развитие», «трансформация» и «оптимизация».

Прежде всего, обозначим границы интересующей нас области использования вышеуказанных понятий. Это область организационной психологии и управленческого консультирования, фокусирующихся на проблематике организационной культуры.

«Изменение» в организационной психологии связано с пониманием неизбежности перемен в организациях, являющихся открытыми системами, взаимодействующими с внешней средой и получающими обратную связь, которая побуждает их к изменениям с целью адаптации к новым средовым условиям. Другими словами, организация должна изменяться, чтобы выживать во

внешней среде и достигать в ней своих целей [11. С. 527]. Б. Карлоф связывает возможности изменения организации с ее способностью к самообучению [10. С. 54–55]. Выделяют также и «инструмент изменения». Так, Ст. Бир считает, что «инструментом для изменения является руководитель» [6. С. 23].

В управленческом консультировании изменения считаются смыслом деятельности психолога-консультанта. «Если все различные формы консультативных заданий имеют одну общую характеристику, то это помощь в планировании и осуществлении изменений в организациях клиентов» [14. С. 74]. Как же определяется понятие изменения? «Понятие изменения подразумевает, что между двумя последовательными моментами времени имеются заметные различия в ситуации, человеке, рабочей группе, организации или взаимоотношениях» [15. С. 74]. А. Алексеев и В. Пигалов считают, что изменение – это процесс максимального приближения существующего состояния организации к желаемому состоянию [1. С. 106]. «Всякие изменения содержат неопределенность», как пишут Н. Тичи и М.А. Деванна [13. С. 15], и особенно это касается, с нашей точки зрения, изменений в культуре организации. Как полагает П. Вейлл, «Истинное изменение в культуре – это системное изменение на глубоко психологическом уровне, затрагивающее отношения, действия и артефакты, сформировавшиеся за довольно длительный период времени» [7. С. 151]. Острота проблемы изменений обусловила появление и значимость инноватики – науки о целенаправленных изменениях, нововведениях в социальной организации [12. С. 81].

Развитие в организационной психологии стало обсуждаться после появления в середине 1960-х гг. концепции организационного развития (ОР). У. Френч и С. Белл определяют его как «долговременную работу по усовершенствованию процессов решения проблем и обновления в организации путем более эффективного совместного регулирования культурных постулатов организации – при особом внимании к культуре внутри формальных рабочих групп – при помощи агента перемен, или катализатора, – применяя теорию и технологию прикладной науки о поведении, включая исследование действием» [11. С. 538].

С точки зрения Г.М. Андреевой, организационное развитие в широком смысле слова означает создание особой культуры по использованию различных технологий для совершенствования поведения индивидов и групп в организации (особенно в сфере принятия решений, в разрешении конфликтов, развитии сети коммуникаций). В узком смысле слова организационное развитие есть обеспечение таких условий, при которых организация становится самообновляющейся системой, которая изменяется в зависимости от изменения целей и т.д. [2. С. 298–299].

В сфере управленческого консультирования, работая с высшим управленческим персоналом организаций,

консультанту важно понимать, что «высшая задача управления – разработка курса дальнейшего развития фирмы» [6. С. 24]. Не случайно Н. Тичи и М.А. Деванна называют лидерство «критическим элементом» в совокупности факторов, способствующих достижению успеха организациями. Руководитель-лидер является (или не является) самым гибким элементом в организационной системе, и его собственные возможности и ограничения в плане развития оказывают сильнейшее влияние на развитие организации.

Наиболее часто в качестве задачи управленческого консультирования выделяется задача консультирования по стилю руководства и управления, которая тесно связана с задачей организационного развития [2. С. 300; 14. С. 26–27].

Т.Ю. Базаров выделяет три уровня развития организации: уровень личности (осуществляется в рамках процесса профессионализма), уровень групп (осуществляется в рамках развития группы и командообразования), уровень организации (осуществляется в рамках процесса изменения корпоративной культуры) [5. С. 13]. Таким образом, управляемые организационные изменения могут быть рассмотрены в качестве процесса развития организации [1. С. 106].

Трансформация организаций в организационной психологии – новое, быстроразвивающееся направление вмешательства в состояние организации [16]. Трансформация организации означает создание новой концепции организации, которое облегчается, если организация осуществляет постоянную работу по самооценке и самоизменению. Под ключевыми характеристиками организации в данной модели понимаются концепция организации и организация труда. Различаются также два типа результирующих характеристик деятельности организации: 1) продуктивность, эффективность, качество; 2) индивидуальное развитие членов организаций, совершенствование их способностей и навыков.

Трансформация рассматривается на уровне изменения способов мышления членов организации и развития «индустриальной демократии». В управленческом консультировании работа консультанта-психолога заключается в создании необходимых условий в организации для облегчения процессов изменения способов мышления персонала (в первую очередь управленческого), для индивидуального развития персонала и их профессионального роста, для формирования новой концепции организации. Один из вариантов трансформации рассматривается в книге Н. Тичи и М.А. Деванны [13].

Оптимизация организационно-культурной системы обсуждалась в нашей диссертационной работе (Аксеновская Л.Н., 1997). Оптимизация организационной культуры рассматривается в контексте концепции неравновесных состояний организационно-культурной системы. Неравновесные состояния понимаются как результат скачкообразного ответа системы («катастрофа») на

изменение внешних условий. Оптимизация понимается как процесс восстановления симметрии информационных и энергетических обменов системы со средой и переход в относительно устойчивое состояние. В социально-психологическом плане оптимальность организационной культуры определяется нами как характеристика ее состояния, обусловленная способностью составляющих ее субкультур (индивидуальных и групповых) успешно совмещаться и синтезироваться в таких моделях управленческого взаимодействия, которые способствуют поддержанию жизнеспособности организации.

Вмешательство в социальной психологии обсуждает Г.М. Андреева [2]. Она отмечает взаимозаменяемость понятий «практическая социальная психология» и «социально-психологическое вмешательство» [2. С. 289]. Практический психолог, как она считает, не дает рекомендаций своим заказчикам, не проводит исследований, – он вмешивается сам в некий социально-психологический процесс, сам решает некоторую проблему. В работе Г.И. Андреевой «Социальное вмешательство» называются некоторые возможные стратегии вмешательства в жизнь организации: 1) стратегия индивидуального изменения; 2) техноструктурная стратегия; 3) стратегия базирования на определенном типе данных; 4) организационное развитие или культурное изменение как стратегия вмешательства [2. С. 291]. Сама схема вмешательства: выявление проблемы – диагноз – анализ – план вмешательства – вмешательство – оценка результатов – совпадает с традиционной моделью управленческого консультирования [14. С. 30].

Понятие вмешательства прочно вошло в словарь консультантов по управлению [14]. Под вмешательством здесь понимается применение консультантом совокупности профессиональных методов, способных «облегчать развитие и изменение в отдельных людях, группах и организациях» [14. С. 94]. Среди методов вмешательства называются такие, как обучение и повышение квалификации персонала, кружки качества и т.п.

Направления вмешательства называются также стратегиями изменения организации. Наряду с организационным развитием к их числу можно отнести также трансформацию организации и оптимизацию организационно-культурной системы.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Понятия «изменение», «развитие», «трансформация» и «оптимизация» имеют самостоятельное значение, и использование каждого из них предполагает обращение к определенной модели поведения и действия со стороны психолога-консультанта. При этом «изменение» организации – наиболее общее понятие, обозначающее цель и смысл консультационной работы в организации, а в содержательной части предполагающее возникновение различий в состояниях организации в процессе движения от существующего к желательному состоянию.

«Развитие», «трансформация», «оптимизация» организации и оргкультурной системы – направления социально-психологического вмешательства консультанта в жизнедеятельность организации, определяемые также как стратегии изменения. При этом развитие организации – более традиционный путь, который длительное время был синонимичным «плановому изменению», и определенный в теоретическом и технологическом смыслах.

Развитие организации представляет собой изменения, которые помогают организации адаптироваться к актуальному окружению и предусматривают возможность ее изменения в соответствии с будущими требованиями окружения. Они заключаются в поддающихся оценке нерадикальных изменениях когнитивных процессов и поведения членов организации.

Трансформация организации – новое, быстро развивающееся направление вмешательства, предполагающее радикальную смену концепции организации, существенные изменения в организации труда и перманентный характер осуществляющихся изменений.

Оптимизация организационно-культурной системы – новое направление социально-психологического вмешательства, позволяющее поддерживать устойчивость и целостность организационно-культурной системы в процессе изменений как типа «развитие», так и типа «трансформация», а также в процессе непреднамеренных изменений (см. таблицу).

Вмешательство – общее название для некоторой разновидности социально-психологической практики в организациях, включающей в себя: 1) личное участие консультанта-психолога в процессах изменений в организации; 2) выбор определенной стратегии изменения (направления вмешательства, например развитие, трансформация или оптимизация); 3) набор соответствующих методов, позволяющих реализовать ту или иную стратегию.

Сущность вмешательства – предупреждение нежелательных вариантов изменения организации. Цель вмешательства – облегчение процессов изменения по типу развития, трансформации или оптимизации в отдельных людях, группах и организационно-культурных системах.

Неоднозначность восприятия нашими специалистами понятия «вмешательство» связана, как нам представляется, с традицией употребления этого слова в военно-политическом контексте («военное вмешательство», «вмешательство во внутренние дела сопредельных государств» и т.п.), т.е. с привычкой давать этому слову негативную смысловую нагрузку. В литературе по практической социальной психологии, управлению и консультированию, большая часть которой является сегодня переводной, мы имеем дело в основном с переводом слова «вмешательство» с английского языка, который в данном случае оказывается более точным, дифференцированным, ибо каждый вид вмешательства обозначается самостоятельным словом. Например, интересующий нас вид вмешательства обозначается словом «interference», политическое вмешатель-

Стратегии социально-психологического вмешательства

Цель консалтинга	Изменение организации		
Способ изменения	Вмешательство		
Направления вмешательства (стратегия изменения)	Развитие организации	Трансформация организации	Оптимизация организационной культуры
Методы вмешательства	1. Обучение 2. Внедрение новых технологий	Проектирование и внедрение механизмов самоизменения организации и организационно-культурной системы	Моделирование управленческого взаимодействия
Результат вмешательства	Нерадикальное изменение когнитивных процессов и поведения членов организации, позволяющее реадaptироваться к изменяющимся условиям среды	Изменение концепции организации и организации труда, позволяющее: 1) повысить продуктивность, эффективность и качество работы; 2) осуществить индивидуальное развитие членов организации и усовершенствовать их способности и навыки	Изменение качественных характеристик управленческого взаимодействия и повышение эффективности и результативности деятельности управленческой команды

ство – «intervention», нежелательное вмешательство – «meddling», хирургическое вмешательство – «surgical operation». Вмешиваться для пресечения нежелательных последствий – «step in...». Другими словами, слово «вмешательство» в русском языке относится к группе тех слов, чье значение можно установить только путем использования сопутствующего прилагательного. Говоря о «социально-психологическом вмешательстве», мы решаем проблему установления смысла ситуации, в то время как использование термина «воздействие» (взамен «вмешательству») искажает смысл происходящего, ибо сужает значение и характер поведения консультанта в организации.

Резюмируя вышеизложенное, отметим еще раз, что изменение является целью и смыслом консалтинга, оно осуществляется путем социально-психологического вмешательства, суть которого заключается в личном участии психолога во внутриорганизационных процессах, а цель – в осуществлении и облегчении процессов развития и трансформации отдельных людей, групп и организаций, а также в оптимизации организационно-культурных систем. Данные процессы мы можем рассматривать также как направления вмешательства (стратегии изменения).

Социально-психологическое вмешательство как вид прикладного социально-психологического исследования организационной культуры

Тема взаимоотношений фундаментальных и прикладных исследований в социальной психологии по-прежнему остается одной из наиболее обсуждаемых в профессиональном сообществе. Очередным подтверждением актуальности этой темы стал круглый стол «Соотношение прикладной и фундаментальной социально-психологической науки в изменяющейся социальной реальности», прошедший в рамках празднования 40-летия факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Т.Ю. Базарова 23 ноября 2006 г.

Отметим две модели, предложенные для обсуждения в ходе дискуссии. Так, Г.М. Андреева использовала

дихотомию «наука – практика» и обозначила различия между ними по критерию цели функционирования. Для «науки» целью было названо «исследование», для «практики» – «внедрение/вмешательство/решение задач». При этом «научные исследования» были разделены на два типа – фундаментальные и прикладные. В фундаментальных исследованиях было предложено различить «теоретические исследования» и «эмпирические исследования», а в связи с «прикладными исследованиями» Г.М. Андреева поставила следующий вопрос: насколько обоснованно объединение прикладных и практических исследований, которое в последнее время часто обнаруживается в профессиональных обсуждениях?

Очевидно, наличие такой тенденции в первую очередь свидетельствует о реальном сближении социально-психологической науки и социально-психологической практики в нашей стране. Социально-психологическая практика становится реальным инструментом развития социально-психологической науки, особенно если ею занимаются («практикуют») ученые. Соответственно, и практика в этом случае становится наукоёмкой и наукоориентированной и мы получаем синергетические эффекты, развивающие оба крыла социальной психологии (науку и практику).

Более дифференцированную модель «устройства» социальной психологии предложил Т.Ю. Базаров, выделивший не две, а три ипостаси современной социальной психологии: фундаментальную психологию; прикладную психологию («прилагающуюся к фундаментальной») и практическую психологию («клиентоориентированную»). Для нас эта модель интересна тем, что отражает «трехмерную» реальность социальной психологии, как она видится практикующему учёному, который сопрягает в своей деятельности ежемоментно теоретические «истины» и практические задачи (в международной практике такие специалисты называются «консультирующие профессора») [14. С. 51].

Научная работа и консультирование (социально-психологическое вмешательство) могут быть тесно связаны друг с другом и успешно друг друга развивать. Безусловно,

но, существует определенная специфика в каждом конкретном виде деятельности, но развитие этих видов деятельности очень часто происходит за счет разного вида миксов, сочетаний и совмещений подходов и методов.

Сегодня можно констатировать, что сближение «науки» и «практики» идет полным ходом, рождая новые образы как науки, так и практики. Университеты получают заказы на выполнение консультантских проектов от корпораций и государства, а консалтинговые фирмы занимаются научными исследованиями. «Они имеют официальные научно-исследовательские программы, занимаются исследованиями по контрактам (составляя конкуренцию университетам и НИИ), публикуют книги на основании собственных исследований или же сотрудничают по научным темам с университетами и отдельными учеными. Некоторые консультантские фирмы получили репутацию научных центров» [14. С. 36].

Возвращаясь к модели Т.Ю. Базарова, отметим, что с нашей точки зрения его модель отражает реально существующую ситуацию в социальной психологии с точки зрения практикующего исследователя, ученого. Ученый-консультант – это создатель нового знания (фундаментальная наука), это агент изменений, «решатель» задачи (практическая психология) и медиатор, посредник между фундаментальной и практической психологиями, их «сопрягатель» (прикладная психология).

Таким образом, прикладная психология, как посредничающая между фундаментальной и практической, создается практикующими учеными и представляет собой поле саморефлексии как практики, так и теории, которое формируется и развивается на базе высокой методологической культуры, с одной стороны, и разностороннего опыта практической деятельности – с другой.

В статье А.А. Грачева, посвященной разработке методологии прикладного психологического исследования в сфере организационного проектирования, предпринята попытка определения основных требований к прикладному психологическому исследованию [8]. А.А. Грачев пишет: «...прикладное исследование, в отличие от академического, использует язык не описания, а управления: оно направлено на преобразование действительности на основе определенных критериев эффективности» [8. С. 70]. «Язык управления», упоминаемый А.А. Грачевым, хорошо известен не только в теории управления, но и в различных психотерапевтических практиках (например, модель SCOR): «...а) определение идеального состояния объекта, б) оценка реального состояния, сравнение с идеальным и определение рассогласования, в) построение программы, направленной на устранение рассогласования, г) реализация программы, д) оценка результатов» [8. С. 70]. На базе вышепредставленных компонентов управления А.А. Грачев формулирует ряд требований к прикладному исследованию: «...система понятий, образующих прикладное исследование, должна давать представление как об идеальном, так и о реальном состоянии объекта; эта

система должна быть реализуема в совокупности эмпирических показателей и методов, лежащих в основе диагностики состояния объекта (первичной, оперативной и итоговой); результаты диагностики состояния объекта должны быть реализуемы в программе, направленной на преобразование объекта; прикладное исследование должно предусматривать специальные методы, обеспечивающие реализацию программы преобразования объекта» [8. С. 70].

В другой части текста А.А. Грачев дает важное разъяснение по поводу «языка управления»: это язык проектирования и разработки технологий, при этом психолог может использовать менее точные методы, так как с их помощью он может получить более надежную информацию [8. С. 71].

Резюмируя вышесказанное, отметим следующие ключевые моменты.

Социально-психологическое вмешательство, являясь инструментом осуществления изменений в реальных организациях, имеет двойное назначение. С одной стороны, социально-психологическое вмешательство – это способ управленческого консультирования и реализации консалтинговых проектов. С другой стороны, осуществляемое консультантом-исследователем социально-психологическое вмешательство является видом прикладного социально-психологического исследования организационной культуры.

Как способ управленческого консультирования социально-психологическое вмешательство строится в логике «регулятивного цикла»: выявление проблем – диагноз – анализ – план вмешательства – вмешательство – оценка результатов или по схожей консалтинговой схеме: подготовка – диагноз – планирование действий – внедрение – завершение.

Как вид прикладного исследования социально-психологическое вмешательство использует модель управления (перевод организационно-культурной системы из существующего в желательное состояние по определенной программе) и «язык управления» (разработку, проектирование технологий вмешательства с целью изменения). Описание разработанной и внедренной технологии есть case (конкретный случай). Прикладное социально-психологическое исследование может быть идентифицировано как таковое и по субъекту исследовательской деятельности (практикующему ученому, владеющему языком своей науки и опытом научно-исследовательской работы). Другими словами, прикладное социально-психологическое исследование осуществляется практикующим ученым и своим результатом имеет решенную задачу (case), что позволяет делать теоретические обобщения.

Заключение

Проблема организационных изменений тесно связана с практикой социально-психологического вмешательства

ства в организационно-культурную систему деловой организации. Изменение, являющееся смыслом и целью управленческого консалтинга, осуществляется путём социально-психологического вмешательства, что позволяет облегчить процессы изменения организационно-культурной системы средствами развития, трансформации либо оптимизации. Вместе с тем социально-психологическое вмешательство, являясь инструментом осуществления изменений в реальных организациях, име-

ет двойное назначение. С одной стороны, оно есть способ управленческого консультирования и реализации консалтинговых проектов. С другой стороны, социально-психологическое вмешательство является видом прикладного социально-психологического исследования организационной культуры, что позволяет получать научные результаты (фактологические данные, теоретические обобщения) в реальных условиях жизнедеятельности деловых организаций.

Литература

1. Алексеев А., Пигалов В. Деловое администрирование на практике: инструментарий руководителя. М.: Технологическая школа бизнеса, 1994. 144 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1999. 376 с.
3. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М.: Аспект-Пресс. 2002. 286 с.
4. Базаров Т.Ю. Импровизация как основа совместного творчества в управлении // Национальный психологический журнал. Ноябрь. 2006. С. 120–122.
5. Базаров Т.Ю. Кадровые технологии нового времени: развитие среды, организации и персонала // Материалы VI ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Психология бизнеса: Москва–Питер». СПб.: Иматон, 2003. С. 13–14.
6. Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. 416 с.
7. Вейлл П. Искусство менеджмента. М.: Новости, 1993. 224 с.
8. Грачев А.А. Прикладная психология и организационное проектирование // Национальный психологический журнал. 2006. Ноябрь. С. 69–78.
9. Доблаев В.Л. Организационное поведение. М.: Дело и Сервис, 2006. 416 с.
10. Карлоф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы. Уфа: Академия менеджмента; Москва: Экономика, 1993. 367 с.
11. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992. 702 с.
12. Радугин А.А., Радугин К.А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж: Воронеж. гос. арх.-строит. акад.; Высшая школа предпринимателей, 1995. 195 с.
13. Тичи Н., Деванна М.А. Лидеры реорганизации (из опыта американских корпораций): Пер. с англ. М.: Экономика, 1990. 204 с.
14. Управленческое консультирование: В 2 т. М.: СП «Интерэксперт», 1992. Т. 1. 319 с.
15. Щедровицкий Г., Розин В., Алексеев Н., Непомнящая Н. Педагогика и логика. М.: КАСТАЛЬ, 1993. 416 с.
16. Porras J.I., Silvers R.C. Organization Development and Transformation // Citation Annual Review of Psychology. 1995. Vol. 42. P. 51–78.
17. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. № 33. P. 1–30.
18. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 7–24.

ORGANIZATIONAL CHANGES AND SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL INTERVENTION AS A KIND APPLIED SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL RESEARCHES OF ORGANIZATIONAL CULTURE

L.N. Aksenovskaya (Saratov)

Summary. The problem of organizational changes and problem of socially-psychological aspects of change of organizational culture is considered. It is shown, that socially-psychological intervention in organizational-cultural system is a kind of applied socially-psychological research of organizational culture.

Key words: organizational change, socially-psychological intervention, organizational culture, applied socially-psychological research, administrative consultation.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ¹

В.А. Руженков, Ю.Н. Гомеляк (Белгород)

Аннотация. Статья посвящена изучению когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей межличностного взаимодействия подростков, лишенных родительского попечения. Выделяются факторы, определяющие уровень социально-психологической адаптации детей, лишенных родительского попечения.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие; подростки, лишенные родительского попечения; депривация; социально-психологическая адаптация; агрессивность; зависимость; подчиняемость.

Социально-экономические процессы, происходящие в России в последние десятилетия, резко обозначили многие социальные проблемы, в том числе и социальное сиротство [2, 3]. Дети, лишенные родительского попечения, с одной стороны, на ранних этапах проживания в асоциальном окружении усваивают неадаптивные способы коммуникации, с другой – после лишения родительского попечения теряют эталон близкого взрослого для подражания, что затрудняет процесс социализации. В результате к подростковому возрасту искажается процесс формирования ведущей деятельности – интимно-личностного общения, что может служить predisposition для социально-психологической дезадаптации.

Литературные данные, посвященные проблеме воспитания в условиях родительской депривации [6–8] свидетельствуют о значительных проблемах у воспитанников детских домов и школ-интернатов в адаптации в новом микросоциальном окружении. С одной стороны, для успешной социально-психологической адаптации и осуществления ведущей деятельности в подростковом возрасте необходимы навыки эффективного межличностного взаимодействия; с другой – в условиях воспитания в детских учреждениях нарушается процесс межличностного взаимодействия, поскольку у них формируются деструктивные поведенческие стереотипы и отсутствуют адаптивные паттерны межличностного взаимодействия, которые обычно дети усваивают в семье. В литературе [1, 5, 6, 8, 9] описаны различные личностные особенности детей, воспитываемых в условиях родительской депривации: неадекватная Я-концепция, затруднения в формировании самосознания, повышенная конформность, поверхностность чувств, конфликтность, агрессивность, обидчивость, склонность к нарушениям общепринятых норм и правил, а также неумение организовать отношения как со взрослыми, так и со сверстниками. Однако сегодня в научной психологической литературе отсутствует комплексное описание особенностей межличностного взаимодействия подростков-ЛРП² на эмоциональном, когнитивном и поведен-

ческом уровнях как фактора эффективного осуществления ведущей деятельности и успешной социально-психологической адаптации в данном возрасте. Поэтому проблема верификации особенностей межличностного взаимодействия и социально-психологической адаптации подростков, воспитываемых в условиях родительской депривации, важна в плане разработки комплексных психолого-медико-педагогических психокоррекционных программ, направленных на повышение уровня адаптивности и качества жизни детей, лишенных родительского попечения.

Целью настоящего исследования было изучение особенностей межличностного взаимодействия и социально-психологической адаптации подростков-ЛРП.

В основу исследования положена *гипотеза*, согласно которой у подростков-ЛРП существуют нарушения аффективной сферы в виде комплекса негативных переживаний в отношении близких взрослых (родителей) и сверстников как на сознательном, так и на бессознательном уровнях, а также различного рода деформации навыков социального взаимодействия, препятствующие успешной адаптации в социуме.

Объект исследования – межличностное взаимодействие подростков-ЛРП.

Предмет исследования – эмоциональные, когнитивные и поведенческие составляющие межличностного взаимодействия подростков-ЛРП.

В соответствии с целью, гипотезой и предметом исследования нами решались следующие задачи.

1. Выявить доминирующие эмоциональные переживания подростков-ЛРП в процессе межличностного взаимодействия.

2. Изучить особенности когнитивного и поведенческого компонентов межличностного взаимодействия указанного контингента подростков.

3. Определить характеристики социально-психологической адаптации и верифицировать факторы, детерминирующие неадаптивные стереотипы межличностного взаимодействия подростков, воспитываемых в условиях родительской депривации.

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 02-06-00073А (грант РГНФ).

² ЛРП – здесь и далее – «лишенные родительского попечения».

Материал и методы исследования

С целью реализации поставленных задач в течение 2001–2003 гг. на базе детских домов и школ-интернатов г. Белгорода и Белгородской области нами было обследовано 93 подростка-ЛРП в возрасте 13–16 лет (44 мальчика и 49 девочек), средний возраст $14 \pm 1,2$ года – основная группа, из них 40 подростков из детских домов, 53 – из школы-интерната, а также 60 подростков из полных семей в возрасте 13–15 лет (26 мальчиков и 34 девочки), средний возраст $14 \pm 1,3$ года – контрольная группа.

Основные методы исследования: эмпирический (психодиагностические методы: восьмицветовой тест М. Люшера в модификации Л.Н. Собчик и цветовой тест отношений (ЦТО) М.А. Эткинда, направленные на изучение эмоционального компонента интерперсонального взаимодействия, методики «Личностный дифференциал» и «Незаконченные предложения», направленные на изучение когнитивного компонента, а также методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика «Q-сортировка» В. Стефансона, экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга, направленные на изучение поведенческого компонента межличностного взаимодействия), математико-статистический метод обработки базы данных при помощи пакета прикладных статистических программ STATISTICA 6 (методы описательной статистики, критерий Стьюдента t (параметрические данные), критерий χ^2 (непараметрические данные), корреляционный (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) и факторный анализ) и интерпретационный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Восьмицветовой тест Люшера выявил повышенную выраженность ($t > 2,4$; $p < 0,05$) эмоциональной напряженности (тревоги) подростков-ЛРП ($3,2 \pm 0,22$ балла) по сравнению с контрольной группой ($2,4 \pm 0,25$ балла). У значительной части подростков-ЛРП – 82 (88,2%) человека – основные цвета (синий, зеленый, красный, желтый) занимали одну из 3 последних позиций ряда, что свидетельствует о том, что символизируемая этим цветом потребность фрустрирована и является источником стресса. В 26,7% случаев в группе подростков-ЛРП (против 13,5% среди подростков из полных семей) компенсация тревоги осуществлялась с помощью одного из дополнительных цветов (коричневого, серого и черного), которые располагались на 1-й позиции, обуславливающих утрированность реагирования и ригидный характер поступков и поведения.

Процедура ЦТО М.А. Эткинда, который применялся для изучения структуры конкретных отношений детей в микросоциальном окружении, предполагала как непосред-

ственную оценку предъявленных стимулов (Я, мой друг, мои сверстники, мать, отец) путем вычисления рангового места цвета, ассоциируемого с тем или иным стимулом, что отражало сознательный уровень отношений, так и опосредованно, через анализ ассоциированных эмоций (детей просили подобрать цвета к базовым эмоциям [4]: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина). Сопоставление цветов, ассоциированных со стимулами и эмоциями, позволяло выйти на бессознательный уровень отношений.

Результаты ЦТО М.А. Эткинда показали, что статистически достоверных различий по показателям средних рангов цветов, ассоциируемых с образом друга и сверстников у подростков-ЛРП и у подростков из полных семей не выявлено ($3,6 \pm 0,26$ и $3,5 \pm 0,25$; $4,3 \pm 0,26$ и $4,4 \pm 0,27$ соответственно), что свидетельствует об одинаковой значимости дружеских отношений для обеих групп детей. Однако в цветовых ассоциациях основной группы по сравнению с контрольной выявлены статистически достоверные цветовые предпочтения как к образу друга ($\chi^2 > 12,4$; $p < 0,01$), так и сверстников ($\chi^2 > 12,84$; $p < 0,01$). С образами друга и сверстников они ассоциируют черный, серый и желтый цвета, которым в ЦТО приписываются разнообразные негативные характеристики (с одной стороны – слабость, пассивность, эгоистичность, с другой – активность при низком контроле, враждебность), а образ сверстника как партнера по общению воспринимается с чувством горя, отвращения, страха, презрения.

Также подростки-ЛРП обнаруживают негативное отношение к близким взрослым (родителям), причем более негативным является отношение к образу отца. Так, черный, серый и коричневый цвета ассоциируют с образом матери 33 подростка-ЛРП (35,5%), а с образом отца – 56 подростков-ЛРП (60%), по сравнению с контрольной группой (соответственно 4 подростка (6,6%), $\chi^2 > 25$; $p < 0,001$; 20 подростков (33%), $\chi^2 > 14,5$; $p < 0,01$). При этом отношение к ним сопровождается комплексом противоречивых или негативных переживаний: чувством горя, гнева, отвращения, презрения, страха: к матери у 55 подростков-ЛРП (59%), к отцу у 58 подростков-ЛРП (62,4 %) (по сравнению с контрольной группой соответственно: 23 подростка (38%), $\chi^2 > 9,3$; $p < 0,05$, 19 подростков (31,7) $\chi^2 > 10,4$; $p < 0,05$).

Методика «Личностный дифференциал» не обнаружила статистически достоверных различий между основной и контрольной группами по факторам оценки, силы и активности, но подтвердила данные, полученные с помощью ЦТО о важности и значимости межличностного взаимодействия для подростков основной и контрольной групп.

Методика «Незаконченные предложения» выявила у подростков-ЛРП искажения, существующие в когнитивном восприятии партнера по общению. На фоне положительного образа друга у подростков-ЛРП доминиру-

ют такие его характеристики, как «верный, преданный, понимает, не бросит в трудную минуту, заботился, любит, хорошо ко мне относится», что отражает общую неудовлетворенность их в эмоционально теплых, поддерживающих, стабильных и доверительных отношениях с близким человеком. При этом на когнитивном уровне в высказываниях подростков основной группы о своих реальных друзьях отчетливо звучит подозрительность: друзья «обсуждают меня, говорят обо мне плохо

за моей спиной, сплетничают», кроме того, присутствует страх, что друг «обманет, выдаст секреты». Характерна также слабая дифференцированность когнитивных представлений у подростков-ЛРП, которые для описания партнера по общению использовали упрощенные формулировки (хороший, нормальный), затрудняясь конкретизировать свой ответ.

Результаты *теста Т. Лири* по характеристикам партнера по общению представлены на рис. 1.

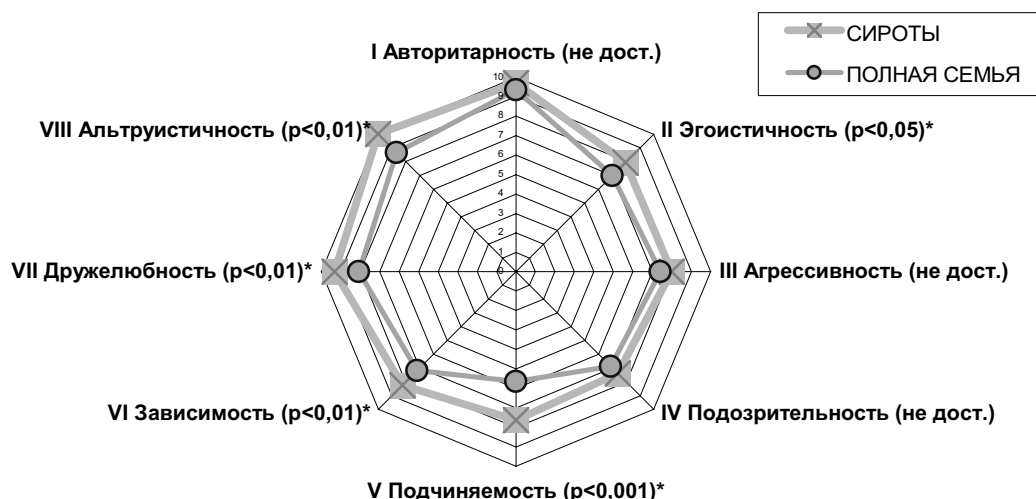

Рис. 1. Основные поведенческие тенденции подростков-ЛРП и подростков из полных семей (по данным теста Лири)

Как видно из рис. 1, подростки-ЛРП статистически достоверно превосходят сверстников из полных семей по октантам: эгоистичность (II), подчиняемость (V), зависимость (VI), дружелюбность (VII) и альтруистичность (VIII). При том что показатели по октантам в основной и контрольной группах относятся к среднему уровню, выявленные различия свидетельствуют о том, что подростки-ЛРП в межличностном взаимодействии демонстрируют противоречивые черты: с одной стороны, они более эгоистичны, ориентированы на себя, с выраженным чувством собственного превосходства над окружающими, склонны к соперничеству, независимости и доминированию по сравнению с группой подростков из полных семей; с другой стороны, зависимы, следуют за лидером, подчиняемы и не уверены в себе, застенчивы, пассивны, демонстрируют скромность, робость, уступчивость, послушание и гиперсоциальность установок в межличностных контактах, стремятся найти опору в ком-либо более сильном, чаще всего не имеют собственного мнения или не умеют его отстаивать. Нередко свои проблемы подростки-ЛРП стараются перекладывать на окружающих.

Результаты *теста К. Роджерса и Р. Даймонда* представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, подростки-ЛРП достаточно адаптированы в своей микросоциальной среде, поскольку показатели по этому параметру у них находятся в пределах средних значений, однако уровень их адаптации несколько ниже уровня адаптации подростков из полных семей. На наш взгляд, определенный уровень адаптации их в условиях детских домов и школ-интернатов объясняется преобладанием несамостоятельности, ориентации на внешний контроль и ожиданием, что проблемы будут решены другими, что соотносится с реальными условиями жизни этих детей, где от воспитанников ожидается полное подчинение, наличие четкого регламента и отсутствие необходимости решения житейских проблем, которые за них решают воспитатели. Такие условия жизни способствуют возникновению синдрома «выученной беспомощности» (Мартин Селигман), что создаёт значительные трудности в социально-психологической адаптации воспитанников после выпуска. Подростки-ЛРП обнаруживают более низкий уровень самопринятия по сравнению с подростками из полных семей, проявляют неуверенность в себе и негативное отношение к своей личности, формирующееся в результате воспитания вне семьи. Это обусловлено от-

Таблица 1

Результаты теста «Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда»

Октанты	Подростки-ЛРП		Полная семья		t>	p<
	М	m	М	m		
Адаптивность	132,4	2,68	140,5	2,76	2,1	0,05
Деадаптивность	104,5	3	81,67	4	4,5	0,001
Неприятие себя	19,09	0,78	14,4	1	3,9	0,001
Неприятие других	19,8	0,78	15,67	0,84	3,7	0,001
Эмоциональный дискомфорт	20,03	0,86	15,22	1,11	3,4	0,01
Внешний контроль	25,26	0,96	18,55	1,2	4,47	0,001
Ведомость	20,55	0,58	17,08	0,84	3,4	0,01
Эскапизм (уход от проблем)	19,2	0,56	17,6	0,6	2,0	0,05

сутствием близкого, безусловно любящего взрослого, способного внушить чувство уверенности и полноценности. Кроме того, им присуще состояние хронического эмоционального дискомфорта с негативной оценкой окружающих и неприятием их, что связано, по нашему мнению, с последствиями родительской депривации, поскольку, имея негативный опыт взаимодействия с близкими взрослыми, дети склонны экстраполировать его и на окружающих, относясь к ним с враждебностью и подозрительностью.

Тест «Q-сортировка» В. Стефансона выявил статистически достоверные различия между основной и контрольной группой по тенденции «зависимость/независимость» ($\chi^2 > 21,38$; $p < 0,001$), которая определяется как внутреннее стремление индивида к принятию групповых стандартов и ценностей. То есть в межличностном взаимодействии подростки-ЛРП более зависимы и ведомы и менее самостоятельны, чем дети из полных семей. И хотя стремление принимать ценности и нормы референтной группы характерно для подросткового возраста, у подростков основной группы оно выражено в большей степени, чем у их сверстников из полных семей, что свидетельствует об определенных деформациях в личностном развитии.

Тест С. Розенцвейга выявил, что для большинства подростков-ЛРП – 74 (79,6%) – характерна экстрапунитивная направленность реакций ($\chi^2 > 25,11$; $p < 0,001$), что означает направленность детей вовне, на окружающих. Можно предположить, что в процессе совладания с разными жизненными проблемами подростки-ЛРП предъявляют повышенные требования к окружающим, несамостоятельны, стремятся подключить к разрешению ситуации других, переложить на них ответственность за решение проблемы, зачастую агрессивны.

Статистически достоверные различия между сравниваемыми группами обнаружены также по типу реакций детей на фрустрирующую ситуацию. Для подростков-ЛРП характерен самозащитный тип реагирования (ED) (его обнаруживают 74,2% подростков-ЛРП; $\chi^2 > 37,3$; $p < 0,001$). Это значит, что у них сильнее неуверенность в себе, ниже уровень самообладания, чаще колебания в принятии решений и эмоциональные сры-

вы. У них зачастую проявляются агрессивность, бестактность, грубость в отношениях с окружающими. Поведение такого типа выражается в жесткой привязанности к ситуации, неумении эмоционально отвлечься от фрустратора, самостоятельно найти выход из конфликта, неспособности взять на себя ответственность за его решение, стремлении переложить эту ответственность на окружающих, неумении и нежелании признать свою вину.

В целом подростки-ЛРП воспринимают ситуации препятствия и ситуации обвинения как угрожающие им, их благополучию и самочувствию и реагируют в 72% случаев агрессивными реакциями экстрапунитивной направленности с фиксацией на самозащите, что свидетельствует о явном доминировании негативных тенденций в отношении к окружающим и низкой фрустрационной толерантности (табл. 2). Большинство подростков из полных семей склонны рассматривать те же фрустрирующие ситуации как малозначащие, не имеющие серьезного значения (сочетание М и OD – 28,3%), что объясняется более позитивным отношением к окружающим, стремлением разрешить проблемную ситуацию, не испытывая собственного дискомфорта и не обижая участников ситуации (см. табл. 2).

Коэффициент GCR, который определяется как мера адаптации субъекта к своему социальному окружению, ниже у подростков-ЛРП по сравнению с подростками из полных семей, что означает более низкую степень их социальной адаптации ($49,68 \pm 1,0$; $57,86 \pm 1,79$ соответственно, $t > 4,2$; $p < 0,001$).

Таким образом, определенный уровень адаптации подростков-ЛРП в своей микросоциальной среде объясняется преобладанием у них несамостоятельности, ориентации на внешний контроль и ожиданием, что проблемы будут решены другими, что соотносится с условиями жизни в детских домах и школах-интернатах, где от воспитанников ожидается полное подчинение, где они живут по четкому регламенту и не сталкиваются с необходимостью решения проблем реальной жизни, которые за них решают воспитатели. Тем самым мы можем предположить возникновение значительных трудностей в адаптации выпускников детских домов и школ-интернатов, которые в неизменном и постоянном мире интер-

Результаты теста С. Розенцвейга по сочетанию направленности и типа реакций подростков-ЛРП (n=93) и подростков из полных семей (n=60)

Дети-ЛРП	Тип реакций						Полная семья	Тип реакций					
	OD		ED		NP			OD		ED		NP	
Направленность реакций	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Направленность реакций	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Е	—	—	67	72	7	7,6	Е	1	1,7	14	23,3	10	16,7
І	—	—	—	—	6	6,5	І	—	—	1	1,7	4	6,6
М	4	4,3	2	2	7	7,6	М	17	28,3	1	1,7	12	20
Всего	4	4,3	69	74	20	21,7	Всего	18	30	16	26,7	26	43,3

ната оказываются более адаптированными за счет развития у них черт зависимости и подчиняемости, однако плохо умеют приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям реальной жизни, где требуются самостоятельное решение проблем, использование разнообразных поведенческих стратегий и гибкость поведения.

Корреляционный анализ полученных данных у подростков-ЛРП свидетельствует о том, что среди наиболее задействованных в корреляционных зависимостях звучат такие переменные, как «подозрительность», «зависимость», «подчиняемость», отрицательно связанные с адаптацией, уровнем самопрятия, эмоциональной комфортностью, интернальностью и стремлением к доминированию. Как представляется, черты подозрительности, злопамятности, подчиняемости, зависимости, обидчивости, звучащие у подростков-ЛРП весьма отчетливо, являются при этом результатом опыта депривации. Но выработанные как реактивные, вынужденные, они не принимаются самой личностью (отсюда – отрицательная связь с показателем самопрятия) и не являются адаптивными. Кроме того, они препятствуют формированию обычных для возраста констелляций черт (в том числе связанных с проблематикой автономности, эгоистичности и формирования зрелого самоуважения), тем самым задерживая и искажая развитие личности в пубертатный период, препятствуя успешному осуществлению ведущей для данного возраста деятельности – интимно-личностного общения со сверстниками, формированию навыков взаимодействия с незнакомыми сверстниками и взрослыми.

Факторный анализ полученных данных у подростков-ЛРП позволил выделить 3 фактора, характеризующих особенности их межличностного взаимодействия и социально-психологической адаптации: фактор дезадаптивности, фактор подозрительности и фактор зависимости. *Дезадаптацию* подростков-ЛРП определяют такие характерные для них особенности, как подозрительность, подчиняемость, неприятие себя, неприятие других, эмоциональный дискомфорт, ориентация на внешний контроль, ведомость, что препятствует успешному осуществлению ведущей деятельности и социально-психологической адаптации. Фактор *подозрительности* отражает комплекс особенностей поведения подростков-ЛРП (эгоистичность, авторитарность, агрессивность,

подозрительность) в процессе межличностного взаимодействия. Фактор *зависимости* мы склонны интерпретировать как одно из основных искажений личностного развития, формирующееся в результате депривационного воспитания. Ключевой характер этой установки обусловлен тем, что подростковый возраст определяется как разрешение проблемы индивидуации, утверждение своего Я в группе сверстников, что не находит подтверждения в группе детей-ЛРП, которые демонстрируют более зависимое и подчиняемое по сравнению с детьми из полных семей поведение.

Таким образом, в результате исследования установлено, что эмоциональный компонент межличностного взаимодействия подростков-ЛРП определяется чувством эмоционального дискомфорта с негативной оценкой окружающих и неприятием их, а также высокой степенью эмоциональной напряженности вследствие неудовлетворенности основных потребностей, ведущая из которых отражает отсутствие гармонии и разлад в сфере значимых межличностных контактов. Наряду с сознательным стремлением к установлению дружеских связей, эмоциональное восприятие партнера по общению у них сопровождается неосознаваемыми чувствами горя, отвращения, страха, презрения, а субъективное отношение к близким взрослым характеризуется комплексом негативных переживаний как на сознательном, так и на бессознательном уровнях и является предиспозицией нарушений эмоционального компонента интерперсональной коммуникации.

Когнитивный компонент межличностного взаимодействия подростков-ЛРП отличается слабой дифференцированностью и негативной аффективной насыщенностью когнитивных представлений, отражающих их общую неудовлетворенность в эмоционально теплых и стабильных отношениях с близким человеком.

Поведенческий компонент межличностного взаимодействия подростков-ЛРП определяется противоречивыми чертами: с одной стороны, они более эгоистичны, склонны к соперничеству, обидчивы, злопамятны, подозрительны, агрессивны, конфликтны, по сравнению с группой подростков из полных семей, с другой – зависимы, подчиняемы, ведомы, неуверенны в себе, склонны снимать с себя ответственность.

Уровень социально-психологической адаптации подростков-ЛРП более низкий, чем у сверстников, воспи-

тывающихся в полной семье. Это обусловлено слабой развитостью волевой саморегуляции и трудностями планирования собственной деятельности как результата аномального воспитания (подчинения навязываемому порядку и выработке поведенческих стереотипов ведомости, зависимости, склонности снимать с себя ответственность за происходящее и приписывать её внешним условиям). Факторами, определяющими трудности в их социальной адаптации, являются подозрительность и зависимость.

На основе результатов исследования, позволивших выделить основные дезадаптивные стереотипы межлич-

ностного взаимодействия подростков, воспитывающихся в условиях лишения родительского попечительства, с применением современных психотехнологий гештальттерапии, бихевиоральной психотерапии и нейролингвистического программирования, нами разработана комплексная психокоррекционная программа.

В качестве основных методов работы нами использовались элементы тренинга сенситивности, ролевые игры, элементы сказкотерапии, элементы психогимнастики, элементы психодрамы, элементы арт- и игротерапии, элементы гештальттерапии и НЛП, релаксационный практикум.

Литература

1. Боулби Дж. Детям – любовь и заботу // Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия: Учеб. пособие / Ред.-сост. В.С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 144–154.
2. Войтенко Т.П. Проблемы развития детей в детских домах и школах-интернатах / Т.П. Войтенко, М.Н. Миронова // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 118–120.
3. Голик А.Н. Социальная психиатрия сиротства. М.: Лаборатория Базовых Знаний, 2000. 192 с.
4. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
5. Лангмейер Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчек. Прага: Авиценум, 1984. 336 с.
6. Прихожан А.М. Дети без семьи: Детский дом: заботы и тревоги общества / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Педагогика, 1990. 160 с.
7. Психическое развитие воспитанников детского дома / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. М.: Педагогика, 1990. 264 с.
8. Смагина Л.И. Сиротство как социальная проблема: Пособие для педагогов / Л.И. Смагина, А.К. Воднева, Ю.А. Сойка и др.; Под ред. Л.И. Смагиной. Мн.: Універсітэцкае, 1999. 144 с.
9. Шпиц Р.А. Поведение депривированных детей // Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия: Учеб. пособие / Ред.-сост. В.С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 166–167.

FEATURES OF INTERPERSONAL INTERPLAY OF ADOLESCENTS, UPBRINGING IN THE CONDITIONS OF DEPRIVATION OF PARENTAL CARE

V.A. Ruzhenkov, Y.N. Gomelyak (Belgorod)

Summary. The article is dedicate to the study of cognitive, emotional and behavioral features of interpersonal interplay of adolescents, deprived of parental care. The factors, determinant the level of social-psychological adaptation of children, deprived of parental care, were found out.

Key words: interpersonal interplay; adolescents, deprived of parental care; deprivation; social-psychological adaptation; aggressiveness; dependency; submission.

О ПРОБЛЕМЕ СЕМЕЙНЫХ ФОРМ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ИХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Н.И. Кондратьева (Чита)

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема – семейное жизнеустройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Акцент делается на приоритетность семейного воспитания и необходимость психолого-педагогического сопровождения семейного жизнеустройства детей-сирот.

Ключевые слова: дети-сироты, семейное жизнеустройство, замещающая забота, семейное воспитание, психолого-педагогическое сопровождение.

Семейное воспитание является важнейшим фактором развития ребенка, формирования нового поколения, развития общества в целом. Однако в настоящее время Россия переживает третью волну сиротства. Две предыдущие были связаны с войнами (Первой мировой войной и революцией и Великой Отечественной войной). В мирное время трудно признать и принять как естественные основные причины детского сиротства: алкоголизм родителей; жестокое отношение к детям в семье, пренебрежение их потребностями; преждевременная смерть родителей (чаще всего из-за неестественной); увеличение численности недееспособных родителей (одна из распространенных причин – психическое заболевание); отказ от детей младенческого возраста; большое количество родителей, находящихся в местах лишения свободы. Следствие указанных причин – невозможность воспитывать своих детей. Дальнейшая судьба детей, оставшихся без попечения родителей, определяется их устройством в детский дом либо в семью.

Жизнь ребенка в детском доме затрудняет социализацию ребенка, приводит к серьезным проблемам внутриличностного, межличностного характера и т.д. Семейное жизнеустройство детей-сирот – один из важных путей решения проблемы сиротства, позволяющий реализовать право ребенка на семью. Семья является средой, в которой возможно установление интимных, эмоционально насыщенных отношений с родителями и формирование здоровой, активной и социально адаптированной личности [1, 2]. В своем ежегодном послании к Федеральному собранию Российской Федерации в 2006 г. Президент России В.В. Путин обозначил важность семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предлагая субъектам Российской Федерации обратить на эту проблему пристальное внимание, и отметил, что крайне важно восстановить старинные ценности бережного отношения к семье, к родному очагу, ведь любовь к Родине начинается с любви к своей семье [3].

Среди важнейших факторов, определяющих значимость семейного воспитания, исследователи называют глубоко эмоциональный, интимный характер внутрисемейных отношений (Ю.П. Азаров, А.В. Петровский и др.), постоянство и длительность воспитательных воздействий (Т.А. Маркова, З. Матейчек и др.), наличие

объективных возможностей для включения детей в бытовую, хозяйственную, воспитательную деятельность, постепенное приобщение их к социальной жизни и поэтапное расширение кругозора и опыта (Т.А. Куликова, А.Г. Харчев), дифференцированность семейной социальной группы, в которой представлены различные возрастные, половые и профессиональные «подсистемы» (Ю.П. Азаров, И.В. Гребенников) [5].

В теории и практике психологии в настоящее время формируется система психолого-педагогического сопровождения всех форм семейного устройства. Вопросы воспитания, развития ребенка в приемной семье находят свое отражение в ряде исследований (Г. Адамсон, В. Голанс, О.М. Дерябина, А.И. Довгалева, О.В. Заводикина, В.К. Зарецкий, Н.П. Иванова, А. Кадушин, Г.С. Красницкая, Р.В. Овчарова, В.Н. Ослон, С.С. Пиюкова, А.С. Спиваковская, А.Б. Холмогорова, В.М. Целуйко и др.). Необходима подготовка будущих родителей к принятию ребенка в семью. Анализ психолого-педагогической литературы показал, что в основном авторами рассматриваются разнообразные подходы к работе с профессиональными приемными семьями [4, 6]. Проблема психолого-педагогического сопровождения таких форм семейного устройства, как опека, в доступной нам литературе освещена неполно. Сопровождение профессиональных и непрофессиональных форм семейного устройства имеет существенные отличия, связанные с мотивами принятия ребенка в семью, оплатой труда приемных родителей и т.д.

В Читинской области на базе государственного образовательного учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр диагностики и консультирования “Семья”» (далее по тексту – ГОУ «Центр Семья»), развивается новое направление деятельности – психолого-педагогическое сопровождение семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это направление реализуется через внедрение модели психолого-педагогического сопровождения семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Разработка, апробация, внедрение модели сопровождения происходило в несколько этапов.

Первый этап (2003–2004 гг.) – изучение общественного мнения, востребованность и необходимость пси-

холого-педагогического сопровождения семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, разработка основных компонентов модели. Было проведено несколько социологических опросов населения Читинской области (городского и сельского), позволяющих изучить степень знаний о формах устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, мотивы принятия в семью и т.д. Обобщенные результаты анкетирования показали: свыше 90% из 200 опрошенных отметили необходимость получения информации об устройстве детей-сирот в семью; 70% респондентов имели верное представление о такой форме устройства детей, как усыновление; только 22% дали верное определение опеке и попечительству; 11% знали, что такое патронатное воспитание, и только 5% верно дали определение приемной семье. Между тем самой распространенной формой устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семью в Читинской области является опека и попечительство.

Важно, на наш взгляд, что необходимость психологической помощи, сопровождения семей в период оформления документов, адаптации ребенка к новой среде отмечена в 75% случаев. Опрос специалистов органов опеки также показал необходимость такого вида помощи.

Полученные результаты позволили наметить теоретические направления исследования вопроса психолого-педагогического сопровождения семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Анкетирование, направленное на изучение мнения родителей, воспитывающих кровных детей, о возможности принять ребенка в семью, позволило сделать следующие выводы. В свою семью приняли бы ребенка-сироту родители при условии: материальной стабильности – 40%, помощи от государства – 40%, осведомленности об истории рождения – 13,3%, любви к ребенку – 19%, поддержки близких – 7%, наличия льгот при обучении – 7%. По мнению 80% семей, проблема семейного жизнеустройства касается каждой семьи, а не только тех, кто заинтересован в этом по личным причинам. Ведущими мотивами принятия ребенка в семью 70% опрошенных считают невозможность иметь собственных детей, наряду с этим 50% отмечают любовь к детям. На основании данных анкетирования был подробно разработан блок по информированию населения о формах устройства детей в семью. Одновременно проводился анализ имеющейся литературы.

На втором этапе (2005–2006 гг.) была апробирована и внедрена модель психолого-педагогического сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Следует отметить, что психолого-педагогическое сопровождение понимается нами как деятельность, касающаяся не только подготовки семей к принятию ребенка и

сопровождения семьи в дальнейшем, но и как краткосрочное обучение специалистов, работающих с семьями, имеющими приемных детей. Обучение специалистов осуществляется для всех районов Читинской области. Нами были выделены следующие практические задачи:

1. Разработать систему мероприятий, направленных на пропаганду семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

2. Обеспечить подготовку специалистов (педагогов-психологов, социальных педагогов, специалистов по защите и охране прав детства, специалистов органов опеки и попечительства) через проблемные семинары во всех районах области.

3. Разработать общий алгоритм консультирования опекунов, приемных родителей, обратившихся в ГОУ «Центр Семья», их дальнейшее сопровождение.

4. Подготовить диагностический инструментарий для изучения различных сфер личности, сферы общения, стиля семейного воспитания, мотивов создания семьи и т.д.

Поставленные задачи реализуются через такие формы работы, как семинары, лекции, круглые столы, творческие гостиные, дни открытых дверей, театрализованные мероприятия с одновременным проведением дискуссий о трудностях и путях их решения в приемных семьях, выпуск брошюр и практических рекомендаций для родителей, тренинги, ролевые игры, коррекционно-развивающие занятия с детьми, индивидуальное психологическое консультирование по запросу и др.

Целевой группой для нас стали кандидаты в опекуны и потенциальные приемные родители, опекуны, специалисты, работающие с семьями, имеющими приемных детей.

Показателем эффективности внедряемой модели могут служить повышение уровня родительской компетентности участников целевой группы, а также повышение степени активности и заинтересованности в вопросах психолого-педагогического сопровождения семей с приемными детьми участников целевой группы.

В реализуемой модели нами были выделены несколько взаимосвязанных направлений:

1. Краткосрочное обучение специалистов новым формам работы с семьей в виде выездных проблемных семинаров. Основным содержанием проблемных семинаров стали лекции с элементами обсуждения и самостоятельной работы, обучение практическим формам и методам работы с семьями, информирование об общих принципах психолого-педагогического сопровождения семейного жизнеустройства.

2. Практические занятия для опекунских семей в виде тренингов по оптимизации детско-родительских отношений, дискуссий, обмена опытом и т.д.

3. Информационная работа в виде пропаганды семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

4. Подготовка будущих родителей к принятию ребенка в семью.

Неотъемлемой частью модели было изучение особенностей воспитания ребенка в опекунской семье, определение предпочитаемых стилей воспитания. Проведенное в 2006 г. психодиагностическое исследование позволило наиболее точно отразить все направления модели. Результаты данного исследования значимы для нашей работы и представлены ниже. В работе использовались следующие методики: опросник «Анализ семейного взаимодействия» (АСВ) [7], опросник родительского отношения Варги-Столина (ОРО). Для подтверждения некоторых характеристик детско-родительских отношений дополнительно использовалась методика изучения внутрисемейных отношений PARI.

В исследовании принимали участие 88 семей. При анализе стилей семейного воспитания полученные результаты мы сравнили с результатами стилей семейного воспитания в семьях с кровными детьми; для оценки различий между двумя выборками использовался критерий U Манна-Уитни. Сравнению подверглись результаты опросника родительского отношения Варги-Столина и опросника АСВ.

По опроснику родительского отношения не были выявлены статистически значимые различия между двумя выборками. Как в основной, так и в контрольной выборке выражена шкала «Симбиоз», «Кооперация». В процентном выражении интересна шкала «Симбиоз» – 80% семей с опекаемыми детьми стремятся к симбиотическим отношениям, ощущают постоянное чувство тревоги за ребенка, стремятся быть с ним единым целым (70% – в семьях с кровными детьми).

По методике «АСВ» статистически достоверные различия были получены по таким признакам семейного воспитания, как «гиперпротекция» (шкала Г+), «потворствование» (шкала У+), «игнорирование потребностей ребенка» (шкала У–), «чрезмерность требований-обязанностей» (шкала Т+), «недостаточность требований-запретов» (шкала З–), «предпочтение детских качеств» (шкала ПДК), «проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» (шкала ПНК), «воспитательная неуверенность» (шкала ВН), «предпочтение мужских качеств» (шкала ПМК), «предпочтение женских качеств» (шкала ПЖК). Каждый из указанных признаков в семьях с опекаемыми детьми достоверно превосходит признаки, выявленные в семьях, воспитывающих только кровных детей.

В основной выборке наблюдается непоследовательность в воспитании, воспитательная неуверенность, по-

вышенная забота о ребенке. Преобладающим стилем семейного воспитания в основной выборке является «потворствующая гиперпротекция» (66%), в семьях с кровными детьми данный показатель составляет 43%. Стил «доминирующая гиперпротекция» также занимает ведущее место. Среди нарушений стилей семейного воспитания этот стиль составляет 25% (21% – в семьях с кровными детьми). Практически не выражен такой стиль воспитания, как «гипопротекция» (9% семей с опекаемыми детьми). Не выявлены в основной группе такие стили, как «эмоциональное отвержение», «жестокое обращение» и «повышенная моральная ответственность». В контрольной группе стили «гипопротекция» и «повышенная моральная ответственность» составляют 14%.

Беседы с опекунами подтверждают полученные результаты. Так, в 75% семей воспитываются дети родственников, которые лишены родительских прав, отбывают наказание в местах лишения свободы. Опекуны отмечают, что иногда чувствуют «бессилие в процессе воспитания», «не знают, что делать с ребенком». Некоторые опекуны приняли ребенка в семью потому, что «внезапно узнали о том, что родители лишены родительских прав, не хотели, чтобы ребенок попал в детский дом, хотя и не были готовы к воспитанию еще одного члена семьи». Больше половины семей ссылаются на сложности в воспитании ребенка в связи с тем, что «возраст родителей, когда появился приемный ребенок, был за сорок лет».

Третий этап (2007–2008 гг.) – обобщение и анализ результатов. Предварительный анализ полученных данных показал, что планомерная и систематическая работа, внедрение модели психолого-педагогического сопровождения семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на примере опеки позволяет повысить степень эффективности воспитания детей в семье. В целом растет готовность педагогов-психологов, специалистов органов опеки и попечительства, социальных педагогов к использованию новых форм и методов работы с семьей; у опекунов появляется потребность принимать психолого-педагогическую помощь специалистов, повышается психологическая культура семьи.

Таким образом, результаты данного исследования, на наш взгляд, являются важными для дальнейшего развития семейных форм воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Забайкалье и повышения эффективности воспитания в условиях семейной заботы.

Литература

1. Баркер Б. Фостерные семьи // Дети «группы риска»: социальная, психолого-педагогическая помощь: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. М., 1998. С. 92–100.
2. Дети социального риска и их воспитание / Под ред. Л.М. Шипицыной. СПб.: Речь, 2003. 144 с.
3. Нормативные документы в помощь опекунам и попечителям. Чита, 2006. С. 2–18 с.

4. Ослон В.Н., Холмогорова А.Б. Замещающая профессиональная семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 79–85.
5. Пиюкова С.С. Формирование педагогической компетентности родителей приемных детей: Дис. ... канд. пед. наук. М.: РГБ, 2003.
6. Целуйко В.М. Приемные дети и приемные родители // Семейная психология и семейная терапия. 2005. № 2. С. 40–65.
7. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2000. 656 с.

THIS PROBLEM IS ABOUT THE ESCORT OF FAMILY'S FORMS OF CHILDREN-OPHENS-UP BRINGING
N.I. Kondratieva (Chita)

Summary. This article is devoted by the topical problem. This problem of the problem of children without parents. It is important to live and to receive education in the family. It is necessary to have the escort of the teacher-psychologist for children.

Key words: orphans, to live in family, to deputize for parents, family education, the escort of the teacher-psychologist.

КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ

ФАНАТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма¹

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. В статье продолжается разговор о фанатизме и его индивидуально-личностных диспозициях. Рассматривается фанатизм в психоаналитической интерпретации, анализируются его внепсихоаналитические характеристики, виды и типология фанатизма, а также соотношение фанатизма и фундаментализма.

Ключевые слова: фанатизм, духовное здоровье, индивидуально-личностные диспозиции, виды и типы фанатизма, фундаментализм.

Фанатизм в психоаналитической интерпретации.

З. Фрейд, свободный от предубеждений, которые «ограничивают других в использовании интеллекта» [6. С. 52], настоятельно подчеркивал хрупкость и уязвимость человеческого разума, совести и социальной организации. Культура и нравы оказываются под угрозой страстей Оно; в любой момент общественный порядок может деградировать в примитивное состояние. Требуются большие культурные усилия, чтобы обуздать врожденную деструктивную склонность человека. Он развеял легенду о «солнечном детстве» и показал, что социализация ребенка сопровождается нарушениями, которые нередко приводят к тому, что потенциал вытесненной враждебности накапливается в инфантильной психике. Всюду, где гнев (*die Wut*) не может быть выражен, он, накапливаясь, превращается в ненависть, холодную циническую злобность. На протяжении всего детства – из гнева оральной неудовлетворенности, из огня «анального» стыда, из одипального поражения – в психике варится сукцессивно потенциал ненависти тем сильнее, нетерпимее, без любви, чем насильственнее воспитание, чем сильнее ситуация бедности и униженности, в которой ребенок вырастает, чем чаще он оказывается прямым свидетелем грубости и насилия [14, 15]. Всегда, во всех конфликтах и в условиях угрозы идентичности этот «параноидный потенциал» проявляет себя часто совершенно неадекватно [12].

М. Кляйн [13], основательница психоаналитической теории объект-отношений, усматривает корни фанатизма не столько в эдипальном комплексе, сколько в элементарных базовых позициях – «параноидно-шизоидной» и «депрессивной» – ребенка по отношению к материнскому объекту – к «плохой» и «хорошей» матери, в архаическом расщеплении между любовью и ненавистью, в радикальном стремлении уничтожить зло. И параноидно-шизоидная духовная позиция, радикаль-

ное расщепление мира на «хороший» и «плохой» с глупинно-психологической позиции является основополагающей характеристикой всякого фундаментализма и фанатизма.

В Я-психологической теории объект-отношений Отто Кернберга [11] подчеркивается роль ненависти как «зажигательной смеси для фундаменталистских и тоталитарных идеологий, которые пытаются отрицать деструктивность человеческой экзистенции». Возникновение ненависти с самого начала тесно связано с развитием либидо. Как и Кляйн, Кернберг видит в раннем детстве резкое деление между «только хорошим» и «только плохим». Поражает Кернберга то, «как быстро даже зрелые лица в серьезных случаях охватываются чувством преследования и фанатическими идеологиями, относя этот феномен к ошеломляющим аспектам *condition humana*»: «Пугающе многие индивиды, социальные интеракции которых ориентируются обычно на индивидуализированную Сверх-я систему и на лояльность по отношению к моральным ценностям, могут быть втянуты в параноидную реорганизацию социальных процессов и даже в обезчеловечивание беззащитных меньшинств и могут принять активное участие в садистических нападениях на эти группы» [12. С. 1089].

В непоколебимости собственного убеждения, в абсолютизации идеалов человеческого фанатизм имеет свою нарциссическую долю, считают Гайнц Когут и другие представители психологии Самости, особенно в тех случаях, когда позитивное реформирование детского нарциссизма не удается. Везде, где люди не чувствуют себя принятыми окружением серьезно, считают себя оскорбленными в своих убеждениях и верованиях, часто возникает грандиозное нарциссическое озлобление, которое в экстремальных случаях выливается в фанатические походы мести, войну с обидчиком и его уничтожение» [15. С. 533].

¹ См. сообщение 1 в «Сибирском психологическом журнале» (2007. № 26. С. 66–69).

Фанатизм рассматривается и в контексте психоаналитической теории совести, функцию которой берет на себя Сверх-я (Фрейд). Никогда зло не совершается так хорошо и исчерпывающе, как при добрых намерениях, сказал как-то французский философ Блэз Паскаль. Ужасная чувствительность в отношении чужой неправоты и молчание совести в отношении собственной неправоты – это действительность отвратительного и загадочного явления – человеческого фанатизма. По выражению Одо Маркарда (цит. по: [3. С. 44]), «инстанции террора не имеют совести, они ею являются». Уровень достигнутого развития совести становится решающим в определении меры и формы фанатического потенциала. Дело в том, что едва ли какой-либо другой процесс развития настолько уязвим, как формирование морали и совести. В этом могут быть виноваты и господствующее равнодушие, и брутальность, и отчуждение в семейных отношениях, и авторитарность в дрессировке моральных правил, и др.

При любом виде фанатизма видение охватывает личность своей радикальной односторонностью, обещает одним ударом решить все внутренние и внешние проблемы. Результатом этого является фанатическое сужение и ужесточение совести, «тирания ценности» [7], которая вырывается из множества этических принципов, абсолютизируется в отрыве от жизни, а остальные ценности блекнут на ее фоне.

Внепсихоаналитические характеристики фанатизма. По мнению Концена [3. С. 25], вне зависимости от психоаналитического толкования фанатизма (фанатичности) – как потери штрафной функции Сверх-я, как реактивного образования против ненависти, зависти или стыда, как выражения коллективной паники при ослаблении или разрушении групповой общности – запускает субъективно фанатическое чувство не что иное, как угроза потери идентичности. Фанатично реагируют люди или группы людей, прежде всего, тогда, когда оказываются под вопросом или оскорблены базовые опоры (ценности) их существования – вера, обычаи, справедливость, правда.

В самом общем виде фанатизм можно определить как «вынужденную реакцию оказавшейся под угрозой психики», что предположительно заложено в человеке филогенетически в виде инстинкта самосохранения. Но фанатиками тем не менее не рождаются, ими становятся при определенных дефектах социализации (*trait-phanatism* – как свойство личности) или в особых экстремальных жизненных ситуациях (*state-phanatism* – как состояние).

Концен [3. С. 25–26], рассматривая фанатизм через призму психологии идентичности, считает его не как очень твердую константу личности, а скорее, как нечто текучее, то, что приобретает власть над чувствами индивидов и групп людей, что ее теряет, как возможность человеческого бытия. В каждом человеке есть место для предубежденности, радикализма, готовности проявить

ненависть, каждый готов выдать фанатические эмоциональные реакции или фанатические временные состояния. Но существует маленькая, но экстремальная группа людей, у которых фанатизм является их свойством, ядром их идентичности.

Виды фанатизма и типология фанатиков. Самым распространенным является деление фанатизма на три как бы главные формы проявления – религиозную, политическую и бытовую, что представляется в современном мире искусственным. В поисках исключительно «чистого», «совершенного», «абсолютного» любой фанатизм содержит религиозное ядро. Любой фанатизм хочет улучшить несовершенную действительность и в широком смысле является политическим. И в каждом фанатизме бытовое переходит в нетерпимое морализирование. В то же время религиозный, политический и бытовой момент человеческого фанатизма могут выступать в различных культурных и исторических контекстах на передний план и не могут быть перекрыты друг другом.

В то время, например, как левые террористы в семидесятые годы преследовали чисто политические цели и частично боролись за сексуальную либерализацию, современные экстремизм и фундаментализм во многих своих проявлениях не позволяют развести политический и религиозный фанатизм, сверх того, они перемешиваются, например, в радикальном исламизме с очень жестким бытовым фанатизмом.

Несмотря на определенное критическое отношение ко всякой типологизации, Концен [3. С. 33–37] представляет некоторые основополагающие критерии классификации человеческого фанатизма и его типы. Самым важным и простым делением человеческого фанатизма он считает деление его на «оригинальный» и «индуцированный». Оригинальный фанатизм – авторский, генерирующий фанатизм, идущий из глубины психики, побуждаемый внутренними мотивами и личностными образованиями человека. Оригинальный фанатик сам выступает автором, генератором какой-либо идеи, веры, определения, которые захватывают его полностью, его чувство идентичности и ценности жизни зависят от исполнения его миссии, другие содержания жизни блекнут. Индуцированный фанатизм имеет место там, где люди через внешние влияния, массовый энтузиазм, демагогию, внушение оказываются втянутыми в экстремальные состояния. Именно это завораживающе-захватывающе и запускает эпидемии фанатизма, делая его таким опасным. Когда люди попадают в фарватер оригинального фанатика, их можно считать индуцированными фанатиками, например адепты сект, члены террористических групп или фашистских организаций, в том числе военных, которые слепо следуют за движением, гуру или фюрером/вождем.

Оригинальный и индуцированный фанатизм могут выступать в виде «идейного» или «формального» фанатизма. При идейном фанатизме в его самой банальной

форме имеют место комплексы, ригидная фиксация на подозрениях и идеях-фикс, личных притязаниях. Великие фанатики истории переживали разного рода видения, которые все более ограничивали свободу их Я, делая его слишком односторонним, угрожая порой разрушить ценность самой идеи. Формальный фанатизм исключительно озабочен следованием, так сказать, форме или букве самой идеи – соблюдением формы искусства, правил религиозной литургии, разного рода ритуалов. Любые отклонения вызывают сильнейшее негодование и даже преследование, что в конечном счете нередко приводит к тому, что «буква убивает дух» [3. С. 34]. Формальных фанатиков следует отличать от «формалистичных фанатиков» [17], которые с излишним энтузиазмом выполняют указания свыше, под давлением Сверх-я, без особой связи с некоторой ценностью или идеей, но с сильной садистической мотивировкой, стремлением к власти и выигрышу.

Некоторые авторы [3] пытаются делить фанатизм на конструктивный и деструктивный. Говоря о «конструктивном» фанатизме, порой ссылаются на Платона (искусство возможно только «в состоянии сильного возбуждения»), на Гегеля, который говорил, что «без страсти ничего великого в мировой истории не совершалось», что не мыслимы без некоторой фанатической интенсивности ни творческий экстаз, ни огонь гуманистов и святых, правда ограниченных встречными силами веры и любви. Но с моей точки зрения, в данном случае речь идет не об истинном фанатизме, а скорее, о том, что можно было бы обозначить как quasi-фанатизм. Истинный же фанатизм по своим действиям и последствиям – это всегда фанатизм деструктивный, движимый вредной страстью, ненавистью, оканчивающийся, как правило, саморазрушением или разрушением других, это «болезнь до смерти». И в этом смысле истинный, деструктивный фанатизм может быть «неболезненным», предельным и «болезненным, безумным», не имеющим предела, если речь идет о разрушении внешнего мира, «болезни до смерти» внешнего мира. Именно в этом смысле Де Боор [4] называет терроризм «безумием здоровых».

По тому, как себя эмоционально проявляет фанатизм, говорят о «горячем» и «холодном» его вариантах. В первом случае это легко возбудимый фанатик, у которого все на лице написано, в пантомимике – импульсивное, ситуационное, реактивное поведение, во втором – хладнокровно просчитанное и реализованное поведение. Есть фанатизм «безголовый», реализующийся нередко во враждебных жизни ригидных ритуалах в аскетической тиши, тлеющий до поры до времени, пока эта система вдруг не подвергнется сомнению или окажется под угрозой. Отличается от него «экспансивный фанатизм», выражающийся в миссионерстве, в постоянной борьбе, в видении только «белого веры или черного неверия», в лозунге «кто не с нами, тот против нас». В зависимости от интенсивности отстаивания фанатических позиций

фанатизм может быть «мягким» или «жестким» [3. С. 36]. Жесткий фанатизм не знает компромиссов, он последователен вплоть до смертельного исхода, для него цель оправдывает средства. В зависимости от степени ясности содержания и целей фанатизм можно разделить на «ясный», с продуманной, хотя и абсурдной идеей, и «неясный», с шаблонными, путанными идеями.

Приведенное деление фанатизма, конечно, во многом условно, так как возможны взаимопереходы между его видами или их смешение. Особые размышления вызывает оригинальный, с несокрушимым миссионерским сознанием, идейный фанатизм, который реагирует на все внешние преграды мощной экспансивностью, расчетливой рациональностью и неукротимой одержимостью. К этой группе относятся страшные фанатичные личности, которые во времена великих «вакуумов идентичности» истории брали на себя инициативу и становились «герольдами зла» [5].

Попытка характеризовать личности фанатиков, подвести их под определенные типологии или диагнозы остается проблематичной. Так, К. Шнайдер [18] говорил о «пассивных» и «активных, экспансивных» фанатиках, поместив их в группу психопатов. Рудин [17] проводит различие между «идейными», «формальными» и «формалистичными» фанатиками. Холе [8] говорит о «пробойных, экспансивных идейных фанатиках», «активных фанатиках личностных интересов», «приглушенных, расплывчатых групповых фанатиках» и «конформных, зависимых фанатиках одной линии». Такие характеристики, как и классические личностные типологии, считает Концен [3. С. 33], содержат в себе нечто подкупающее, но и опасность того, что мы можем пройти мимо индивидуальности и историчности».

Фанатизм и фундаментализм. В контексте проблемы фанатизма следует уточнить его отношение к фундаментализму, о котором так много сказано в медиа-средствах и написано книг [9, 10, 16 и др.]. Изначально выражение «фундаментализм» восходит к издаваемой американскими протестантами между 1910 и 1915 гг. серии под названием «The fundamentals» (базовые принципы, основания). За религиозной узостью скрывался страх протестантских англо-американцев за свою идентичность перед лицом массового переселения с середины XIX столетия, а также в связи с довольно быстрым структурным преобразованием Америки из аграрного государства в индустриальное. Корни фундаментализма, как и догматизма, видятся, прежде всего, в бесчисленных будничных предубеждениях и предрассудках, в «Starrheit des Meinens» [1]. В то же время Концен [3. С. 37] считает, что следует отличать фундаментализм как особое духовное образование от предубеждений/предрассудков обыденной жизни. В первом случае иммунизация идентичности против чужого, непохожего квази-институализируется, выливается в твердые религиозные или политические шаблоны. Здесь Я переплав-

ляется с Мы-идентичностью, при этом опираются на не подвергающийся сомнению принцип – на Бога, писание, святое учение, лежащий в основе объяснения всего остального. Сложность мира редуцируется, ограничивается свободный потенциал жизни. Все, что не согласовывается с ригидным политическим или религиозным священным принципом, считается враждебным, избегается, а в экстремальных случаях подвергается уничтожению. Следует подчеркнуть, что любое мировоззрение, даже научная картина мира, может стать фундаменталистским, если оно ригидно абсолютизируется и более не рефлексруется и не оценивается критически его сторонниками [9].

Вера в фундамент является безусловной, подчинение авторитету, который лежит в основе фундамента, защищает, порой тотально. Из ригидного вероубежде-

ния вытекает расщепление мира опыта на «хороший» и «плохой». В склонности к черно-белому делению мира, в абсолютизации веропозиции и в самоиммунизации против критики и сомнения между фундаментализмом и фанатизмом есть много общего. Хотя религиозные радикализмы и тоталитарные святы учения содержательно довольно далеко отстоят друг от друга, в то же время мы снова и снова находим черно-белое деление, отсутствие терпимости к амбивалентности [3. С. 21].

Ядерным аффектом человеческого фанатизма является, несомненно, ненависть, рационализированная и маскированная идеалом. Но, как пишет Больтерауэр, «истинный идеализм коренится в любви, фанатический же – в иррациональной ненависти» [2. С. 59]. Правда, довольно сложно проложить границу между ними, так как то и другое можно обнаружить в одном и том же человеке.

Литература

1. Adorno T.W. Studien zum autoritären Charakter. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
2. Bolterauer L. Die Macht der Begeisterung. Fanatismus und Enthusiasmus in tiefenpsychologischen Sicht. Tübingen: Edition discord, 1989.
3. Conzen P. Fanatismus. Stuttgart: Kohlhammer, 2005.
4. De Boer W. Terrorismus: Der «Wahn» der Gesunden // Schwind (Hrsg.). Ursachen des Terrorismus in Bundesrepublik Deutschlands. Berlin; New York: De Gruyter, 1978. S. 122–153.
5. Erikson E.H. Lebensgeschichte und historischer Augenblick. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1982.
6. Freud S. Ansprache an die Mitglieder des Vereins BNai Brith // GW. 1941. № 17. S. 51–53.
7. Hartmann N. Ethik. Berlin: De Gruyter, 1926.
8. Hole G. Fanatismus. Der Drang zum Extrem und seine psychische Wurzeln. Freiburg: Herder, 1995.
9. Jaeggi C.J., Krieger D.J. (Hrsg.) Fundamentalismus: Ein Phänomen der Gegenwart. Zürich: Orell-Fuesli-Verlag, 1991.
10. Keppel G. Die Rache Gottes. Radikale Moslems, Christen und Juden auf dem Vormarsch. Zürich: Piper, 2001.
11. Kernberg O.F. Wut und Hass. Über die Bedeutung von Aggression bei Persönlichkeitsstörungen und sexuellen Perversionen. 2. Aufl. Stuttgart: Klett-Gotta, 1998.
12. Kernberg O.F. Psychoanalytische Beiträge zur Verhinderung gesellschaftlich funktionaler Gewalt // Psyche. 2001. Vol. 55. S. 1086–1109.
13. Klein M. Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. Stuttgart: Klett, 1962.
14. Kohut H. Narzissmus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
15. Kohut H. Überlegungen zum Narzissmus und zur narzisstischen Wut // Psyche. 1973. № 27. S. 513–554.
16. Meyer T. Fundamentalismus. Aufstand gegen die Moderne. Hamburg: Rowohlt-TB-Verlag, 1989.
17. Rudin J. Fanatismus. Eine psychologische Analyse. Olten und Freiburg: Walter-Verlag, 1975.
18. Schneider K. Klinische Psychopathologie. 10 Aufl. Stuttgart: Thieme, 1973.

FANATICISM AS A PROBLEM OF SPIRITUAL HEALTH OF A PERSON AND SOCIETY

Report 2. Individual-personal dispositions of fanaticism

G.V. Salevskiy (Tomsk)

Summary. In the article the talk is continued about the fanaticism and its individual-personal dispositions. The fanaticism is discussed from the psychoanalytical position and analysed its another characteristics, its arts and types, and correlations between fanaticism and fundamentalism.

Key words: fanaticism, spirit health, individual-personal dispositions, arts and types of fanaticism, fundamentalism.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

А.М. Богомолов (Кемерово)

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения структуры и оценки адаптационного потенциала личности в контексте структурно-функционального подхода, анализируются свойства и функции потенциала адаптации как сложной системы. Предложены способы диагностики адаптационного потенциала в целом и отдельных его компонентов, определяются диагностические признаки и критерии дифференциальной диагностики.

Ключевые слова: адаптационный потенциал личности, факторы, показатели и механизмы адаптации, оценка и прогноз психологической адаптации.

Системный характер и нелинейная динамика адаптационных реакций личности обуславливают актуальность разработки комплексных показателей, чувствительных к динамике разноуровневых связей между свойствами и функциями личности, включенными в организацию адаптационного ответа. В ряду комплексных психологических характеристик адаптации (адаптивность, адаптационный потенциал, стрессоустойчивость, жизнестойкость и т.д.) перспективной для решения диагностических и прогностических задач, на наш взгляд, является категория «личностный адаптационный потенциал». Корректное диагностирование данного феномена в психологической практике позволит оценить вероятность патогенеза дезадаптивных состояний, возможный характер протекания регуляторно-приспособительного процесса и его индивидуальные особенности, подвижность адаптационного статуса личности.

В процессе анализа адаптационного потенциала личности возникает задача строгого определения границ данного понятия, описания его феноменологии, функций и структуры. В ряде психологических исследований адаптационный потенциал используется в качестве описательного термина, характеризующего в обобщенном виде адаптационные способности, внутренние адаптационные факторы, связанные с реализацией реакций психологической адаптации личности. Другие авторы предлагают некоторое универсальное понимание адаптационного потенциала, применимое к анализу поведения и отношений личности в различных классах жизненных ситуаций и в условиях воздействия разнообразных адаптогенных факторов.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях проблема адаптационного потенциала (adjustment potential, adaptive potential) рассматривается применительно к анализу свойств личности, определяющих успешность адаптации к условиям профессиональной деятельности, социокультурной среде, экстремальным факторам, терапевтическому процессу и реабилитации и т.д. Адаптационный потенциал обеспечивает «готовность» личности к усложнению адаптационных задач, преобразованиям структуры и свойств адаптационного ответа для обеспечения гармоничных отношений со средой, оптимизации психофизиологической стоимости адаптационных перестроек и успешной реализации поставленных целей.

В соответствии с основными положениями общей теории адаптации, сформулированными в отечественной психологической науке (Ф.Б. Березин, В.И. Медведев, А.А. Налчаджян и др.), исследование адаптационного потенциала включает анализ психологических свойств, функций и качеств, обеспечивающих системную адаптационную активность личности, в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Мы рассматриваем адаптационный потенциал в качестве интегрального свойства личности, характеризующего:

- устойчивость функциональной системы психической адаптации, психологических свойств и качеств личности к воздействующим стимулам, эффективность наличных адаптационных механизмов и способность сохранения психологического здоровья в условиях воздействия внешних и внутренних адаптогенных факторов;
- динамику формирования адаптационных новообразований, устойчивость новых адаптационных навыков, способность развития, творческого преобразования и распространения приобретенных навыков в условиях других жизненных ситуаций;
- динамические характеристики организации адаптационного ответа и последующей стабилизации психофизиологических функций (темп, скорость, длительность, интенсивность);
- способности анализировать воздействующие факторы и определять адекватные и целесообразные адаптационные способы, навыки регулирования и оптимизации психофизиологических издержек в процессе организации адаптационного ответа.

Обосновано предположение, что адаптационный потенциал как упорядоченная система связанных внутренними закономерностями свойств и качеств личности, обуславливающих и регулирующих процессы психологической адаптации, имеет полифункциональный характер.

Функциональная система психической адаптации предполагает связь качественных и количественных характеристик элементов адаптационного потенциала в динамике адаптационного процесса. Изменение соотношения психологических свойств в структуре адаптационного потенциала, разнонаправленность, неравномерность и гетерохронность их динамики обеспечивают

формирование новообразований и качественные изменения как в структуре адаптационного потенциала личности, так и в структуре личности в целом.

Анализ отечественных психологических исследований различных аспектов личностного адаптационного потенциала позволяет заключить, что вопрос структуры потенциала продолжает оставаться дискуссионным. Различными авторами (Н.Л. Коновалова, А.Г. Маклаков, С.Т. Посохова и др.) выделяются неодинаковые компоненты адаптационного потенциала, общим при этом является понимание данного феномена как сложной, согласованной системы разноуровневых индивидуально-психологических качеств и важной роли активности личности в процессе его формирования и развития [5, 8, 12].

Мы полагаем, что в качестве составляющих адаптационного потенциала можно обозначить разноуровневые свойства и качества личности, которые объединены внутри- и межфункциональными связями в процессе организации адаптационного ответа определенным условиям. Диапазон вариативности этих одно- и разноуровневых связей является характеристикой адаптационного потенциала личности, т.е. потенциал характеризует возможности системы по изменению режима своего функционирования, которые одновременно должны удовлетворять разнонаправленным стремлениям личности к стабилизации и развитию. Иными словами, он характеризует способности личности к формированию прогрессивных адаптационных новообразований. Многоуровневая структура функциональной системы адаптации обуславливает рассмотрение компонентов потенциала на индивидуальном, субъектно-деятельностном и личностном уровнях. Также целесообразно дифференцировать осознаваемые и неосознаваемые компоненты адаптационного потенциала и механизмы психологической адаптации.

Различные адаптогенные воздействия, опосредованные индивидуально-психологическими особенностями личности, предъявляют качественно различные требования и обуславливают, в большей или меньшей степени, специфичные регуляторно-приспособительные реакции. Направление, механизмы, интенсивность и продолжительность данных реакций характеризуются сложной динамикой, претерпевают изменения в течение адаптационного цикла в соответствии со сложной системой внутренних и внешних факторов [1, 9, 10].

Неспецифические адаптационные реакции связаны с общей активностью функциональной системы психической адаптации, реактивностью и устойчивостью личности к психологическому значению тех или иных воздействующих факторов, обусловленных их смысловой оценкой и переработкой. Специфические реакции характеризуются высокой изменчивостью и представляют диапазон вариативности адаптационных механизмов в условиях воздействия различных адаптогенных стимулов.

Можно предположить, что свойства, обуславливающие специфические адаптационные реакции, в большей степени представляют потенциальные возможности личности как по развитию и преобразованию собственной структуры, так и по влиянию на средовые факторы, их характер и систему отношений с ними. Динамические свойства адаптационного ответа (активность реагирования, стабильность компенсаторно-приспособительных механизмов и др.), на наш взгляд, связаны с неспецифическими составляющими адаптационного потенциала, наличными адаптационными способностями (адаптивностью) личности.

Экспериментальное исследование особенностей адаптационного потенциала у испытуемых, находящихся в различных классах жизненных ситуаций, позволит более уверенно говорить о наличии или отсутствии связи структуры адаптационного потенциала с адаптационным контекстом, формирующим внешние условия разворачивания адаптационного процесса, а также о соотношении его специфических и неспецифических компонентов.

Оценка адаптационного потенциала вне контекста адаптационного процесса и разрешения личностью определенных адаптационных задач является затрудненной в связи с высокой неопределенностью, вызванной широкими компенсаторными возможностями личности, изменчивостью воздействующих факторов, сложной динамикой психологических функций. Кроме того, все воздействующие факторы опосредованы личностью субъекта адаптации, системой его смыслов, всем ходом жизненной истории. На наш взгляд, категориями, приемлемыми для описания адаптационного потенциала личности, являются категории, использующиеся при анализе сложных динамических систем, такие как организованность, иерархичность, сила связей и т.д. (П.К. Анохин, В.А. Ганзен, Б.Ф. Ломов и др.). В процессе диагностики адаптационного потенциала, помимо уровня его выраженности, определяемого по совокупности уровней характеристик тех или иных свойств личности, оказывающих влияние на организацию адаптационного ответа, мы полагаем целесообразным описывать следующие показатели:

- степень координации и субординации элементов адаптационного потенциала на различных этапах адаптационного процесса, силу и «геометрию» внутренних связей (показатели организованности);
- маркеры состояния и «веса» отдельных элементов и компонентов (энергетического, когнитивного, инструментального, творческого, мотивационного и коммуникативного) в структуре адаптационного потенциала (показатели состава и функций);
- показатели динамических свойств потенциала, изменчивости отдельных элементов (показатели динамики).

Психологическое заключение о состоянии адаптационного потенциала не может ограничиваться исключи-

тельно измерением количественных показателей и исключать качественный анализ. Как мы отмечали в предыдущих работах, эффективность адаптации определяется не абсолютной величиной потенциала, а относительной. Особенности его структуры обеспечивают широкие возможности компенсации в случаях недостающих или нарушенных ресурсов и, при определенных внутренних и внешних условиях, могут вести к высокому уровню устойчивой адаптации и способствовать развитию личности [3]. В связи с этим возникает задача выделения способов организации адаптационного потенциала, закономерностей и механизмов его регуляции в микро- и макрохронологической перспективе.

Дифференциацию нормы потенциала адаптации, определение некоторого спектра оптимальных адаптационных реакций принято производить на основе критериев гармоничности структуры личности, сохранения психологического здоровья, развития и формирования качественных новообразований в процессе адаптации. Границы адаптационного потенциала очерчены возможностями личности по организации целесообразных адаптационных реакций, адекватных интенсивности и значимости воздействующих стимулов, с одной стороны, и имеющимся ресурсам – с другой.

В строгом смысле оценка адаптационного потенциала предполагает, прежде всего, анализ актуальных и латентных свойств личности, обуславливающих эффективность протекания адаптационного процесса, а также функциональных резервов, определяющих границы диапазона реагирования, и динамики регуляторно-приспособительных реакций, позволяющей прогнозировать активность адаптационных механизмов и особенности реализации адаптационного ответа.

Оценка латентных адаптационных возможностей осуществима путем исследования, с одной стороны, предпосылок, обуславливающих структурно-динамические свойства адаптационного ответа и устойчивость адаптационных механизмов, с другой – результатов процесса адаптации, представленных сформированными адаптационными эффектами и личностными новообразованиями, обусловленными решением адаптационных задач. Кроме того, психодиагностический процесс предусматривает как ретроспективную оценку адаптационных механизмов, так и прогнозирование, возможное на основе графических и теоретических моделей динамики адаптационного процесса.

Оценка реализации адаптационного потенциала возможна при соотнесении наличного состояния функциональной системы адаптации и ее состояния, бывшего на момент начала воздействия адаптогенного фактора, или других состояний в различные моменты времени. В этом случае реализованный потенциал (ΔP) определяется как величина, отражающая меру уровневых и структурных изменений некоторых адаптационных переменных на различных этапах реализации адаптационной задачи:

$$\Delta P = P_2 - P_1,$$

где P_1 – состояние функциональной системы психологической адаптации на момент воздействия адаптогенного фактора, исходное состояние адаптационного потенциала; P_2 – состояние системы на момент устойчивого адаптационного ответа и оптимальной психофизиологической «стоимости» регуляторно-приспособительной активности; ΔP – степень уровневого напряжения и структурных перестроек адаптационных переменных и функциональной системы психологической адаптации, характеризующая некоторый диапазон реализованного потенциала.

При этом ΔP может быть как с положительным, так и с отрицательным знаком, отражающим нарушение адаптационных ресурсов личности вследствие высокой «стоимости» организации адаптационного ответа. Также необходимо отметить, что величина ΔP будет максимальной на пиках адаптационной кривой в периоды активной адаптации и значительно ниже в период стабильной адаптации или на завершающих этапах адаптационного цикла, что обуславливает необходимость ее оценки и соотнесения на различных этапах адаптации.

Возможно, реализованный потенциал может быть представлен как система дифференциальных уравнений, отражающих изменение различных психических функций, включенных в адаптационный ответ. Реализация адаптационного потенциала предполагает широкий диапазон его вариативности, и каждое его измерение является прежде всего статическим измерением. Уместно предположить, что описание, заключающееся в выделении закономерностей динамики потенциала в некотором диапазоне внешних и внутренних условий, является более перспективным.

Открытым остается вопрос, в какой мере структура личностного адаптационного потенциала представлена неосознаваемыми компонентами? Другими словами, насколько личность способна иметь корректные, в большей или меньшей степени, представления о собственных ресурсах и резервах адаптационного реагирования и насколько данные представления являются адекватными имеющемуся потенциалу; в какой мере неосознаваемые процессы, свойства бессознательной сферы могут способствовать или препятствовать протеканию психической адаптации?

В соответствии с принципами гуманистической психологии адекватное представление личности о собственных возможностях и способностях является залогом ее успешной самореализации. Однако само понятие потенциала предполагает неоднозначность его реализации, широкие границы вариативности его раскрытия, более того, развитие структуры потенциала в онтогенезе в еще большей мере усложняет возможности его диагностики.

Психодиагностическая оценка адаптационного потенциала личности, на наш взгляд, может основываться

на применении комплекса методов и приемов, в который правомерно включить:

- оценку психологических свойств, качеств и процессов, входящих в структуру личностного адаптационного потенциала и обеспечивающих неспецифическую адаптационную активность;
- адаптационные пробы, экспериментальную оценку адаптационного статуса личности в условиях контролируемого предъявления адаптационных задач;
- анализ вариативности адаптационных реакций личности в условиях предъявления качественно своеобразных адаптационных стимулов и задач;
- оценку структуры адаптационного потенциала (уровневая оценка компонентов и анализ силы и «геометрии» внутренних связей);
- моделирование динамики адаптационного потенциала и реакций психологической адаптации личности на основе психодиагностических данных мониторинговой оценки;
- измерение сложных интегральных показателей, характеризующих состояние адаптационного потенциала личности и эффективность адаптационного процесса, а также наличие признаков дезадаптивных состояний.

Адаптационный потенциал и методы его оценки выступают объектами исследования различных научных дисциплин. В практике медико-профилактической деятельности используются шкалы 4 уровней для измерения адаптационного потенциала на основе степени адаптированности организма к условиям окружающей среды: удовлетворительная, напряженная, неудовлетворительная адаптация и срыв адаптации. При этом адаптационный потенциал определяется не столько уровнем активности функциональных систем, сколько их функциональными резервами и степенью напряжения регуляторных систем [11].

Таким образом, оценка адаптационного потенциала, наряду с оценкой наличной адаптированности личности, включает диагностику состояния функциональных резервов, обеспечивающих диапазон активности адаптационных механизмов, и уровня психофизиологических издержек.

В зависимости от степени выраженности реакций организма В.П. Казначеев различает состояния «физиологической», напряженной и патологической адаптации, последняя из которых наступает в случае превышения резервных возможностей организма, т.е. его взаимодействие со средой определяется работой функциональных систем, значительно отличающихся от оптимума. На стадии патологической адаптации возможно полное истощение адаптационных механизмов [4].

Возрастно-психологический аспект адаптационного потенциала рассмотрен в исследовании В.А. Кулганова, Л.С. Шенберг и И.А. Коротковой, которые определяют структуру адаптационного потенциала личнос-

ти и предлагают подход к ее психодиагностической оценке [6].

А.Г. Маклаков определяет личностный адаптационный потенциал как совокупность взаимосвязанных психологических свойств, уровень развития которых обуславливает эффективность адаптационного процесса и вероятность сохранения психологического здоровья в условиях воздействия интенсивных факторов внешней среды. В структуру адаптационного потенциала автор включает нервно-психическую устойчивость, самооценку личности, ощущение социальной поддержки (личную референтность), уровень конфликтности, опыт социального общения, морально-нравственные качества, уровень групповой идентификации (ориентацию на соблюдение требований социальной группы). Адаптационный потенциал личности, по мнению А.Г. Маклакова, как интегральная характеристика психического развития формируется и развивается в онтогенезе на основе генетически обусловленных индивидуальных характеристик [8].

По мнению С.Т. Посоховой, адаптационный потенциал представляет интегральное образование, объединяющее в сложную систему социально-психологические, психические, биологические свойства и качества, актуализируемые личностью для создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности. Личностный адаптационный потенциал включает биопластический, биографический, психический и личностно-регуляторный компоненты [12].

Помимо собственно механизмов психологической адаптации и устойчивости к развитию патологических форм адаптации, А.В. Кустов включает в структуру адаптационного потенциала способность личности к самоконтролю, уровень критичности и стремление к сохранению внутренней непротиворечивости, гармоничности [7].

Оценка индивидуальной составляющей адаптационного потенциала производится посредством измерения показателей, характеризующих устойчивость различных систем организма к адаптационным нагрузкам и скорости возвращения измеряемых показателей к некоторым оптимальным значениям, выделения закономерностей организации и протекания системной адаптационной реакции на организменном уровне, формирования адаптационных новообразований. Индивидуальные характеристики адаптационного потенциала (антропометрические данные, показатели деятельности сердечно-сосудистой, иммунной систем и т.д.), отражающие функциональное состояние организма, являются наиболее изученными. Экспериментальная и лабораторная диагностика показателей физиологических систем организма и их комплексный анализ позволяют оценить границы функциональных резервов и возможности индивидуума поддерживать гомеостаз в условиях изменчивости факторов внешней среды.

В то же время, как было показано выше, определение собственно психологических показателей адаптационного потенциала вызывает дискуссию. Оценивание субъектно-деятельностных и личностных показателей производится посредством различных психодиагностических подходов и методов, включающих опросник социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и др.

В работе В.М.Воробьева, Л.С. Шенберг и И.А. Щербинкиной в качестве экспресс-метода исследования адаптационного потенциала личности предложен модифицированный проективный метод «Неоконченные предложения», использование которого, по мнению авторов, позволяет оценить основные компоненты адаптационного потенциала. В структуре потенциала исследователи выделили такие основные составляющие, как уровень развития целенаправленной активности и мотивации, характер и содержание актуальных психологических проблем, самооценка и критичность к своим поступкам, отношение к людям или уровень социальной интеграции, отношение к противоположному полу, развитие общего и социального интеллекта [3].

Уместно предположить, что в качестве диагностических маркеров, характеризующих состояние и динамику адаптационного потенциала, могут рассматриваться активность механизмов психологической защиты и совладающего поведения, актуальное психологическое состояние субъекта адаптации (Ф.Б. Березин, В.А. Ташлыков [13] и др.), признаки кризисных явлений, сопровождающих структурные изменения программы гомеостатического регулирования (В.И. Медведев) и т.д. Названные признаки могут быть систематизированы путем дифференциации на внутренние и внешние, актуальные и латентные, объективные и субъективные показатели состояния адаптационного потенциала личности.

Исследование структурно-динамических свойств адаптационного потенциала как интегрального качества личности предполагает разработку моделей (математических, графических, теоретических, кибернетических),

позволяющих представить и оценить как в целом структурную сложность и системные качества потенциала, так и свойства, роль отдельных функций, включенных в адаптационный процесс [2]. Графическую модель, на наш взгляд, можно расположить в пространстве таких координат, как:

- уровень наличной адаптированности личности, устойчивость и резистентность к воздействующим факторам;
- активность приобретения адаптационных навыков и формирования адаптационных новообразований;
- сложность организации, сила и «геометрия» внутренних и внешних связей;
- соотношение специфичных и неспецифичных компонентов адаптационных реакций на комплекс воздействующих факторов;
- состояние функциональных резервов, соотношение психофизиологической стоимости адаптационных перестроек и адаптационных эффектов.

Как говорилось ранее, анализ адаптационного потенциала личности позволяет спрогнозировать наиболее вероятные адаптационные эффекты. Актуальной задачей является создание инструмента диагностики личностного адаптационного потенциала. В перспективе, по нашему мнению, возможна разработка многоуровневой технологии оценки адаптационного потенциала личности, включающей оценку, во-первых, адаптационных задач, стоящих перед личностью; во-вторых, структуры адаптационного потенциала (в том числе его специфических и неспецифических составляющих); в-третьих, формирующихся адаптационных эффектов; в-четвертых, комплексного показателя состояния потенциала адаптации.

В заключение отметим, что структурно-функциональный подход позволяет описать сущностные признаки адаптационного потенциала личности и сформулировать основные актуальные вопросы для дальнейшего теоретического и экспериментального исследования данного феномена в рамках других методологических подходов и приемов.

Литература

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
2. Богомолов А.М. Адаптационный потенциал личности: определение, функции, структура // Адаптивные чтения-2006: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. Л.А. Цветковой, А.А. Крылова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 333–334.
3. Воробьев В.М., Шенберг Л.С., Щербинкина И.А. Развитие адаптационного потенциала личности в среде подростково-молодежных клубов // Природные факторы и социальные условия обучения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 10–14 июня 2005 г. СПб.: САГА, 2005. С. 100.
4. Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.
5. Коновалова Н.Л. Предупреждение нарушений в развитии личности при психологическом сопровождении школьников. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 232 с.
6. Кулганов В.А., Шенберг Л.С., Короткова И.А. Исследование адаптационного потенциала личности у подростков и молодежи // Адаптивные чтения-2005: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Шипицыной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 578–580.
7. Кустов А.В. О понятии «личностная норма» // История Сабуровой дачи: Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии: Сб. науч. работ Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи) / Под общ. ред. И.И. Кутько, П.Т. Петрюка. Харьков, 1996. Т. 3. С. 241–242.
8. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 16–24.

9. Медведев В.И. О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л.: Наука, 1984. С. 3–16.
10. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд-во АН АССР, 1988. 490 с.
11. Отраслевая программа Министерства здравоохранения РФ «Охрана и укрепление здоровья здоровых на 2003–2010 гг.». М., 2002.
12. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 240 с.
13. Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. Л.: Медицина, 1984. 192 с.

STRUCTURE FUNCTIONAL APPROACH TO THE EVALUATION OF THE ADAPTIVE POTENTIAL OF A PERSON

A.M. Bogomolov (Kemerovo)

Summary. The problem of the evaluation of the adaptive potential of a person and the question of an exploration of its structure at the context of the structure functional approach are considered in the article. The functions and properties of the potential of adaptation as a compound system are also analysed. A brief review of Russian investigations of the individual's adaptive potential and methods of its evaluation is made in the paper, as well as definitions of diagnostic indications and criteria of differential diagnostics. Diagnostic ways of the adaptive potential as a whole and its separate components are offered by the author. In conclusion, tasks and the prospect of further theoretical and experimental investigations of this phenomenon are offered.

Key words: adaptive potential of a person, factors, indications and mechanisms of adaptation, evaluation and prognosis of the psychological adaptation.

ПРАЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПАЦИЕНТОВ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ

И.Я. Стоянова (Томск)

Аннотация. Рассматривается специфика пралогической защиты у пациентов с психосоматическими расстройствами. Представлены материалы экспериментального исследования, позволяющие выделить закономерности проявлений пралогической защиты в норме и при нарушениях здоровья.

Ключевые слова: пралогические образования, пралогическая защита, психологическая защита, психосоматические расстройства.

В программах психологической помощи населению необходимо учитывать социально-психологические составляющие, обуславливающие психосоматические расстройства. Актуальность изучения психологических защитных механизмов и способов совладания в системе адаптивно-защитного комплекса человека обусловлена широким спектром социально-психологических факторов. Многообразие жизнедеятельности человека предполагает применение различных способов взаимодействия с реальностью, которые могут способствовать нарушению адаптации и усиливать патогенез, а также становиться основой преодоления трудностей. К таким феноменам относятся психологическая защита и совладание (копинг-механизмы). Исследователями введена психологическая дефиниция «адаптация к социально-средовым условиям». Ее нарушение может приводить к дезадаптивным состояниям, проявлениям предболезненных и болезненных нарушений.

Согласно концепции Ф. Александера [1], внутриличностный конфликт между потребностью и страхом у лиц, склонных к психосоматическим нарушениям, может выражаться разными способами:

- с помощью психических перестроек;
- посредством телесных нарушений (дисфункций), проявляющихся в виде хронических психосоматических симптомов;
- через изменение способа поведения.

Психоаналитически ориентированными исследователями было показано, что включение психологической защиты может привести не только к актуальному облегчению, но и к появлению стабильных, длительно функционирующих структур, которые в дальнейшем будут активизироваться в сходных обстоятельствах. При этом вторжение защиты может сопровождаться формированием специфических, «условно желательных» симптомов, которые вовлекаются человеком в разрешение ситуации, связанной с конфликтом, а также частично снижают внутреннее напряжение.

На фоне отсутствия единых определений и классификации психологических защит по поводу их количества, специфичности, критериев дифференцированности на нормальные и патологические, понимания их роли в формировании личностных, невротических и психосоматических расстройств выделяются их общие свойства. Отмечается, что психологические защиты действуют в подсознании, отрицая, искажая или фальсифици-

руя действительность в ситуации стресса, конфликта, фрустрации, психотравмы, интрапсихической адаптации [2–5, 9, 10].

Сформулированы следующие гипотезы относительно психологической сущности психосоматозов.

Определенные аллергические, сосудистые, гастрические и другие реакции могут быть соматическим выражением попытки защитить себя от архаических желаний, которые переживаются как угрожающие жизни, подобно тому, как маленький ребенок может переживать угрозу смерти.

С целью защиты психические структуры в момент опасности посылают примитивные сигналы тревоги телу, не используя язык. Поэтому переживание опасности не может осмысливаться. Подобный сигнал может проявляться в психосоматической дисфункции, например в гиперсекреции желудочного сока, повышенном артериальном давлении и т.п. Эти реакции склонны повторяться, имеют навязчивый характер.

Психосоматические симптомы выполняют защитную функцию и на бессознательном уровне компенсируют недостаток целостности «Я». Примитивные страхи тесно связаны с расстроеными отношениями мать–младенец, бессознательными страхами быть брошенным или отвергнутым матерью.

К феноменам, выполняющим функцию психологической защиты, относятся также пралогические образования. Являясь продуктом мифологического мышления, они содержат догматическую направленность, отвержение новых возможностей познания реальности опытным путем. Однако в социуме выявляется широкая распространенность архаических представлений в форме верований, примет и суеверий, применяемых в различных сферах бытия с целью защиты от невзгод, порожденных непредсказуемостью мироустройства.

Используя в качестве ключевых слов понятия «пралогические образования» и «пралогическая защита», мы исходили из следующих предпосылок.

Содержание пралогических образований охватывает всю совокупность эмоционально окрашенных коллективных представлений, включая верования, суеверия, приметы, ритуалы, осознаваемых как явления, происходящие при содействии магических сил и сформированных в процессе культурно-исторического и социокультурного развития до настоящего времени.

При рассмотрении данного феномена в его традиционном варианте в качестве «пралогического или первобытного мышления», т.е. мыслительного процесса, на первом плане оказываются особенности, характеризующие архаический (дологический) способ познания, отличающийся от мышления, основанного на установлении причинно-следственных связей. При этом вне психологического анализа остаются важные характеристики, присущие данному феномену, в частности содержательная предпочтительность тех или иных пралогических образований, особенности проявления защитных механизмов и их мотивационно-регулирующее значение.

Концепция нашего исследования заключается в рассмотрении пралогических образований в качестве специфического способа психологической защиты, выполняющего мотивационно-регулятивную функцию при взаимодействии человека со средой. Пралогическая защита проявляется в целостной совокупности всех особенностей, свойственных коллективным проявлениям. Функции психологической защиты заключаются в частично осознаваемом проявлении специальной системы стабилизации личности, направленной на ограждение сознания от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта. С помощью коллективных представлений, имеющих мифологическую природу, заимствованных личностью из «надивидуального» опыта, можно представлять реальность в комфортном, упрощенном и более понятном виде, использовать готовые, уже существующие «технологии» в форме традиций, обычаев, ритуалов. При этом значительная доля ответственности за их использование возлагается на автора данного продукта, т.е. на коллективные представления, социальные стереотипы, явившиеся результатом совместной деятельности сообщества, с которым стремится идентифицироваться человек [6].

Целью настоящего исследования стало выявление роли пралогических образований в норме и психосоматических расстройствах, включенных в защитную систему. Для реконструкции пралогических содержаний применялись «Опросник верований и суеверий» (ОВИС) и стандартизованное интервью. ОВИС помогает установить, как используются в жизнедеятельности приметы, ритуалы, поверья, закрепленные социокультурными традициями в коллективных представлениях либо моделируемые самостоятельно. Окончательный вариант включает шкалы «Пралогическое восприятие», «Магическая тревожность», «Магический прогноз», «Применение нетрадиционных способов лечения», «Действенное использование пралогических образований», представляющие различные компоненты пралогической защиты.

Феноменология пралогического изучалась с помощью стандартизованного интервью, которое проводилось после выполнения задания по заполнению ОВИС с целью объективизации результатов исследования. Интервью

направлено на выявление особенностей осознания и соотношения между составляющими индивидуального опыта, включая опору на самостоятельное установление причинно-следственных отношений между происходящим, на традиции старшего поколения или действие магических сил (как компоненты пралогических образований). Выявлялись опыт ситуативного применения верований и/или суеверий, использования примет в повседневности, характерные переживания, обусловленные пралогическими образованиями (ПрО), особенности их трансформации как символа веры. Устанавливались значимость ПрО в контексте жизнедеятельности пациентов и здоровых людей и отношение к ним [7–8].

Исследование проводилось на базе клиники НИИ психического здоровья и НИИ кардиологии ТНЦ СО РАМН и областной клинической больницы. Обследовано 111 пациентов женского и мужского пола с диагнозами «гипертоническая болезнь» – 53, «язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки» – 58.

Средний возраст больных с гипертонической болезнью – $39,06 \pm 0,2$ года, из них 27 женщин и 26 мужчин. Давность заболевания – $7,36 \pm 0,29$ года. Психологические особенности, сопровождающие клинические проявления, включали невротические симптомы в форме повышенной тревожности, сверхконтроля над импульсами враждебности и агрессивности, боязни потерять благосклонность значимых людей, стремление к самоутверждению и осознание невозможности выражения этих проявлений.

Из пациентов с язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки было 17 мужчин, 41 женщина. Средний возраст – $36,8 \pm 0,9$ года. Давность заболевания – $6,34 \pm 0,3$ года. Клинической картине заболевания сопутствовала невротическая симптоматика со стремлением к маскировке собственной неуверенности, демонстрации независимости, повышенным уровнем психоэмоциональной напряженности, тревожности, склонности к перепадам настроения.

При изучении пралогических образований в контексте личностного опыта пациентов и нормативной группы рассматриваются сферы применения пралогических образований: сохранение традиций, межличностные отношения, учебная и профессиональная деятельность, здоровье, семейные аспекты, природная среда, повседневная жизнедеятельность. Ранжирование применения ПрО показало их различную значимость и содержательную предпочтительность в зависимости от сферы жизнедеятельности.

При психосоматических нарушениях предпочитают ПрО в сферах здоровья и природных явлений, которые выступают в качестве исцеляющего источника. Следующие позиции занимают «семья», «повседневность», «сохранение традиций предков», «профессиональная деятельность», «межличностные отношения». В нормативной группе профессиональная и учебная деятельность наря-

ду с сохранением традиций предков и семейными ритуалами являются наиболее востребованными по сравнению с другими сферами жизнедеятельности ($p < 0,01$). Таким образом, преобладание «охранительного сдвига» в содержательной предпочтительности ПрО у больных может свидетельствовать о значительном переживании угрозы жизни, которое отсутствует у здоровых людей.

Анализ жизненных стратегий в нормативной группе и у пациентов свидетельствует об избыточном использовании опоры на действие магических сил больными, что значительно снижает эффективность взаимодействия с реальностью.

На модели нормативной группы установлено, что в процессе изменения социокультурных условий меняются соотношения востребованности жизненных стратегий, включая установление причинно-следственных связей в жизненных ситуациях (рациональная стратегия), опору на традиции или действие магических сил. У людей без нарушений психического здоровья выявляется тенденция к преобладанию рационального способа разрешения жизненных ситуаций с дополнительным использованием традиционных подходов и опоры на действие магических сил. В группе пациентов с психосоматическими нарушениями опора на помощь магических сил и использование традиций в большей степени по сравнению с нормой сохраняют свою значимость, что формирует неэффективные способы взаимодействия с реальностью (табл. 1).

У пациентов на достоверном уровне снижается значение причинно-следственного способа и возрастает роль опоры на традиции, особенно на действие магических сил. При этом показатели опоры на незримые силы в качестве основного и дополнительного способа равномерно распределяются в группе больных, а сумма этих стратегий приближается к показателям установления причинно-следственных связей и опоры на традиции. У пациентов по сравнению с нормой отмечается увеличение стратегии использования магических сил, показатели которой на достоверном уровне значительно превосходят аналогичные в нормативной группе. Недоверие к себе, переживание недостаточности опоры в настоящем обуславливают у больных обращение к магическим силам как способу психологической защиты, на которую можно возложить ответственность за все, что происходит с ними в жизни.

Отвечая на вопрос о том, какие чувства вызывают ПрО, наиболее высокий уровень тревоги демонстрируют пациенты при гипертонической болезни (табл. 2). Наиболее высокий уровень тревоги в отношении ПрО отмечается у пациентов при гипертонической болезни, а также при язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки (на уровне недостоверно значимой тенденции).

Представляется, что отличные от нормы переживания больных порождаются отношением к верованиям,

которое было свойственно людям на более ранних этапах культурно-исторического развития. У пациентов по сравнению со здоровыми людьми сохраняется большая значимость культовых верований в качестве жизненной стратегии. Как и в периоды прошлого, эти образы вызывают у пациентов чувства страха, тревоги и эмоционального напряжения. По-видимому, пралогические феномены воспринимаются буквально, в их конкретной, а не символической представленности в качестве элемента культуры прошлого. Больные в большинстве случаев верят в реальность магических сил.

Установлены «авторские» способы формирования ПрО. В нормативной группе эти феномены реализуются в качестве стратегий, расширяющих спектр взаимодействия с реальностью. При психосоматических расстройствах эти феномены имеют защитную направленность. В большинстве случаев пациентами востребованы распространенные в социуме способы пралогической защиты.

При изучении пралогической защиты (ПрЗ) с помощью ОВИС установлено, что по сравнению со здоровыми у пациентов отмечается достоверно более высокий уровень пралогической психологической защиты по каждой шкале ОВИС, а также общей выраженности этого феномена. При этом показатели шкал ОВИС находятся в зоне высоких значений, кроме шкалы активного применения первобытного мышления, которая расположена в пределах средних значений с тенденцией к приближению к верхней границе.

Результаты сравнительного изучения ПрЗ у пациентов с психосоматическими нарушениями, выраженные в процентах, представлены на рис. 1.

Эти показатели свидетельствуют о значительных различиях на достоверно значимом уровне каждой из шкал ОВИС между пациентами с гипертонической болезнью и язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки. Значения компонентов пралогической защиты у пациентов с гипертонической болезнью расположены в зоне высоких значений либо приближаются к ним. Показатели шкал при язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки находятся в зоне средних значений ($p \leq 0,01$).

Высокие показатели у больных с гипертонией отмечаются по шкалам пралогического восприятия (74,3), магической тревожности (70,5), применения нетрадиционных способов лечения (70,7). При этом интегративный уровень ПрЗ (68,3) приближается к аналогичным значениям у пациентов с невротическими расстройствами. Многие пациенты, как женщины, так и мужчины (67,9), выделяли приметы и поверья, свидетельствующие о возможных болезнях, гибели и смерти людей из близкого окружения (родственники, друзья, коллеги). Они демонстрировали знание и других областей применения пралогической защиты, но приметам и поверьям, указывающим на неблагоприятное разви-

Таблица 1

Распределение стратегий жизнедеятельности среди больных психосоматического спектра и в норме, %

Выборка исследования	Стратегии жизнедеятельности I – основная, II – дополнительная		
	Установление причинно-следственных связей	Опора на традиции	Действие магических сил
	I—II	I—II	I—II
Психосоматические расстройства	61,3* 32,9 (94,2)*	48,6* 49,4 (98,0)*	35,8* 42,1 (77,9)*
Норма	77,1* 22,9* (100)*	20,8* 41,1 (61,9)*	7,6* 28,0* (35,6)*

Примечание. Звездочкой отмечены достоверные различия между основной и дополнительными стратегиями жизнедеятельности при $0,01 < p < 0,05$.

Таблица 2

Переживание действия магических сил у пациентов и в норме, %

Выборка исследования	Переживание действия магических сил		
	Тревога	Спокойствие	Вызывает улыбку
Норма	20,3*	55,0*	24,7*
Психосоматические расстройства	46,7	43,9	9,4
Гипертоническая болезнь	49,5	39,8	10,7
Язвенная болезнь	43,9	48,0	8,1

Примечание. Звездочкой отмечены достоверные различия при $0,001 < p < 0,05$.

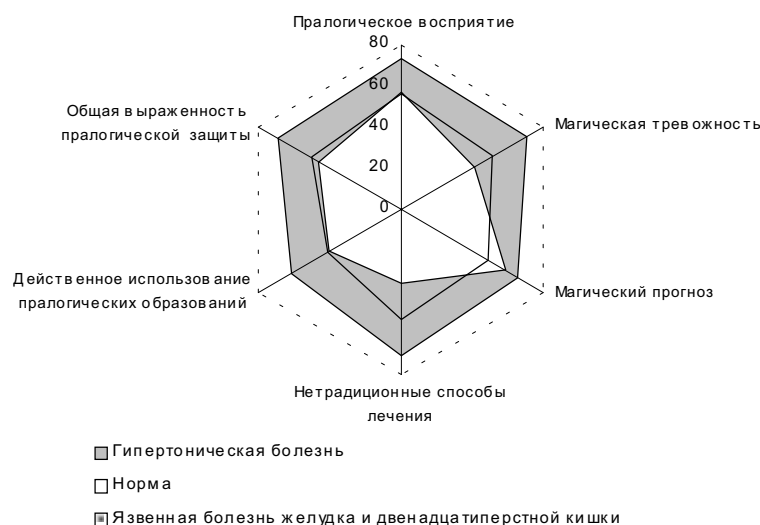

Рис. 1. Распределение показателей пралогической защиты у пациентов с психосоматическими расстройствами и в норме

тие событий, нарушение здоровья или предвещающим гибель человека, придавалось особое значение. Таким образом, при гипертонии выделяется «ипохондрическая» пралогическая составляющая психологической защиты. У этих пациентов, как и при диссоциативных нарушениях, отмечался значительный интерес к гаданиям и гороскопам, к магическим способам предсказания судьбы (65,6), а также высокий уровень магической тревоги (70,5). Если у больных женского пола с ги-

пертонической болезнью значения шкальных оценок превосходили аналогичные, характерные для женщин без нарушений здоровья, то у пациенток с язвенной болезнью выявляются противоположные тенденции.

Так, шкальные оценки пралогического восприятия и магического прогноза на достоверно значимом уровне ($p \leq 0,01$) являются более высокими у женщин без нарушений здоровья. Оценки магической тревожности преобладают (51,7; $p \leq 0,05$) у пациенток. Видимо, более низ-

кие показатели шкал у пациенток с язвенной болезнью по сравнению с нормой обусловлены проявлениями алекситимии в форме нарушения эмоциональной идентификации и искажением переживаний, которые в большей степени свойственны пациентам с язвенной болезнью по сравнению с больными гипертонией. Искажение эмоционального реагирования у пациенток с язвенной болезнью не дает возможности снизить эмоциональное перенапряжение, которое проявляется и на уровне магической тревожности, превышающей нормативные значения.

У пациентов мужского пола показатели шкал магической тревожности и применения нетрадиционных способов лечения значительно превосходят аналогичные показатели здоровых ($p \leq 0,01$). Мужчины без нарушений здоровья превосходят больных только по показателям шкалы магического прогноза (на уровне тенденции). Показатели остальных шкал у мужчин не имеют достоверных различий. Отличия шкальных оценок магической тревожности у пациентов, превышающей показатели здоровых, может свидетельствовать о наличии алекситимии, которая способствует повышению эмоционального напряжения и формированию магической тревожности.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно отметить, что выявлены специфика пралогической защиты и ее составляющих в нормативной и нозологической группах; значимость пралогической защи-

ты в системе жизненных стратегий и отличительные проявления ПрЗ в норме и при нарушениях психосоматического спектра.

В нормативной группе пралогическая защита имеет меньшую напряженность и более широкую функциональную направленность. В ситуациях, имеющих особую ценностно-смысловую значимость, ПрЗ может иметь различную векторную направленность и проявляться не только как психологическая защита, но и как стратегия совладания, а также ресурс саморазвития.

Результаты исследования ПЗ свидетельствуют о том, что в современных условиях этот феномен является востребованным в форме верований, суеверий и ритуалов. Эти проявления включаются при взаимодействии человека с реальностью. У пациентов с психосоматическими расстройствами отмечается увеличение применения ПЗ в системе жизненных стратегий, что снижает эффективность средового взаимодействия. В нормативной группе увеличивается рациональный вклад и одновременно снижается значимость опоры на действие магических сил.

Таким образом, феномен пралогических образований как системное образование у людей без психических расстройств содержит качественные отличия по сравнению с больными психосоматическими расстройствами.

Литература

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина: Принципы и применение. М., 2000. 396 с.
2. Анцыферова Л.И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психол. журн. 1999. Т. 20, № 1. С. 6–19.
3. Бассин Б.Ф. О силе «Я» и психологической защите // Самосознание и защитные механизмы личности: Хрестоматия. Самара, 2003. С. 3–14.
4. Грановская Р.М., Никольская И.М. Защита личности: психологические механизмы. СПб., 1998. 503 с.
5. Гулина М.А. Терапевтическая и консультативная психология. СПб., 2001. 348 с.
6. Стоянова И.Я. Пралогическое мышление у пациентов непсихотического спектра // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2005. № 3. С. 57–81.
7. Стоянова И.Я. Новые психодиагностические технологии в работе с пациентами непсихотического регистра // Проблемы теории, истории и практики в современных научных исследованиях: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. вузов Кузбасса. Кемерово, 2006. Т. 2. С. 203–205.
8. Стоянова И.Я. Психологические особенности системно-уровневой модели адаптации у больных с расстройствами непсихотического спектра // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3. С. 94–98.
9. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы личности. М., 1993. 345 с.
10. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 447 с.

PRALOGICAL FORMATIONS IN SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE IN PATIENTS WITH PSYCHOSOMATIC DISTURBANCES

I.Y. Stoyanova (Tomsk)

Summary. The article considers pralogical defense specific in patients with psychosomatic disorders. Materials of pilot investigation allowing distinguishing the regularities of pralogical defense manifestations in norm and in health disturbances have been presented.

Key words: pralogical formations, pralogical defense, psychological defense, psychosomatic disorders.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ ОСТЕОХОНДРОЗОМ ПОЗВОНОЧНИКА С ЛАТЕРАЛИЗАЦИЕЙ БОЛЕВОГО СИНДРОМА

В.Н. Кожевников (Красноярск), Г.В. Залевский (Томск), К.С. Карташова (Красноярск)

Аннотация. Рассматривается связь латерализации болевого синдрома при остеохондрозе позвоночника с психологическими особенностями и функциональной активностью полушарий головного мозга. Выявлено, что больные с правосторонним и левосторонним болевым синдромом различаются по личностным особенностям, наличию и характеру невротических расстройств, видам и выраженности психической ригидности, типу отношения к болезни, характеру функциональной активности полушарий головного мозга.

Ключевые слова: остеохондроз позвоночника, латерализация болевого синдрома, психологическая дезадаптация, функциональная межполушарная асимметрия.

Широкая распространенность вертеброневрологической патологии, занимающей четвертое место среди всех заболеваний, приводящих к временной утрате трудоспособности и снижению качества жизни больного, является одной из наиболее значимых современных медицинских и социальных проблем [13]. Остеохондроз позвоночника (ОП) как наиболее часто встречающийся вариант вертеброневрологической патологии является мультифакторным заболеванием, этиологические и патогенетические механизмы которого изучаются специалистами различных областей знаний. С позиции клинической психологии остеохондроз позвоночника рассматривается как заболевание, имеющее высокую психосоматическую корреляцию [10], поскольку психические (церебральные) факторы участвуют как в координации деятельности мышц позвоночника, выработке двигательного стереотипа и стрессового ответа организма, так и в формировании основных клинических проявлений заболевания (болевого синдрома, рефлекторный мышечно-тонический или компрессионный корешковый синдром). В ситуации психологического стресса, сопровождающегося повышением уровня тревоги, происходит избыточная активация симпатoadреналовой системы, что проявляется повышением тонуса скелетной мускулатуры, периферической вазоконстрикцией и другими изменениями, способствующими локальной ишемии и формированию основного клинического симптома остеохондроза позвоночника – болевого синдрома [3].

Один из вопросов формирования болевого синдрома при остеохондрозе позвоночника заключается в определении патогенетических личностных реакций, способствующих усугублению неприятных ощущений и хронизации боли [3, 9, 11]. Отсутствие прямой связи между интенсивностью болевого ощущения и степенью органического повреждения позвоночных структур, а также наличие достоверных корреляций болевой чувствительности с выраженностью психопатологических изменений позволяют говорить о смешанном психоорганическом характере возникновения и развития болевого синдрома при остеохондрозе позвоночника. Порог болевой чувствительности, особенности и интенсивность болевого синдрома, переносимость боли зависят от уровня возбудимости нервной системы, особеннос-

тей личности и психического состояния пациента [1]. Доказано, что интенсивность боли при остеохондрозе позвоночника связана с сочетанием ипохондрических и тревожно-депрессивных расстройств с ригидностью и склонностью к формированию различного рода фиксаций [4, 8, 12]. С другой стороны, длительный болевой синдром нарушает адаптацию больных к стрессовым социальным ситуациям, приводит к снижению качества жизни, часто сопровождается формированием психопатологических изменений. Образуется порочный круг, требующий коррекции разных его составляющих [2, 5].

Другой актуальной проблемой в изучении хронического болевого синдрома при остеохондрозе позвоночника является понимание механизма его формирования на левой или правой стороне тела. Известно, что психические факторы имеют значение для латерализации неврологического симптомообразования, а периферическая боль активно влияет на функциональное состояние головного мозга [1]. По данным электроэнцефалографии (ЭЭГ) выяснилось, что реактивность электрической активности мозга на умственную нагрузку достоверно снижается в левом полушарии у больных с правосторонним болевым синдромом. Таким образом, латерализованная периферическая боль затрудняет (блокирует) естественную реакцию контрлатерального полушария на соответствующую модально-специфическую нагрузку (в левой гемисфере – на умственную, в правой – на отрицательно-эмоциональную). Следовательно, периферический очаг болевой афферентации как бы накладывается на биологически обусловленные механизмы межполушарных взаимоотношений, частично дезорганизуя их. Левосторонний болевой синдром, в отличие от правостороннего, вызывает не только активацию ЭЭГ, но и (как следствие) вегетативную активацию, что свидетельствует о функциональной заинтересованности правого полушария. Возможно, избыточная болевая афферентация от левостороннего периферического болевого очага способна вызывать дезорганизацию функционального состояния контрлатерального (правого) полушария, что проявляется в его нисходящих (вегетативных и моторных) и восходящих (ЭЭГ) проекциях. Генез этого полушарного вовлечения в механизм формирования и развития латеральных болевых синд-

ромов является как физиогенным (перекрестная топография проводников болевой чувствительности), так и стрессогенным. Эти данные позволяют говорить о более высоком эмоциональном напряжении, а значит, о более выраженных психовегетативных расстройствах у больных с левосторонним болевым синдромом по сравнению с больными, имеющими правостороннюю локализацию боли [11].

Целью нашего исследования было изучение психологических и психофизиологических особенностей больных остеохондрозом позвоночника и их взаимосвязи с правосторонним и левосторонним болевым синдромом.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в неврологических отделениях больницы ст. Красноярск, Краевой клинической больницы № 1. В нем приняли участие 51 больной остеохондрозом позвоночника (М42.1) с четко выраженной локализацией болевого синдрома (правосторонней – 25 больных и левосторонней – 26 больных) в возрасте от 19 до 45 лет. Использовались следующие методы исследования:

1. Многосторонний метод исследования личности в адаптации Ф.Б. Березина, (1988).
2. Опросник невротических расстройств (Вассерман, Карвасарский, Иовлев, 1999).
3. Томский опросник ригидности (Залевский, 2000).
4. Методика для психологической диагностики отношения к болезни (Вассерман, Иовлев, Карпова, 2002).
5. Визуальная аналоговая шкала измерения интенсивности боли.
6. Метод динамической межполушарной омегаметрии [6, 7].

Полученные результаты обработаны в статистической программе SPSS (версия 14.0) с использованием полного пакета статистических процедур для двух выборок: оценки распределения значений переменных, параметрических и непараметрических критериев оценки различий, корреляционного анализа.

Обсуждение результатов исследования. По усредненным результатам ММИЛ в личностном профиле больных с правосторонним болевым синдромом повышены значения следующих шкал (в Т-баллах): «истерия» (75,56±10,99); «ипохондрия» (72,76±8,15); «шизоидность» (71,72±8,87); «паранойальность» (69,80±11,65). У больных остеохондрозом позвоночника с левосторонним болевым синдромом повышены значения таких шкал, как «психастения» (74,04±8,84), «истерия» (70,62±9,42), «депрессия» (69,62±7,71); «паранойальность» (68,08±10,46); «шизоидность» (64,73±8,26), «ипохондрия» (63,77±8,03). По результатам статистического анализа данных выявлены достоверные различия между группами по следующим шкалам ММИЛ: «ипохондрия» ($p<0,001$), «депрессия» ($p<0,01$), «психастения» ($p<0,001$), «шизоидность» ($p<0,01$).

По усредненным результатам методики ОНР для больных с правосторонней латерализацией болевого синдро-

ма характерны повышения значений по шкалам (в Т-баллах): «психическая истощаемость» (78,12±15,24); «колебание интенсивности жалоб» (76,16±11,23); «нарушения общей чувствительности» (75,16±13,09); «расстройства в сфере пищеварения» (73,16±12,91); «нарушения сна» (71,08±9,97); «ипохондричность» (67,40±8,70); «немотивированный страх» (64,80±12,19); «степень ухудшения общего самочувствия» (61,20±7,62). Для больных с левосторонней латерализацией болевого синдрома характерны повышения значений по шкалам: «нарушение общей чувствительности» (76,81±16,34); «повышенная возбудимость» (72,08±17,46); «степень ухудшения общего самочувствия» (68,35±9,98); «нарушения сна» (66,46±17,70); «колебание интенсивности жалоб» (64,46±10,97). По результатам статистического анализа определены достоверные различия между группами по следующим шкалам ОНР: «степень ухудшения общего самочувствия» ($p<0,01$), «колебание интенсивности жалоб» ($p<0,001$), «расстройства в сфере пищеварения» ($p<0,001$), «психическая истощаемость» ($p<0,001$), «повышенная возбудимость» ($p<0,001$), «немотивированный страх» ($p<0,001$), «ипохондричность» ($p<0,01$).

По усредненным результатам ТОРЗ для больных остеохондрозом позвоночника с правосторонним болевым синдромом характерны высокие значения психической ригидности по шкалам (в баллах): «симптомокомплекс ригидности» (141,08±20,60); «сенситивная ригидность» (45,04±7,94); «ригидность как состояние» (17,48±4,22). Для больных остеохондрозом позвоночника с левосторонним болевым синдромом характерны высокие значения психической ригидности по шкалам: «симптомокомплекс ригидности» (146,58±35,29); «актуальная ригидность» (42,77±11,71); «установочная ригидность» (37,04±14,86); «преморбидная ригидность» (38,27±12,11). По результатам статистического анализа данных выявлены достоверные различия между группами по следующим шкалам ТОРЗ: «сенситивная ригидность» ($p<0,01$), «ригидность как состояние» ($p<0,001$), «актуальная ригидность» ($p<0,001$), «установочная ригидность» ($p<0,001$).

Для 20 из 25 больных остеохондрозом позвоночника с правосторонним болевым синдромом по результатам методики ТОБОЛ характерна интрапсихическая направленность личностного реагирования на болезнь, тип отношения к болезни – ипохондрический, тревожный. Для 25 из 26 больных остеохондрозом позвоночника с левосторонним болевым синдромом типичной является интерпсихическая направленность личностного реагирования на болезнь, тип отношения к болезни – сенситивный, паранойальный, эргопатический. По результатам статистического анализа выявлены достоверные различия между группами по следующим типам отношения к болезни: гармоничному ($p<0,05$), тревожному ($p<0,01$), ипохондрическому ($p<0,01$), сенситивному ($p<0,001$).

Больные остеохондрозом позвоночника с правосторонним болевым синдромом чаще отмечали на отрезке

ВАШ точку (соответствующую интенсивности болевых ощущений) в районе 2,75 баллов из 10 возможных, больные с левосторонним болевым синдромом – точку в районе 5,25 баллов (средние значения $3,62 \pm 1,62$ и $5,33 \pm 1,14$ соответственно при $p < 0,001$).

По данным межполушарной омегаметрии для больных остеохондрозом позвоночника с правосторонней латерализацией болевого синдрома характерно доминирование правого полушария над левым, при этом значения обоих полушарий, находящиеся в диапазоне от 20 до 40 мВ (средние значения $19,00 \pm 8,47$ мВ и $11,08 \pm 11,18$ мВ), соответствуют первому типу значений омега-потенциала в классификации В.А. Илюхиной (1982). Для больных с левосторонней латерализацией болевого синдрома характерно доминирование правого полушария (среднее значение которого, равное $54,96 \pm 12,42$ мВ, соответствует третьему типу значений омега-потенциала) над левым (среднее значение которого $-34,35 \pm 11,21$ мВ – соответствует второму (нормативному) типу значений омега-потенциала). Достоверность различий по значениям и правого и левого полушарий составила менее 0,001 (таблица).

По результатам корреляционного анализа выявлены значимые связи латерализации болевого синдрома со следующими психологическими и психофизиологическими показателями ($p < 0,001$): шкалой «депрессии» ММИЛ ($r = -0,612$); шкалой «психастении» ММИЛ ($r = -0,678$); шкалой «актуальной ригидности» ТОРЗ ($r = -0,506$); шкалой «степень ухудшения общего самочувствия» ОНР ($r = -0,569$); шкалой «повышенная возбудимость» ОНР ($r = -0,541$); шкалой «аффективная неустойчивость» ОНР ($r = 0,504$); омега – потенциалом правого полушария головного мозга ($r = -0,857$).

По результатам корреляционного анализа у больных с правосторонним болевым синдромом выявлены следующие значимые связи показателей: шкала «ипохондрия» ММИЛ и шкала «истерия» ММИЛ ($r = 0,598$ при $p < 0,01$); шкала «паранойальность» ММИЛ и шкала «шизоидность» ММИЛ ($r = 0,509$ при $p < 0,01$); шкала «сенситивная ригидность» ТОРЗ и шкала «симптомо-комплекс ригидности» ТОРЗ ($r = 0,571$ при $p < 0,01$); шкала «истерия» ММИЛ и тревожный тип отношения к болезни ($r = 0,530$ при $p < 0,01$); шкала «истерия» ММИЛ и ипохондрический тип отношения к болезни ($r = 0,517$ при $p < 0,01$); шкала «сенситивная ригидность» ТОРЗ и тревожный тип отношения к болезни ($r = -0,538$ при $p < 0,01$); тревожный тип отношения к болезни и ипохондрический тип отношения к болезни ($r = 0,566$ при $p < 0,01$); шкала «нарушения общей чувствительности» ОНР и шкала «ипохондрия» ММИЛ ($r = 0,695$ при $p < 0,001$); шкала «психическая истощаемость» ОНР и шкала «истерия» ММИЛ ($r = 0,785$ при $p < 0,001$); шкала «аффективная неустойчивость» ОНР и шкала «истерия» ММИЛ ($r = 0,621$ при $p < 0,001$); шкала «психическая истощаемость» ОНР и омега-потенциал правого полушария ($r = -0,540$ при $p < 0,01$); омега-потенциал правого полушария и омега-потенциал левого полушария ($r = 0,745$ при $p < 0,001$).

У больных с левосторонним болевым синдромом выявлены следующие значимые связи показателей: шкала «паранойальность» ММИЛ и шкала «актуальная ригидность» ТОРЗ ($r = 0,518$ при $p < 0,01$); шкала «паранойальность» ММИЛ и шкала «установочная ригидность» ТОРЗ ($r = 0,530$ при $p < 0,01$); шкала «установочная ригидность» ТОРЗ и шкала «актуальная ригидность» ТОРЗ ($r = 0,512$).

**Психологические и психофизиологические особенности больных
остеохондрозом позвоночника с латерализацией болевого синдрома**

Характеристики	Латерализация болевого синдрома	
	правосторонняя (n=25)	левосторонняя (n=26)
Личностные особенности (по результатам «Многостороннего метода исследования личности»)	Эмоциональная лабильность, индивидуалистичность, пессимистичность	Повышенная тревожность и пессимистичность, эмоциональная лабильность, паранойальность, склонность к невротическому сверхконтролю поведения
Невротические нарушения (по результатам «Опросника невротических расстройств»)	Психическая истощаемость, колебания интенсивности жалоб, нарушения общей чувствительности, расстройства в сфере пищеварения, нарушения сна	Нарушение общей чувствительности, повышенная возбудимость, ухудшение общего самочувствия
Виды и выраженность ригидности (по результатам «Томского опросника ригидности»)	Высокий уровень сенситивной ригидности, ригидности как состояния	Высокий уровень актуальной ригидности, установочной и преморбидной ригидности
Доминирующие типы отношения к болезни (по результатам методики «Тип отношения к болезни»)	Ипохондрический, тревожный	Сенситивный, паранойальный
Субъективная оценка выраженности болевых ощущений (по результатам «Визуальной аналоговой шкалы измерения интенсивности боли»)	Умеренно выраженная боль (2,75 балла)	Выраженная боль (5,25 баллов)
Значение омега-потенциала полушарий головного мозга, мВ	Правое полушарие – 19, левое полушарие – 11	Правое полушарие – 55, левое полушарие – 34

при $p < 0,01$); шкала «нарушения сна» ОНР и шкала «нарушения общей чувствительности» ОНР ($r = 0,599$ при $p < 0,001$); шкала «нарушения общей чувствительности» ОНР и омега-потенциал левого полушария ($r = 0,566$ при $p < 0,01$); шкала «познавательная и социальная пассивность» ОНР и омега-потенциал левого полушария ($r = -0,599$ при $p < 0,001$); шкала «познавательная и социальная пассивность» ОНР и омега-потенциал правого полушария ($r = -0,602$ при $p < 0,001$); омега-потенциал правого полушария и омега-потенциал левого полушария ($r = 0,722$ при $p < 0,001$).

Таким образом, по результатам исследования и корреляционного анализа данных психофизиологическое состояние больных с правосторонней локализацией болевого синдрома характеризуется высокой истощаемостью психических и физических функций, ограничением функциональных резервов. Такое состояние объясняется физиогенным механизмом дезорганизации функционального состояния правого полушария. Кроме того, хроническая боль в сочетании с такими характерными психологическими особенностями больных остеохондрозом позвоночника с правосторонним болевым синдромом, как индивидуалистичность, эмоциональная лабильность, склонность к излишне сильным отрицательным переживаниям, ипохондричность, высокая психическая ригидность, ипохондрический и тревожный тип отношения к болезни, указывают на стрессогенный механизм истощения правого полушария головного мозга вследствие хронической психической травматизации. Поведенческие реакции больных остеохондрозом позвоночника с правосторонней латерализацией болевого синдрома, разворачиваясь по психосоматическому варианту, через вытеснение и соматизацию неприятных переживаний, позволяют им истолковывать жизненные затруднения, неспособность оправдать ожидания окружающих и несоответствие собственному уровню притязаний с позиций приемлемого социального поведения.

Психофизиологическое состояние больных остеохондрозом позвоночника с левосторонней латерализацией болевого синдрома характеризуется как дезадаптивное, сопровождающееся гиперустойчивыми длительными аффективными реакциями на любые воздействия. Ограничение адаптационно-компенсаторных возможностей проявляется в таких особенностях, как тревожная мнительность, демонстративность, преобладание аффективно-насыщенных и трудно корригируемых концепций, связанных с физическим здоровьем, неуверенность в себе и социальная неадаптивность. Повышенное внимание к соматическим процессам проявляется в нарушениях общего самочувствия, цикла сон – бодрствование, неадекватном восприятии болевых ощущений, навязчивых страхах, сенситивном и паранойальном типах отношения к болезни. Таким образом, выявленные психологические и психофизиологические особенности указывают на связь типа психофизиологической дезадаптации больных остеохондрозом позвоночника при левостороннем болевом синдроме с проявлениями невротических расстройств.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают значение асимметрии функциональной активности полушарий головного мозга для механизма формирования и развития латеральных болевых синдромов при остеохондрозе позвоночника, раскрывают принципиально различную психологическую и психофизиологическую природу формирования правосторонней и левосторонней локализаций болевого синдрома. Предполагаемая взаимосвязь латерализации болевого синдрома и типа психофизиологической дезадаптации (по психосоматическому или невротическому варианту) указывает на необходимость дальнейших исследований этой проблемы и разработки дифференцированных критериев оказания психологической помощи больным остеохондрозом позвоночника.

Литература

1. Аверкина П.А. Психологические факторы при хронической боли // Журнал невропатологии и психиатрии. 2000. № 12. С. 21–27.
2. Бабурин И.Н. Психотерапия в комплексном лечении болевого синдрома при остеохондрозе пояснично-крестцового отдела позвоночника // Вестник психотерапии. 2006. № 17(22). С. 28–30.
3. Григорьева В.Н. Психосоматические аспекты нейрореабилитации. Хронические боли. Н. Новгород: НГМА, 2004. 420 с.
4. Зайцев В.П., Тюрина О.Г., Айвазян Т.А. и др. Особенности восприятия боли и психологический статус больных остеохондрозом позвоночника с болевым синдромом // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры. М., 2002. № 6. С. 30–33.
5. Залевский Г.В. Основы современной бихевиорально-когнитивной терапии и консультирования: Учеб. пособие. Томск: Томский государственный университет, 2006. 150 с.
6. Залевский Г.В., Кожевников В.Н., Васильева О.А., Варлакова Я.В. Динамическая омегаметрия межполушарной асимметрии при психотерапии у больных невротической депрессией // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 91–93.
7. Кожевников В.Н., Варлакова Я.В., Новиков В.Б., Тронин О.А. Аппаратно-программный комплекс омегаметрии // Современные проблемы радиоэлектроники: Сб. науч. тр. / Под. ред. А.И. Громыко, А.В. Сарафанова. Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2004. С. 660–662.
8. Кожевников В.Н., Карташова К.С. Психологические механизмы этиопатогенеза остеохондроза позвоночника // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 11. С. 125–126.
9. Кожевников В.Н., Кожевникова Т.А. Психотерапевтическая нейроиммунореабилитация. Красноярск, 2005. 142 с.
10. Менделевич Е.Г. Клинико-психофизиологические корреляции у больных поясничным остеохондрозом // Вертеброневрология. 1993. № 1. С. 32–36.
11. Романенко И.В., Голубев В.Л. Психовегетативные расстройства при болевых вертеброгенных синдромах // Журнал неврологии и психиатрии. 1994. Т. 94, № 5. С. 53–58.

12. Тюрина О.Г. Психологические особенности больных остеохондрозом позвоночника с длительным болевым синдромом // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры. 2003. № 1. С. 49–51.
13. Хабиров Ф.А. Клиническая неврология позвоночника. Казань, 2001. 472 с.

PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL PECULIARITIES OF PATIENTS WITH DIFFERENT LATERALIZATION A PAINFUL SYNDROME OF VERTEBRAL OSTEOCHONDROSIS

Salevskiy G.V. (Tomsk), V.N. Kozhevnikov, K.S. Kartashova (Krasnoyarsk)

Summary. In this article have been considered correlation of lateralization of a painful syndrome of vertebral osteochondrosis with psychological features and functional activity of hemispheres of a brain.

Have been revealed, that patients with a right-sided and left sided painful syndrome differ on personal features, presence and character of neurotic disorders, expressiveness mental rigidity, type of the attitude to illness, character of functional activity of hemispheres of a brain.

Key words: vertebral osteochondrosis, lateralization of a painful syndrome, psychological disadaptation, asymmetry of brain hemispheres.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖИТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

В.Ю. Асланян (Магадан)

Аннотация. На основе анализа внешне наблюдаемых фрагментов профессиональной деятельности служителей религиозных культов выявлены критерии оценки деструктивности психологического воздействия: четкая ритмичная музыка, совместные ритмичные движения верующих в зале, совместное пение верующих с хором, повтор определенного количества движений служителем религиозного культа во время проповеди.

Ключевые слова: психологическое воздействие, внушение, убеждение, средства психологического воздействия, деструктивное психологическое воздействие, профессиональная деятельность служителей религиозного культа.

Постановка проблемы

Сегодня в научном сообществе широко обсуждаются проблемы психологического воздействия (далее ПВ), осуществляемого разными группами профессионалов [6, 17 и др.]. В подобных дискуссиях на первое место выходят рассуждения о возможных деструктивных эффектах ПВ и необходимости поиска критериев его оценки. Наиболее ярко данная проблематика проявляется при анализе профессиональной деятельности служителей религиозных культов (далее СРК), которая зачастую носит неоднозначный характер и является причиной разного рода дебатов, доходящих порой до судебных разбирательств. В последнем случае перед психологами ставят вопрос: способны ли СРК оказывать деструктивное ПВ на своих адептов и каковы критерии его анализа.

С нашей точки зрения, корректно ответить на данный вопрос, исходя из накопленных научных знаний, весьма затруднительно. Как справедливо отмечает Т.С. Кабаченко [6], в настоящее время отсутствуют общепринятые критерии оценки ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК. Наиболее широко данная тематика представлена в западной психологии, в которой обозначенная проблема рассматривается в рамках концепции контроля сознания или «промывания мозгов» [3, 23, 27 и др.]. Данный подход имеет ряд серьезных ограничений. Во-первых, неустойчивость критериев оценки деструктивности ПВ, которые выделены в русле так называемой описательной парадигмы без опоры на системные представления о закономерностях функционирования и развития психики и без учета специфики исследования ПВ в различных социальных общностях. Во-вторых, низкая содержательная валидность диагностических методик оценки деструктивности ПВ, т.к. фактически все они создавались на основе самоотчетов испытуемых (действующих или бывших адептов религиозных объединений) [2, 19, 27]. В-третьих, оценочный характер концепции. В этом плане сам термин «промывание мозгов» был заимствован из журналистских кругов и, по сути, не является строгим научным понятием. Существующее автоматическое перенесение западных разработок в отечественную психологию дает еще одно, четвертое ограничение – несоответствие тре-

бованиям, предъявляемым к специальным психологическим познаниям, которые могут использоваться при производстве судебно-психологических и религиоведческих экспертиз, т.к. они не согласуются с общими представлениями о человеке в отечественной юридической практике [20].

Целью нашего исследования стало выделение критериев оценки деструктивности ПВ, осуществляемого СРК, на основе внешне наблюдаемых фрагментов процесса их профессиональной деятельности для создания впоследствии методики оценки ПВ в религиозных объединениях.

При построении исследования мы исходили из следующих теоретических положений. ПВ представляет собой процесс заранее запланированного изменения регуляторов психической активности субъекта [6–8]. В психологии традиционно выделяют конструктивный и деструктивный характер изменений [9, 13, 25 и др.]. Мы рассматриваем содержание понятий «конструктивное ПВ» и «деструктивное ПВ» в контексте трансфинитной психологии В.А. Петровского [16]. Если конструктивное ПВ – это воздействие, способствующее развитию личности, обретению своей субъектности, то деструктивное ПВ – разрушение целостности и единства, неспособность делать свободный выбор и выстраивать существование в соответствии со своей активно-неадаптивной тенденцией. Способность того или иного ПВ вызвать деструкцию обозначается как деструктивность. Говорить о деструктивности ПВ можно на основании изучения его эффекта [6].

В основе функционирования религиозных объединений лежит феномен «внеколлективного поведения» [22] – личность, включенная во взаимодействие вне коллективов и целесообразной деятельности, действует фактически без ощущения личного контроля над ситуацией, в результате чего происходит стихийная, не всегда осознаваемая, передача информации. В таких условиях изучение ПВ предполагает исследование способов или механизмов ПВ [1, 22]. Мы определяем механизм ПВ как устойчивую комбинацию сочетания средств и уровней ПВ. В психологии выделяют пять групп средств ПВ: средства внешнего воздействия на различные анализаторы, вербальные средства, невербальные средства, средства регуляции удовлетворения потребностей, сред-

ства вовлечения реципиента в специально организованную деятельность [6]. Уровни ПВ нами выделялись в соответствии с традицией рассмотрения соотношения эмоциональных и интеллектуальных процессов в функционировании психики человека.

В психологии наименее дискуссионным является выделение двух основных механизмов ПВ – внушения и убеждения. Более того, в их отношении установлены достаточно четкие критерии различения и описания, что делает возможным операционализацию данных понятий. Убеждение представляет собой рациональный механизм ПВ, основывающийся на использовании вербальных средств и предполагающий осознанное отношение воспринимающего к предлагаемой ему информации. Изменение регуляторов психической активности человека при использовании убеждения является следствием самостоятельной реконструкции индивидуальной системы значений. Внушение, как механизм ПВ, может реализовываться как вербальными (специальные словесные формулы), так и невербальными средствами (отдельные случаи гипноза и телепатической связи). Направлено оно на снижение критичности мышления при восприятии, т.е. адресовано эмоциональному уровню. Усвоенное по механизму внушения содержание прочно входит в сознание и с трудом поддается коррекции. Наиболее эффективно внушение в измененных состояниях сознания. Применение механизма внушения в процессе профессиональной деятельности может носить характер деструктивного ПВ. В первую очередь это касается тех профессий, в которых практика ПВ формировалась стихийно, что обусловило отсутствие общепринятых критериев его оценки [6]. Как мы уже отмечали, особенно данная проблема касается профессиональной деятельности СРК.

Методики исследований

Отсутствие методов оценки деструктивности ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК привело к необходимости самостоятельного построения методики исследования. Как было отмечено выше, о деструктивности ПВ можно судить по его эффекту. Поэтому процесс выделения критериев оценки деструктивности ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК обеспечивался проведением двух относительно самостоятельных исследований. В первом случае мы выявляли характер эффекта ПВ, осуществляемого СРК различных религиозных объединений в процессе профессиональной деятельности. Во втором случае, анализируя внешне наблюдаемую профессиональную деятельность СРК, выделяли различия в применении внушающих и убеждающих средств ПВ между религиозными объединениями, характеризующимися разным эффектом ПВ. Специфические средства ПВ, присущие только профессиональной деятельности СРК той религиозной организации, в которой зафиксирован деструктивный эффект ПВ, обладают свойствами дест-

руктивности. В этом плане они рассматриваются как критерии оценки деструктивности ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК.

В обоих исследованиях участвовали две экспериментальные и одна контрольная группы. В экспериментальные группы вошли adeпты и СРК разных религиозных объединений. Критериями отбора религиозных объединений выступали, во-первых, наличие государственной регистрации устава религиозного объединения; во-вторых, отнесенность к одной христианской конфессии, в частности протестантизму; в-третьих, функционирование профессиональных СРК.

В первую экспериментальную группу вошли adeпты и СРК Новоапостольской церкви (далее НАЦ). Руководство церковью осуществляют профессиональные служители религиозного культа, для которых служение в церкви является средством самореализации и, как правило, основным источником материальных доходов. Если занятость служителя религиозного культа в жизни церкви невелика, то он может иметь дополнительное место работы. Последнее, как правило, рассматривается в качестве не основного по отношению к служению в церкви. СРК не имеют специального богословского образования, но проходят ежегодные семинары, на которых обучаются служению. Богослужение в НАЦ упрощено и включает в себя проповедь, пение духовных гимнов под музыкальное сопровождение органа [18, 21 и др.].

Во вторую экспериментальную группу вошли adeпты и СРК Церкви «Слово Жизни» (далее ЦСЖ). Руководство осуществляется профессиональными СРК, получающими духовное образование в учебных заведениях централизованной религиозной организации «Союз христиан веры евангельской пятидесятников», в состав которой входит и ЦСЖ. Служение в церкви является средством самореализации и основным материальным источником существования. Богослужение проходит эмоционально, под инструментальную музыку, с рукоплесканиями, криками и глоссолалией («дар говорения на ином языке»), наложением рук [18, 21 и др.]. В регионе данная религиозная организация известна неоднозначным характером своей деятельности. В прокуратуру Магаданской области неоднократно поступали жалобы граждан на ЦСЖ. В результате в 1998–1999 гг. состоялось даже судебное разбирательство в отношении ЦСЖ, которой инкриминировался «систематический ущерб... нравственности, здоровью и семейным отношениям граждан, в том числе использование гипноза» [14. С. 784].

В контрольную группу вошли представители светской организации: слушатели факультета дополнительного профессионального образования (далее ФДПО) Северо-Восточного государственного университета (далее СВГУ) и лекторы – профессиональные преподаватели психологии. Выбор ФДПО был обусловлен тем, что функционирование его групп слушателей также подчиняется законам внеколлективного поведения.

Первое исследование. Мы не оспариваем тот факт, что наиболее оптимальным вариантом проведения исследований эффектов ПВ являются исследования в условиях непосредственного контакта с адептами. Но в религиозных объединениях, чья деятельность носит неоднозначный характер, СРК, с одной стороны, не всегда идут на контакт с теми, кто не поддерживает деятельность их религиозных объединений, а с другой – могут запрещать своим адептам взаимодействовать с представителями некоторых профессиональных групп (в частности, с психологами, журналистами, психиатрами) [3, 5, 23, 26 и др.]. В этих специфических условиях необходимо было построить такую исследовательскую методику, которая позволяла бы максимально полно отследить изменения, происходящие с адептами религиозных организаций, без непосредственного взаимодействия с ними. Метод отраженной субъектности В.А. Петровского [16] позволяет отследить характер эффекта ПВ по разнице психологических вкладов, которые были сделаны адептами (исследуемыми) в личность людей, считающих их своими «значимыми другими» (испытуемых), до и после вовлечения в религиозные объединения. Особо стоит отметить, что метод не дает информацию о собственно эффектах ПВ, но только об их характере. Поэтому для создания наиболее полной картины необходимо проводить и другие исследования, в том числе в ситуациях непосредственного контакта с адептами.

В соответствии с принципами метода отраженной субъектности нами модифицировалась инструкция личностного опросника Лири «Интерперсональный диагноз». Выбор опросника обусловлен тем, что он направлен на изучение межличностных отношений и свойств личности, входящих в содержание понятия отраженной субъектности, но к ней не сводимых. Инструкция модифицировалась таким образом, чтобы испытуемый мог оценить себя, исследуемого и себя во взаимодействии с исследуемым до и после вовлечения последнего в религиозное объединение. Оценка исследуемого испытуемым не что иное, как межличностное восприятие исследуемым испытуемого. Сведения об отраженной субъектности (психологическом вкладе) дает сопоставление данных, полученных при предъявлении инструкций по оцениванию себя и себя во взаимодействии с исследуемым. Изменение отраженной субъектности до и после вовлечения в организацию информирует о характере эффекта ПВ. Увеличение количества шкал с однородными данными в общегрупповой тенденции свидетельствует о снижении субъектности, что говорит о деструктивности ПВ, а уменьшение – о конструктивности ПВ. То есть результаты модифицированного опросника Лири «Интерперсональный диагноз» дают только количественные показатели изменения характера направления эффекта ПВ. Качественные показатели (поведенческие проявления исследуемого) отслеживались в процессе проведения беседы с испытуемыми.

В качестве критериев отбора исследуемых были выделены: возраст 22 года и старше; посещение организации (как светской, так и религиозной) не менее 3 месяцев; вовлеченность в деятельность организации (регулярность посещения, личностная значимость деятельности организации (чтение дополнительной литературы; посещение дополнительных занятий, кружков; неотложность посещений). Критерием отбора испытуемых служила представленность исследуемого в сознании испытуемого как идеально значимого другого. Теоретическим основанием для определения значимости другого стала трехфакторная модель А.В. Петровского [15]. Для отбора исследуемых и испытуемых согласно выделенным критериям было составлено интервью, на основании которого было отобрано всего 15 испытуемых (по 5 испытуемых в каждой из исследуемых групп) и по одному испытуемому на каждого исследуемого.

Второе исследование строилось на проведении экспертного опроса, который проводился в три этапа. На первом этапе экспертного опроса перед экспертами ставилась задача операционализировать понятия «внушение» и «убеждение» как механизмы ПВ. Для этого экспертам необходимо было проранжировать средства ПВ по мере их соответствия убеждению и внушению, т.к. уровень ПВ уже изначально зафиксирован в определении механизма ПВ. Из выделяемых в литературе средств ПВ мы остановились на средствах внешнего воздействия, вербальных и невербальных средствах, поскольку их представленность можно отследить в наиболее доступном для постороннего наблюдения фрагменте профессиональной деятельности СРК – коллективном богослужении. На основе анализа многочисленной литературы были составлены списки вербальных и невербальных средств ПВ, а также внешних средств ПВ. В списки вербальных средств ПВ вошли средства композиционно-логической организации речи [10] (критерием для составления списков послужила их освещенность в литературе). В списки невербальных средств – средства просодической организации речи и характеристики жестикюляции профессионала (критерием для составления списков средств невербального ПВ послужили модели Т.М. Надейной [11] и А. Штагля [12]). В списки средств внешнего воздействия вошли такие характеристики ПВ, которые способны оказывать влияние на ясность сознания [6] (критерием отбора средств организации фона воздействия была их представленность во всех трех организациях, т.к. каждый религиозный культ обладает своими специфическими элементами).

Критерием отбора экспертов служила компетентность в области психологии (10 студентов-психологов пятого курса СВГУ и 3 преподавателя кафедр психологии и педагогики обозначенного вуза). В результате экспертного опроса были получены наборы внушающих и убеждающих средств ПВ.

На втором этапе экспертного опроса анализировалась представленность внушающих и убеждающих невербаль-

ных средств (просодическая организация речи и жестикуляция) и средств внешнего воздействия в профессиональной деятельности СРК и лекторов. Для этого экспертам было необходимо отследить частоту встречаемости каждого внушающего и убеждающего средства ПВ, выделенных экспертами предыдущего этапа, в фрагментах видеозаписи внешне наблюдаемой профессиональной деятельности СРК и лекторов. Фрагменты профессиональной деятельности СРК включали видеозапись коллективных богослужений (собственно отправление религиозных обрядов и проповедь, читаемую СРК). Выбор именно коллективного богослужения был обусловлен тем, что он является наиважнейшим элементом религиозного культа, содержащим в снятом виде все особенности вероучения. Коллективное богослужение выступает инструментом воспитания религиозным культом [4], формирования соответствующего вероучению социально-психологического типа верующих [24]. Его посещение фактически в любой религиозной организации считается необходимым для всех верующих. Фрагментами профессиональной деятельности лекторов выступали фрагменты лекционных занятий. Содержание как лекций, так и проповедей было посвящено самоопределению человека. Оценивалось по два сюжета от каждой организации, т.е. фрагменты профессиональной деятельности двух различных профессионалов внутри каждой из организаций.

Критерием отбора экспертов служила компетентность в области психологии (8 студентов отделения психологии СВГУ четвертого курса). В результате данного опроса было получено описание специфики использования внушающих и убеждающих невербальных средств и средств внешнего ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК и лекторов.

На третьем этапе экспертного опроса анализировалась представленность внушающих и убеждающих вербальных средств ПВ композиционно-логической организации речи в процессе профессиональной деятельности СРК и лекторов. Для этого экспертам было необходимо отследить частоту встречаемости каждого внушающего и убеждающего вербального средства ПВ, выделенных экспертами на первом этапе, в машинописных текстах проповедей и лекций, произносимых профессионалами в вышеупомянутых фрагментах видеозаписи.

Критерием отбора экспертов стала компетентность в области психологии и филологии (3 студента-психолога и 2 студента-филолога пятых курсов СВГУ). В результате данного экспертного опроса была описана специфика применения внушающих и убеждающих вербальных средств ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК и лекторов.

Результаты исследований

Основной интерес при обработке данных, полученных в первом исследовании, представляли анализ и сравнение

групповых данных. Для выявления статистически значимых различий изменений отраженной субъектности применялся U-критерий Вилкоксона–Манна–Уитни. Было обнаружено ($p = 0,05$), что в группе ЦСЖ количество шкал с однородными данными увеличилось: если до вовлечения в ЦСЖ однородные данные представлены по одной шкале, то после – по четырем. В группе НАЦ произошло уменьшение шкал с однородными оценками: если до вовлечения одна шкала, то после – ни одной. В группе ФДПО до поступления на факультет испытуемые отмечают общегрупповую тенденцию психологических вкладов по четырем шкалам. После поступления – только по одной шкале. Значимых общегрупповых тенденций изменения данных межличностного восприятия не было обнаружено ни в одной из групп ни по одной из шкал, что свидетельствует о субъективности межличностного восприятия и подтверждает несводимость явлений отраженной субъектности к межличностному восприятию.

Во втором исследовании соответствие средств механизмам ПВ определялось посредством процентного ранжирования. Для этого подсчитывались кумулятивная частотность рангов каждого средства и процентное выражение частотности, процентные показатели округлялись ($=PR$) и откладывались 25% квантиль. Попадание процентной величины в этот квантиль считается значимым соответствием средства механизму ПВ. В результате были получены наборы внушающих и убеждающих средств ПВ. К *внушающим средствам* были отнесены в блоке вербальных средств обоснование истины незнакомыми для слушателей фактами, достижение видимости доказательства за счет употребления связующих стратегий, обоснование истины мнением, настроением, чувствами слушателей, угроза последствиями, обоснование истины мнением социальной группы, к которой принадлежат слушатели; в блоке невербальных – ровный темп речи, большая громкость, низкий тон, ритмичные колебания тона, повтор СРК определенного количества движений, равномерный темп движений; в блоке внешних средств – соответствие оформления зала и содержания мероприятия, использование четкой ритмичной музыки, совместные ритмичные движения верующих, совместное пение верующих и хора, а также осуществление ПВ в вечернее время. В качестве *убеждающих средств* в блоке вербальных средств были отмечены: обоснование истины аргументами, обоснование истины доказательством ложности противоположного положения, обоснование истины путем последовательного доказательства ложности всех членов раздельного суждения, кроме одного, обоснование истины знакомыми для слушателей фактами, опровержение положения посредством доказательства истинности противоположного ему; в блоке невербальных – быстрый темп, убыстряющийся темп, изменение тона в широких масштабах, неритмичные колебания тона, использование жестов, иллюстрирующих содержание, и жестов,

иллюстрирующих состояние; среди внешних средств ПВ – организация ПВ в утреннее и дневное время.

Значимые различия в применении вербальных внушающих и убеждающих средств ПВ также определялись по U-критерию. Была обнаружена ($p = 0,01$) большая представленность внушающих вербальных средств во фрагментах профессиональной деятельности СРК, но отличия в их применении между религиозными организациями отсутствуют. Во фрагментах профессиональной деятельности лекторов выше представленность убеждающих средств ПВ.

В оценке представленности невербальных средств ПВ и внешних средств ПВ эксперты продемонстрировали высокую степень согласованности по всем средствам в обоих сюжетах (Альфа Кронбаха по всем организациям равна 0,9). Построение таблиц сопряженности выявило специфические невербальные и внешние средства ПВ только для вуза (использование жестов, иллюстрирующих содержание) и ЦСЖ (четкая ритмичная музыка, совместные ритмичные движения, совместное пение верующих и хора, повтор СРК определенного количества движений в равномерном темпе).

Обсуждение результатов и выводы

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о разном характере эффектов ПВ. Изменения отраженной субъектности исследуемых НАЦ с их вовлечением в деятельность религиозной организации имеют тенденцию к обретению субъектности. В этом плане мы можем говорить о конструктивном эффекте ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК. Качественный анализ результатов интервью говорит об изменении круга общения исследуемых – появлении новых социальных связей при условии сохранения старых (у адептов НАЦ не происходит конфликтов и разрыва с родственниками и прежними друзьями, не ставшими адептами той же религиозной организации).

У исследуемых адептов ЦСЖ изменения отраженной субъектности имеют тенденцию к потере субъектности,

снижению способности личности выходить за рамки ситуативности, организовывая свое бытие согласно собственной активно-неадаптивной тенденции. По данным интервью, у адептов ЦСЖ кардинально меняется стиль общения с родственниками, отказавшимися посещать их религиозную организацию. Исследуемые требуют посещения богослужений, агрессивно навязывают свою точку зрения по различным вопросам. Встречая противодействие или отказ, идут на конфликт, вплоть до ухода из семьи. То есть эффект ПВ носит деструктивный характер.

Составляющие контрольную группу слушатели ФДПО до поступления на факультет являлись самой однородной из всех представленных в исследовании групп. По данным интервью, слушатели ФДПО демонстрируют высокую степень вовлеченности в деятельность светской организации: постоянное посещение занятий и подготовку к ним, чтение дополнительной литературы и др. При этом изменения отраженной субъектности свидетельствуют о тенденции обретения субъектности, т.е. конструктивных эффектах ПВ.

Исследование ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК говорит о том, что основным механизмом достижения деструктивного эффекта ПВ в ЦСЖ в коллективном богослужении выступает внушение. Для повышения эффективности внушенного содержания СРК активно используют внешние средства ПВ, способные повлиять на ясность сознания и вызвать измененные состояния сознания. В этом плане такие внушающие средства, как четкая ритмичная музыка, совместные ритмичные движения, совместное пение верующих и хора, повтор СРК определенного количества движений в равномерном темпе, выступают критериями оценки деструктивности ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК.

Основная ценность проведенного исследования заключается в том, что выделенные критерии оценки деструктивности ПВ являются первым шагом на пути построения эмпирически обоснованного метода оценки деструктивности ПВ в процессе профессиональной деятельности СРК.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1988. 432 с.
2. Волков Е.Н. Анализ жизненного решения: проверка на манипулирование и контроль сознания // Журнал практического психолога. 2000. № 1–2. С. 126–128.
3. Волков Е.Н. Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности практики // Журнал практического психолога. 1997. № 1. С. 102–110.
4. Добренков В.И. Методологические вопросы исследования религии / В.И. Добренков, А.А. Радугин. М.: Изд-во МГУ, 1989. 137 с.
5. Егорцев А. Тоталитарные секты: свобода от совести. М.: Информационно-миссионерский центр «Сектор»; Московское Подворье Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры, 1997. 107 с.
6. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия: Учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
7. Ковалев Г.А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 472 с.
8. Куликов В.Н. Психологическое воздействие: методологические принципы исследования // Теоретические и прикладные исследования психологического воздействия / Под общ. ред. В.Н. Куликова. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1982. С. 6–23.
9. Куница М.Ю. Психологическая помощь созависимой личности из деструктивной семьи: Дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2006. 251 с.
10. Леонтьев А.А. Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1972. 39 с.
11. Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 428 с.
12. Ниренберг Д. Как читать человека словно книгу / Д. Ниренберг, А. Штагль. Баку, 1992. 189 с.

13. Носов А.В. Социально-психологическая компенсация профессионально-деструктивных качеств офицеров руководителей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 179 с.
14. Определение Магаданского городского суда // Религиозные объединения / Сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева, В.В. Ряховского. Магадан, 2000. С. 784–785.
15. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7–18.
16. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 512 с.
17. Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А.В. Брушлинского, В.Е. Лепского. М.: ИП РАН, 1996. 100 с.
18. Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. 2-изд., доп. и перераб. / Под общ. ред. Л.А. Баширова. М.: РАГС, 1997. 472 с.
19. Росс К. Является ли беспокоящее поведение вашего сына или дочери результатом вовлечения в деструктивный культ? / К. Росс, М.Д. Лангоуни // Журнал практического психолога. 2000. № 1–2. С. 139–141.
20. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Науч.-практ. пособие. М.: Гадарика; Смысл, 1998. 192 с.
21. Современная религиозная жизнь России: Опыт систематического описания / Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. М.: Лотос, 2004. Т. 2. 480 с.
22. Социальная психология: Краткий очерк / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. 319 с.
23. Технологии изменения сознания в деструктивных культах / Т. Лири, М. Стюарт и др. СПб.: Экслибрис, 2002. 224 с.
24. Угринович Д.М. Психология религии. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
25. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб.: Питер, 2003. 250 с.
26. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 400 с.
27. Чамберс У.В. Шкала группового психологического насилия / У.В. Чамберс, М.Д. Лангоуни, П. Малиновски // Журнал практического психолога. 2000. № 1–2. С. 137–141.

EMPIRIC DISCRETION OF THE EVALUATION CRITERIONS OF THE DESTRUCTIVITY OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE DURING THE RELIGIOUS CULTS SERVICEMEN PROFESSIONAL ACTIVITY

V.U. Aslanyan (Magadan)

Summary. It is described in the article the process of evaluation criterions of the destructivity of psychological influence empirical discretion during the professional activity of the religious cults servicemen based on the objectively observable fragments of their professional activity. The evaluation criterions of the destructivity of psychological influence that have been shown up in the thesis were the strict rhythmic music, altogether rhythmic movements of the believers in the auditorium, altogether singing of the believers, repeating of the same quantity of the movements by the religious cults servicemen during the preaching.

Key words: psychology influence, suggestion, belief, means of the psychological influence, destructive influence, professional activity of the religious cults servicemen.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К УПРАВЛЕНИЮ «НЕВИДИМЫМ» СТРЕССОМ ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В 30-КИЛОМЕТРОВОЙ ЗОНЕ АТОМНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Т.Г. Бохан, В.А. Непомнящая, С.А. Богомаз (Томск)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-06-64604 а/Т.

Аннотация. Рассматриваются проблемы психологической безопасности и психологической готовности к управлению «невидимым» стрессом людей, проживающих в зоне атомного производства. В ходе эмпирического исследования выявлены психологические параметры, обуславливающие стрессоустойчивость и уравновешенность, благополучие и здоровье, самоконтроль поведения и удовлетворенность качеством жизни у населения, проживающего в 30-километровой зоне атомного производства.

Ключевые слова: невидимый стресс, психологическая безопасность, психологическая готовность к управлению «невидимым» стрессом, 30-километровая зона атомного производства.

Увеличение числа техногенных катастроф на территории России, с одной стороны, и задача расширения атомного производства, связанная с необходимостью усиления энергетического и экономического потенциала страны – с другой, заостряют проблему психологической безопасности людей, проживающих в зоне атомного производства. Как отмечается многими исследователями, психогенное воздействие экстремальных условий складывается не только из прямой угрозы жизни человека, но и опосредованной, связанной с ожиданием ее реализации [1]. Речь идет об условиях, в которых люди подвергаются воздействию «невидимых» стрессоров – переживанию угрозы радиационного поражения. Проблемы, касающиеся переживания «невидимого» стресса в условиях присутствия угрозы неблагоприятного воздействия (без его фактического осуществления), как показал анализ литературы, исследовались в основном на лицах, непосредственно работающих с источниками ионизирующих излучений, а также на участвовавших в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, не страдающих лучевой болезнью и органическими поражениями головного мозга.

Исследования по проблемам психологической безопасности, «невидимого» стресса населения, проживающего и работающего в зоне атомного производства, практически не встречаются. В то же время научными работами в области экологической психологии доказано влияние места проживания на жизнедеятельность человека; показано, что регион, который люди считают неблагоприятным для своей жизнедеятельности, они будут стремиться покинуть или будут испытывать хроническую угрозу и напряжение, следствием которых являются нарушения здоровья, снижение работоспособности, социальная напряженность, неприятие нового в изменениях производства, отсутствие адекватного и конструктивного взгляда на развитие отрасли в регионе, поддержка деструктивных форм экологического движения. В связи с этим возникает необходимость разработки научной проблемы психологической безопасности людей, проживающих в зоне атомного производства, где особое внимание привлекает проблема психологичес-

кой готовности к управлению «невидимым» стрессом. Так как город Томск и Томский район входят в 30-километровую зону атомного производства, а также планируется его дальнейшее развитие, поставленные исследовательские задачи могут иметь как научную значимость, так и практическую для региона.

В психологии достаточно хорошо изучены последствия воздействия на человека «острого» стресса – промышленных и природных катастроф, боевых действий, различных форм насилия над личностью [7]. Вместе с тем почти отсутствуют исследования, касающиеся восприятия и переживания «невидимого» стресса при наличии угрозы неблагоприятного воздействия (без его фактического осуществления). В литературе указывается, что психогенное воздействие «невидимого» стресса создает ситуацию ожидания реализации угрозы для жизни человека [1, 5]. Восприятие человеком возможных неблагоприятных последствий воздействия «невидимых» стрессогенных факторов основывается как на рациональном знании об их наличии, так и на неосознаваемом эмоциональном переживании страха по поводу влияния этих факторов на жизнь и здоровье человека [4, 7]. Уровень осознанности повышается под воздействием информационного фактора, однако это не гарантирует адекватности восприятия ситуации [4, 7]. Более того, в ситуации угрозы радиоактивного заражения информационный фактор определяется как основной травматический фактор. Исследователями отмечается, что восприятие человеком «невидимого» стресса опосредовано индивидуально-личностными, интеллектуальными и эмоциональными особенностями («теорией реальности», сформированной у человека, когнитивной оценкой ситуации, эмоциональной окраской прошлого опыта, уровнем тревожности, индивидуальной устойчивостью субъекта к эмоциональному стрессу и пр.). В контексте проблемы переживания «невидимого» стресса представляется важным изучение такого системного свойства личности, как «психологическая готовность» личности, в частности в аспекте «психологической готовности к управлению «невидимым» стрессом». Чаще всего психологическая готовность исследуется в

проблематике психических состояний и понимается как фактор, опосредующий реализацию потенциальных возможностей человека в конкретных условиях. Сущность психологической готовности трактуется различно, однако большинство исследователей отождествляют психологическую готовность с установкой (Д.С. Узнадзе, А.Г. Асмолов, В.Е. Ключко). В современной науке установка понимается как «готовность к определенной активности, зависящая от наличия потребности и объективной ситуации ее удовлетворения»; так же как «готовность человека к действиям определенным образом, восприятию и пониманию информации, которую он усваивает»; «готовность человека воспринимать стимул или физическое событие во внешнем мире». Ссылки на психологическую готовность встречаются в литературе по психологии спорта и рекламы: готовность интерпретируется как феномен сформированной установки на достижение определенного результата. В работах с позиции ТПС [2, 3, 6, 8] авторы придерживаются понятия установки как «готовности, предрасположенности субъекта, возникающей при предвосхищении им определенного объекта (ситуации) и обеспечивающей устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту (ситуации)». Другими словами, установка проявляется в готовности действовать. Т.О. Шептенко [8] отмечает, что постнеклассическая парадигма позволяет связать психологическую готовность с возможностью выхода за пределы адаптации, преодоления нормы в процессе самореализации, изменения условий и способов жизнедеятельности.

Разработка проблемы психологической безопасности населения, проживающего в зоне атомного производства, требует решения основной исследовательской задачи – изучения психологической готовности людей к управлению «невидимым» стрессом. Поставленная основная задача конкретизируется ее теоретическими и практическими аспектами. К теоретическим относятся уточнение критериев и уровней «невидимого стресса» у людей, проживающих в зоне атомного производства, понятий «управление «невидимым» стрессом», «психологическая готовность к управлению «невидимым» стрессом» с методологической позиции постнеклассической психологии (теории психологических систем); выявление основных характеристик психологической готовности к управлению «невидимым» стрессом»; определение основных угроз, связанных с психологической неготовностью к управлению «невидимым» стрессом, наносящих ущерб психологической безопасности людей разных возрастных и социальных категорий, проживающих в зоне атомного производства. К практическим аспектам задач проекта отнесена разработка диагностического инструментария для определения уровня психологической безопасности людей, проживающих в условиях атомного производства; основ формирования культуры психологической безопасности населения для

использования в работе организаций, отвечающих за административно-государственную, информационно-просветительскую и медико-социальную работу; методов психологической коррекции и поддержки населения разных возрастных и социальных категорий, направленных на развитие психологической готовности к управлению «невидимым» стрессом; образовательных программ для подготовки специалистов (психологов, социальных работников, администраторов, педагогов) по вопросам психологической безопасности в зоне атомного производства.

Эмпирическое исследование опирается на теоретические аспекты исследований «невидимого» стресса С.Н. Ениколопова, посттравматического стресса Н.В. Тарабриной, психогений Ю.А. Александровского. Конкретной методологией исследования явилась совокупность теорий, разрабатываемых учеными-психологами в Томском государственном университете, заявленная как системная антропология и представленная теорией психологических систем (В.Е. Ключко), общей теорией фиксированных форм поведения (Г.В. Залевский), системным подходом к самореализации (Э.В. Галажинский), культурно-историческим подходом к феноменам стресса и стрессоустойчивости (Т.Г. Бохан). Для реализации данной методологической позиции в исследовании применяется комплекс психодиагностических методов: как широко используемые, новые и адаптированные к русскоязычной выборке, так и авторские модификации методик: опросные – ОКМ С. Эпштейна, адаптированная С.В. Лебедевым и С.Н. Ениколоповым для выявления особенностей мышления в совладании с внутренними проблемами; опросник депрессивности Э. Бэка (применяется в целях оценки наличия и степени выраженности депрессивной симптоматики); опросник «Индекс качества жизни» Р. Элиота, методика определения смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева, метод контент-анализа высказываний незаконченных предложений, адаптированный под цели исследования, методика семантического дифференциала. Для обработки данных применялись методы математической статистики. В исследовании принимали участие три группы респондентов: 36 человек – жители п. Самусь Томского района, 56 человек – жители г. Томска, 44 человека – жители г. Северска в возрасте от 19 до 54 лет, имеющие неоконченное высшее, среднее специальное и высшее образование. Всего в исследовании приняли участие 136 человек.

Контент-анализ высказываний респондентов, завершающих незаконченные предложения позволил получить следующие представления о наличии и характере «невидимого» стресса. Во всех группах респондентов есть люди, испытывающие ожидание угрозы атомного производства, и люди, не переживающие эту угрозу. Среди жителей п. Самусь есть те, которые ссылаются на необходимость защитных мер и указывают конкретные предложения по улучшению качества жизни людей, проживающих в зоне атомного производства. У респон-

дентов всех групп переживаемая угроза связана в основном с угрозой их здоровью и физическому благополучию, а также с ограничением (снижением) возможности самореализации. В отношении возможностей самореализации существуют различные установки: от понимания роли самого человека в данном процессе, переживания ограничений в возможностях самореализации до видения преимуществ проживания в зоне атомного производства для самореализации.

Большинство респондентов понимают необходимость развития атомного производства для экономики государства. При этом в группе жителей г. Северска и п. Самусь выявлено противоречие, связанное, с одной стороны, с осознанием важности развития атомной энергетики, а с другой – с переживанием угрозы жизни и здоровью человека со стороны атомного производства, что, на наш взгляд, может порождать психоэмоциональную напряженность как проявление «невидимого» стресса. В группе жителей г. Томска выявлено противоречие между выраженностью опасения за свое будущее и будущее своих детей в связи с развитием атомного производства и уверенностью, что эта проблема на сегодняшний день не касается их детей. На наш взгляд, это может свидетельствовать об определенной степени закрытости родителей в отношении оценки здоровья детей. При сохранении такого противоречия между образом мира и образом жизни родителей может возникать стресс-напряженность в ситуациях болезни детей, причину которых родители могут объяснять неблагоприятным экологической обстановки, когда они ссылаются на производственный «выброс». Наряду с переживанием угрозы своему будущему в группе респондентов п. Самусь люди высказывают надежду на совершенствование атомного производства, повышение условий, гарантирующих безопасность проживания. В данной группе респондентов выявлено как переживание угрозы здоровью своих детей, так и готовность предлагать и реализовывать конкретные меры, позволяющие отслеживать, сохранять и улучшать здоровье детей. Многие респонденты указывают на готовность сменить место жительства, что свидетельствует о высокой миграционной готовности респондентов данной выборки.

Психодиагностические данные всех использованных методик были подвергнуты статистической обработке методами корреляционного и факторного анализов. Факторный анализ позволил выделить ряд факторов, представленных достоверными связями определенных психологических показателей, указывающих на выраженность «невидимого» стресса и психологические факторы, его обуславливающие. Этим факторам были присвоены названия, отражающие их психологический смысл.

Фактор «открытости/закрытости социальным контактам, окружающему миру» включает оценки характеристик людей, проживающих в 30-километровой зоне атомного производства: целеустремленность (–0,67),

доброта (–0,68), безразличие (–0,65), активность (–0,84), самостоятельность (–0,76). Данное сочетание связей может характеризовать людей и как открытых социальным контактам, положительно относящихся к окружающим, инициативных, и как более закрытых и менее самостоятельных в своей социальной активности.

Фактор «переживания угрозы атомного производства» определяется совокупностью показателей феноменологического исследования: атомное производство опасно/неопасно (0,85), переживание/не переживание угрозы здоровью детей (0,58), наличие/отсутствие миграционной готовности (0,56), индекс психологической безопасности в отношении переживания угрозы (0,69). Совокупность этих характеристик указывает, что у людей с отсутствием переживания угрозы атомного производства нет опасения за нанесение ущерба здоровью своих детей, в меньшей мере они готовы покинуть данный регион и в целом у них выше индекс психологической безопасности в отношении переживания угрозы.

Фактор «эффективного поведенческого совладания» объединяет показатели: общий показатель депрессивности (–0,62), поведенческое совладание (0,52), личностно-суеверное мышление (–0,50), характеристики людей как благополучных (–0,64) и умных (–0,58). Связь этих показателей может свидетельствовать о том, что отсутствие симптомов депрессии связано с высоким ресурсом поведенческого совладания, когда оптимизм людей исходит из способности действовать и уверенности в эффективности своих действий, умении тщательно планировать свою деятельность, если этого требует ситуация, в меньшей склонности к устоявшимся общественным суевериям, открытостью социальным контактам.

Фактор «гибкости мышления» включает показатели: шкалу категоричность мышления (–0,57), переживания/не переживания угрозы здоровью детей (0,66), миграционной готовности (0,68). Данное сочетание свидетельствует, что гибкость мыслительных процессов связана с меньшим переживанием угрозы здоровью детей и выраженностью миграционной готовности.

Фактор «уверенности в карьере в условиях развития атомной энергетики» объединил показатели перспективности карьеры (0,57) и понимания необходимости и актуальности развития атомной энергетики (0,55). Данный фактор может указывать на то, что люди, считающие свою карьеру более перспективной, понимают необходимость и важность развития атомной энергетики.

Фактор «самоконтроля настроения» представляют показатели источника контроля настроения (0,58), возраста (0,56), переживания опасности/неопасности атомного производства (0,61), переживания/не переживания угрозы для будущего людей, проживающих в зоне атомного производства (0,63), переживания/не переживания угрозы здоровью детей (0,61). Те респонденты, для которых источником хорошего настроения является внутренний самоконтроль, а это более старшие по возрасту

люди, в меньшей степени подвержены переживанию «невидимого» стресса.

Фактор «психологической незрелости» включает показатели наивного оптимизма (0,56), переживания/не переживания угрозы здоровью детей (–0,66), ограничения самореализации (–0,72), индекса психологической безопасности (–0,60). Связь этих характеристик указывает на то, что переживание «невидимого» стресса (угрозы атомного производства своему здоровью и жизни, здоровью своих детей, будущему, самореализации) в большей степени испытывают люди, склонные к наивному оптимизму, люди необоснованно оптимистичные, когда не задумываются о смысле своего напряжения, не осознают переживаемую ими угрозу и не могут принимать адекватные меры.

Фактор «затруднения в конструктивности мышления» представлен показателями общей шкалы конструктивности мышления (–0,77), шкалы эмоционального мышления (–0,78), шкалы эзотерического мышления (0,59), шкалы категорического мышления (0,76). Этот фактор указывает на то, что чем меньше выражена конструктивность мышления и способность справляться с неприятной ситуацией без развития стресса, тем выше ригидность мыслительных процессов и максимализм, недостаточная критичность и опора в поведении на необъяснимые ощущения, что может приводить к частичной утрате принципа реальности.

Фактор «склонности к общепринятым суевериям» объединяет показатели возраста (0,84), эзотерического мышления, сферы здоровья (–0,59), переживания угрозы в отношении будущего людей, проживающих в зоне атомного производства (–0,68). С возрастом, вероятно, снижается удовлетворенность здоровьем, повышается склонность к эзотерическому мышлению и переживанию за будущее людей, проживающих в данной местности.

Вывод: данные факторы указывают на психологические параметры, взаимодействие которых обуславливает переживание «невидимого» стресса у населения, и психологические параметры, гарантирующие психологическую безопасность жителям 30-километровой зоны атомного производства.

Введение в факторный анализ наряду с имеющимися психологическими параметрами характеристик качества жизни позволило выявить условия, гарантирующие удовлетворенность качеством жизни людей, проживающих в зоне атомного производства. Были выделены наиболее весомые факторы.

Фактор «стрессоустойчивости и уравновешенности» объединяет показатели шкал эмоционального мышления (0,55), эзотерического мышления (–0,52), категорического мышления (–0,68), личностно-суеверного мышления (–0,53), а также показатели качества жизни в следующих сферах жизнедеятельности: личные устремления и достижения (0,64), мысли о будущем (0,70), физическое состояние и среда (0,57), самоуважение (0,65), жизненные

ценности и принципы (0,62). Эти показатели могут свидетельствовать, что наиболее стрессоустойчивыми людьми являются те, для которых характерна стабильная самооценка, нечувствительность к неодобрению, отказам или собственным промахам, которые не застревают на прошлых неудачах и более оптимистично мыслят. Также можно отметить у них меньшую категоричность и более выраженную гибкость мыслительных процессов, несклонность руководствоваться сложившимися суевериями. Такие люди более удовлетворены личными достижениями, не боятся думать о будущем, принимают себя, им ясны их жизненные ценности и принципы. Вероятно, следствием такого психологического благополучия является хорошее физическое состояние и позитивное восприятие окружающей среды.

Фактор «благополучия и здоровья» объединяет показатели характеристик людей благополучные (–0,63), здоровые (0,68), добрые (0,71), а также показатели сфер качества жизни: здоровье (0,57), сон (0,63), возможность обходиться без алкоголя (0,57) и тонизирующих напитков (0,51), контролирования финансов (0,61). Более благополучными в оценке собственного здоровья являются те, которые положительно относятся к другим людям, контролируют свои финансы, могут обходиться без алкоголя и тонизирующих напитков, не испытывают проблем со сном.

Фактор «самоконтроля поведения и его эффективности» представляют показатели окружающей среды (0,67), самоконтроля (0,68), принятия решения (0,54), способность говорить то, что думаешь (0,55), жизненные ценности и принципы (0,56). Совокупность данных психологических параметров указывает, что те, кто способен контролировать свое поведение, принимать самостоятельные решения, открыто заявлять свою позицию, ориентируясь на собственные ценности и принципы, удовлетворен окружающей средой и чувствует себя в ней комфортно.

Вывод: психологические параметры, обуславливающие стрессоустойчивость, благополучие в здоровье, самоконтроль в различных сферах жизнедеятельности, связаны с удовлетворенностью качеством жизни населения, проживающего в 30-километровой зоне атомного производства, повышая уровень психологической безопасности у населения.

Введение в факторный анализ полученных показателей осмысленности жизни дало возможность выделить ряд факторов, позволяющих получить представление о психологических условиях самореализации людей, проживающих в зоне атомного производства, и их связи с уровнем миграционной готовности. К ним относятся следующие факторы.

В фактор «осмысленности и удовлетворенности жизнью» вошли показатели всех шкал осмысленности жизни с положительным значением, общения с окружающими (0,66), отношения на работе (0,68), окружающей среды (0,70), самоконтроля (0,60), принятия решения

(0,72), самоуважения (0,66), жизненных ценностей и принципов (0,69). Люди, у которых показатели осмысленности жизни достаточно выражены, могут принимать самостоятельные решения, осуществлять самоконтроль, открыты как для собственных изменений, так и в социальную среду, руководствуются своими жизненными принципами и ценностями, чувствуют себя комфортно в окружающей среде. Шкалы СЖО имеют высокий показатель положительной корреляции с оценкой работоспособности.

Фактор «высоких ресурсов самореализации» объединяет показатели поведенческого совладания (0,59) и шкал СЖО: общий показатель (0,95), цель (0,79), процесс (0,85), результат (0,85), локус контроля – Я (0,80), локус контроля жизни (0,79). Эти данные говорят о том, что те, у кого имеется осмысленность жизни, как правило, в своем поведении более эффективны, для них характерна склонность мыслить так, чтобы затем эффективно действовать, они оптимистичны, активны, полны энтузиазма, энергии, уверены в эффективности своих действий, открыты и положительно настроены по отношению к другим. Как было показано выше, показатели поведенческого совладания отрицательно коррелируют с показателями депрессии и положительно – с удовлетворенностью качеством жизни.

Фактор «ограничения в самореализации» представлен переживанием ограничения в самореализации в условиях проживания в зоне атомного производства (0,57) и миграционной готовностью (–0,76). Связь этих показателей в данном факторе свидетельствует о том, что те, кто переживает невозможность самореализации, ссылаясь на условия проживания в зоне атомного производства, чаще указывают на миграционную готовность.

Анализ полученных результатов в контексте заявленной методологии позволил:

1) уточнить содержание категории «невидимый» стресс жителей 30-километровой зоны атомного производства, который рассматривается как переживание ожидания угрозы не только здоровью, жизни, но и самореализации, что проявляется в стресс-напряженности и формировании миграционной готовности;

2) установить психологические условия формирования «невидимого» стресса, которые представлены двумя вариантами закрытости психологической системы для развития:

а) слитность между образом мира и образом жизни респондентов, проявляющаяся в наличии сформировавшихся фиксированных установок на атомное производство как опасное для жизни и здоровья людей, как результат личностно-суеверного, категоричного мышления и наивного оптимизма, не позволяющего осмысливать переживаемую угрозу, и экстернальной позиции в переживании ограничений в самореализации, проявляющей-

ся в пассивных формах поведения, не позволяющих использовать собственные возможности и возможности окружающей среды в отслеживании и оценке своего здоровья и здоровья собственных детей, выбирать жизненные сферы, наиболее адекватные в плане воплощения своих возможностей;

б) расхождение между образом мира и образом жизни, проявляющееся в конфликте ценностно-смысловых полей, обусловленном пониманием важности и необходимости развития атомной энергетики на уровне государства, региона, людей, проживающих на этой территории и фиксированными установками, связанными с ожиданием угрозы, акцентированием негативных сторон атомного производства, отсутствием видения для себя положительных перспектив в будущем со стороны атомного производства в силу как собственной закрытости для изменений, так и отсутствия соответствующей информации в среде, которая соответствовала бы потребностям и возможностям респондентов, отсутствия уверенности и гарантий в безопасности, конкретных мер по заботе и охране здоровья детей и населения;

3) определить уровни переживания «невидимого» стресса, особенности проявления каждого уровня, психологические условия их формирования:

– **высокий уровень** «невидимого» стресса проявляется в переживании угрозы атомного производства для жизни, здоровья, самореализации, в неудовлетворенности качеством жизни, критическом или умеренном уровне депрессии, в миграционной психологической готовности; обусловлен отсутствием понимания актуальности развития атомной энергетики для государства и видения реализации своих возможностей в этих условиях, низкой степенью самоконтроля и неконструктивным мышлением;

– **средний уровень** «невидимого» стресса может проявляться в удовлетворенности в целом качеством жизни при отсутствии симптомов депрессии, но сохранении ожидания угрозы здоровью своих детей и переживании ограничения самореализации; обусловлен низким уровнем самоконтроля и выраженным наивным оптимизмом;

– **низкий уровень** «невидимого» стресса проявляется в удовлетворенности качеством жизни и отсутствии симптомов депрессии, в отсутствии переживания опасности атомного производства и миграционной готовности; обусловлен высоким уровнем осмысленности жизни, высоким потенциалом поведенческого совладания, гибкостью мышления, в меньшей степени – склонностью руководствоваться устоявшимися общественными суевериями, открытостью социальным контактам, самоконтролем, уверенностью в перспективах карьеры и возможностях самореализации в условиях развития атомной энергетики.

Литература

1. Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. М., 1991.
2. Бохан Т.Г. Стресс и стрессоустойчивость с методологических позиций постнеклассической психологии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. Вып. 2. С. 6–11.
3. Галажинский Э.В. Детерминация и направленность самореализации личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 182 с.
4. Дворянчиков Н.В., Стариченко Н.В., Ениколопов С.Н. Особенности восприятия и переживания «невидимого» стресса военнослужащими, работающими с источниками ионизирующих излучений // Журнал практического психолога. 2005. Вып. 1. С. 49–63.
5. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. М., 2005. 415 с.
6. Ключко В.Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига // Сибирский психологический журнал. 2007. № 27. С. 15–22.
7. Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1994. Т. 18.
8. Шептенко О.Б. Системная детерминация профессиональных установок в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1998. 22 с.

PSYCHOLOGICAL AVAILABILITY OF «INVISIBLE» STRESS MANAGEMENT BY PEOPLE, WHO LIVE IN AREA OF ATOMIC MANUFACTORY
T.G. Bokhan, V.A. Nepomnyashaya, S.A. Bogomaz (Tomsk)

Summary. The article covers the problems of psychological safety and psychological availability of «invisible» stress management by people, who live in area of atomic manufactory. Research reveals psychological characteristics, which determine stress-resistance and balance, wellbeing and health, self-control of behavior and satisfaction of quality of live of people, who live in 30-km area near atomic manufactoty.

Key words: invisible stress, psychological safety, stress management, psychological availability, wellbeing, atomic manufactoty.

РАЗВИТИЕ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ЧАСТО БОЛЕЮЩИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А.В. Катасонова, Н.А. Кравцова, Ю.Г. Потребич (Владивосток)

Аннотация. Исследовано состояние высших психических функций у часто болеющих детей младшего школьного возраста. По результатам нейропсихологического обследования выявлены особенности развития ВПФ.

Ключевые слова: часто болеющие дети, нейропсихологическое обследование, высшие психические функции, медленный и гиперактивный типы.

Среди заболеваний детей младшего школьного возраста на первое место выходят острые респираторные заболевания (ОРЗ). Доля детей, особенно подверженных ОРЗ, составляет 70–75% [3].

По классификации, предложенной А.А. Барановым и В.Ю. Альбицким, к категории часто болеющих относят детей первого года жизни, болеющих 4 и более раз в год; до 3-х лет – 6 раз и более; 4–5 лет – болеющих 5 и более раз в год; старше 5 лет – 4 и более раз в год [1].

Часто болеющие дети нуждаются в медико-психологической поддержке. В настоящее время этой категорией детей занимаются в основном педиатры, поскольку проблема считается сугубо медицинской. Однако исследования, проведенные А.А. Михеевой, показали, что в патогенезе ОРЗ взаимодействуют психологические и соматические факторы [8]. В условиях повышенных требований внешней среды часто болеющий ребенок при наличии психологических предпосылок приобретает одно или несколько хронических заболеваний. К психологическим предпосылкам автор относит высокий уровень тревожности, сниженную самооценку, неприятие себя, негативное самоотношение, наличие негативных переживаний по ряду факторов внутренней картины болезни, недостаточные коммуникативные навыки [8].

Симптомы интоксикации, вынужденное ограничение движений, медицинские процедуры, ограничение социальных контактов ведут к развитию эмоционального беспокойства, нарушению сна, высокой тревожности, депрессивным и регрессивным реакциям. Все это деформирует социальную ситуацию развития детей младшего школьного возраста, складывающуюся в условиях болезни.

Изменения в эмоциональной сфере у часто болеющих детей подтверждает в своих работах В.А. Ананьев [2]. Такие дети отличаются склонностью копить обиды, неумением выражать свои негативные чувства (злость, раздражение); их эмоциональное возбуждение накапливается и, не находя разрядки, может служить дополнительным фактором соматизации. Эмоциональная сфера этих детей отличается слабой дифференцированностью [2].

В школе они сталкиваются с проблемой адаптации и часто попадают в категорию детей с задержкой психического развития. В рассматриваемый нами возрастной период ведущим видом деятельности становится учебная. С точки зрения Л.С. Выготского, основным психологическим новообразованием младшего школьного

возраста является отвлеченное словесно-логическое и рассуждающее мышление, появление которого перестраивает другие познавательные процессы и способствует развитию произвольного регулирования поведения [4]. Следовательно, несформированность учебной деятельности на ранних этапах обучения приводит в дальнейшем к нарушению развития как познавательных функций, так и поведения в целом.

Отягощенный перинатальный анамнез, частые простудные заболевания, сопровождающиеся симптомами интоксикации, особенности детско-родительских отношений приводят к тому, что у этой категории детей не происходит своевременного и полноценного формирования психической деятельности. Завышенные социальные требования со стороны школы и родителей являются причиной истощения резервных возможностей ребенка, провоцируют обострение заболеваний [1].

В связи с этим актуальным становится изучение особенностей развития высших психических функций (ВПФ) часто болеющих детей младшего школьного возраста.

В целях выявления особенностей развития ВПФ часто болеющих детей младшего школьного возраста нами было проведено нейропсихологическое исследование.

Материал и методы исследования

Авторы использовали методику нейропсихологической диагностики детей Л.С. Цветковой (1998) – модифицированный вариант схемы нейропсихологического обследования, разработанный А.Р. Лурия и его сотрудниками [5, 6], адаптированный к обследованию детей младшего школьного возраста [10].

Выборка представлена двумя группами детей младшего школьного возраста: 94 соматически здоровых ребенка с благополучным перинатальным анамнезом составили контрольную группу; в основную группу вошли 98 часто болеющих детей. Половозрастная характеристика выборки представлена в табл. 1.

Отбор детей в группы проводился на основании изучения истории развития ребенка, жалоб родителей и педагогов, анализа данных медицинских карт (Ф-112у).

Дети контрольной группы положительно характеризовались педагогами, не имели трудностей в усвоении школьной программы и в общении со сверстниками. В ситуации обследования они хорошо контролировали свое поведение, адекватно отвечали на поставленные

Таблица 1

Распределение детей основной и контрольной групп по возрасту и полу, чел.

Возраст	Мальчики		Девочки		Всего	
	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
1-й класс (7–8 лет)	15	17	15	15	30	32
2-й класс (8–9 лет)	17	24	23	19	40	43
3-й класс (9–10 лет)	14	11	10	12	24	23

Примечание. КГ – контрольная группа, ОГ – основная группа.

вопросы, позитивно реагировали на ситуацию обследования. Анализ истории развития детей данной группы показал отсутствие осложненного течения беременности и родов. Психомоторное, речевое и психическое развитие соответствует возрастной норме.

Основную группу составили дети с отягощенным перинатальным анамнезом, подверженные частым простудным заболеваниям, находящиеся на диспансерном учете у педиатра. Изучение анамнеза матерей показало, что токсикоз, стресс во время беременности, хроническая фетоплацентарная недостаточность, родовая травма, родовая стимуляция достоверно чаще встречаются в этой группе. Все указанные факторы перинатального риска являются причинами развития внутриутробной гипоксии плода, следствие которой – перинатальная энцефалопатия. В нашей выборке диагноз перинатальной энцефалопатии был выставлен лишь 15 детям (15%), 10 чел. находились под наблюдением у невролога до 1 года, 5 детей сняты с учета в 1-й месяц. Других неврологических диагнозов нет. Несоответствие наличия факторов перинатального риска и выявляемости перинатальной энцефалопатии свидетельствует о недостаточном внимании детских неврологов к категории часто болеющих детей. Анализ анамнестических данных детей основной группы показал, что на первом году жизни признаки перенесенной внутриутробной гипоксии проявлялись нарушением сна у 51 ребенка (52%) и частым криком у 37 детей (38%).

В дошкольном возрасте перенесенная внутриутробная гипоксия проявлялась повышенной раздражительностью, агрессией, эмоциональной лабильностью, повышенной потливостью, навязчивыми движениями, быстрой утомляемостью, головными болями, страхами. Анализ анамнестических данных показал, что длительность грудного вскармливания достоверно ($p < 0,001$) влияет на частоту заболеваний: в основной группе детей средняя продолжительность грудного вскармливания составляет 3 месяца, в контрольной группе – 7,5 месяцев.

Педиатрами давно доказано, что ранний перевод на искусственное вскармливание приводит к снижению иммунитета, т.е. защитных свойств организма ребенка. Критическим периодом, когда дети наиболее уязвимы к воздействию неблагоприятных факторов внешней среды, является период 3–6 месяцев. Он характеризуется ослаблением пассивного иммунитета в связи с катаболизмом материнских антител. Несовершенство иммунной системы является фоном для развития рецидивирующих ОРВИ,

формируются группы часто болеющих детей [7]. Таким образом, анамнестический анализ показал наличие перинатальных факторов риска, обуславливающих предрасположенность детей основной группы к частым простудным заболеваниям, и перинатальной энцефалопатии, влияющей на созревание мозга в онтогенезе.

При анализе выполнения нейропсихологических проб были выявлены общие особенности развития высших психических функций у часто болеющих детей: отставание в развитии двигательного праксиса, внимания, пространственного праксиса и гнозиса, зрительно-предметного восприятия зашумленных изображений, номинативной и обобщающей функции речи. Отмечается незрелость межполушарного взаимодействия, что проявляется в отсутствии четкого доминирования в мануальной, зрительной и слуховой системах.

С целью определения возрастного отставания был проведен сравнительный анализ результатов выполнения проб группой соматически здоровых детей семилетнего возраста (контрольная группа 1-го класса – КГ₁) с группой часто болеющих детей девятилетнего возраста (основная группа 3-го класса – ОГ₃). Для этого было проведено сравнение однородности «интеллектуальных характеристик» с помощью критерия Манна–Уитни (табл. 2).

Как следует из результатов, представленных в таблице, отсутствует значимая разница в п. 1, 3, 4, 6, 8, 9, 11–13, 14–16, 22, 23, что позволяет говорить о 2-летнем отставании в развитии указанных функций у часто болеющих детей. При этом значимая разница в сторону преобладания показателей функций у детей КГ₁ в пунктах 2, 7, 17–21 свидетельствует о более чем двухлетнем отставании в развитии внимания, речи, наглядно-образного мышления у часто болеющих детей. При исследовании реципрокной координации движений и восприятия реального изображения выявлено отставание в развитии у часто болеющих детей менее одного года (п. 5, 10).

В ходе нашего исследования было установлено, что категория часто болеющих детей не представляет однородную группу. На основании типа реагирования мы сформировали 2 подгруппы – гиперактивного и медленного типов. Для гиперактивного типа характерны двигательная активность, импульсивность при выполнении проб, частая отвлекаемость. Экспериментатор в ходе обследования вынужден постоянно концентрировать и направлять внимание детей на выполняемое задание. Для медленного типа характерны задумчивость, длительный латентный период перед выполнением проб,

**Проверка однородности уровней «интеллектуальных характеристик»
группы КГ₁ и ОГ₃**

№ п/п	Параметр интеллектуальной характеристики	Критерий Манна-Уитни, U	Объем исследуемых выборок	Уровень отвержения гипотезы об однородности, α
1	Внимание (начало)	305	30/23	-0,2
2	Внимание (конец)	268	30/23	-0,06
3	Кулак – ребро – ладонь	331,5	30/23	-0,39
4	«Заборчик»	312	30/23	-0,24
5	Реципрокная координация	260	30/23	0,04
6	Кинестетический прак-с	303	30/23	0,27
7	Проба Хэда	255	30/23	-0,05
8	Фигура Тейлора	249	30/23	0,12
9	Конфликтная деятельность	325	30/23	0,33
10	Реалистичные изображения	310,5	30/23	0,06
11	Зашумленные изображения	315,5	30/23	0,27
12	Незавершенные изображения	322,5	30/23	0,35
13	Химеры	344,5	30/23	-0,49
14	Память (общая)	345	30/23	0,5
15	Память непосредственная	288	30/23	0,12
16	Память отсроченная	335	30/23	0,41
17	Речь (спонтанная)	273	30/23	-0,023
18	Фонематический слух	237,5	30/23	-0,007
19	Понимание (логико-грамматических конструкций)	208	30/23	-0,0028
20	Рассказ	138,5	30/23	-0,00001
21	IQ (наглядно-образный)	85,5	30/23	-0,0
22	IQ (4-й лишний)	296	30/23	-0,15
23	IQ (анalogии)	333	30/23	0,39

Примечание. Знак «-» означает, что отвержение гипотезы осуществляется в пользу уровней «интеллектуальных характеристик» группы ОГ₃, отсутствие знака свидетельствует о противоположном случае.

медленный темп выполнения, тихий голос. Экспериментатору приходилось постоянно хвалить, эмоционально поддерживать, стимулировать работу этих детей.

Анализ ошибок при выполнении проб часто болеющими детьми показал, что в подгруппе медленного типа дети делают больше ошибок по сравнению с гиперактивными детьми. Мы связываем это с нарушениями динамики протекания психических процессов, чаще всего со снижением динамики психической деятельности, что проявлялось в быстрой утомляемости, замедленном включении в деятельность, неравномерности ее выполнения, трудностях переключения с одного вида деятельности на другой.

Для подгруппы гиперактивных детей характерно снижение регуляторных механизмов психической деятельности, что проявляется в недостаточности регуляции и контроля деятельности при сохранности ее речевого программирования и целеполагания.

Необходимо отметить, что при создании благоприятных условий выполнения проб для гиперактивных детей (чередование интеллектуальных нагрузок с физическими и использование яркого наглядного стимульного материала) количество ошибок значительно уменьшается. Для медленного типа благоприятными условиями являются частые перерывы и дробное выполнение заданий. Количество ошибок в этом случае уменьшается.

Проведенные исследования показали, что большая доля часто болеющих детей младшего школьного воз-

раста (48%) имеет трудности в усвоении школьного материала; 30% справляются со школьными нагрузками в ущерб здоровью. Анализ результатов нейропсихологического исследования позволяет говорить о том, что трудности обучения связаны с отставанием формирования произвольного внимания, двигательного праксиса, оптико-пространственного гнозиса и низкого уровня сформированности образа представлений. Следовательно, в целях своевременной диагностики и профилактики развития проблем в обучении и отклонений психического развития в целом часто болеющим детям показана нейропсихологическая диагностика на этапе подготовки к школе с целью создания программы формирующего обучения и социальной ситуации развития, адекватной выявленным в исследовании особенностям психической деятельности. На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Особенностью развития высших психических функций у часто болеющих детей является замедленный темп их формирования. По результатам нашего исследования, отставание в развитии ВПФ от соматически здоровых детей по некоторым показателям (внимание, проба Хэда, речь) составляет примерно два года.

2. Для часто болеющих детей характерна повышенная истощаемость психической деятельности, что проявляется в пробах на внимание и двигательный праксис. Данные анамнеза подтверждают дисфункцию подкорковых структур, незрелость подкорково-корковых и

корко-подкорковых связей, что и является причиной повышенной истощаемости.

3. У 48% часто болеющих детей отмечается низкий уровень сформированности речи, что вызывает отставание формирования произвольной регуляции и контроля деятельности и поведения с помощью речи.

4. Исследование мануальной, зрительной и слуховой модальностей у часто болеющих детей показало нали-

чие амбилатеральных черт, что свидетельствует о незрелости межполушарного взаимодействия.

5. В результате длительных хронических заболеваний у часто болеющих детей происходит формирование искаженного восприятия схемы тела. Отклонение в развитии соматогнозиса приводит к нарушению формирования пространственного гнозиса и оптико-пространственного восприятия.

Литература

1. Альбицкий В.Ю., Баранов А.А. Часто болеющие дети: клинко-социальные аспекты. Пути оздоровления. Саратов, 1986. С. 184.
2. Ананьев В.А. Психология здоровья. СПб., 2006.
3. Вельтищев Ю.Е. Проблемы охраны здоровья детей России: Доклад на Конгрессе педиатров России. М.: Наука, 1999.
4. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М., 2006. С. 507.
5. Лурия А.Р., Цветкова Л.С. Нейропсихология и проблемы обучения в общеобразовательной школе. М.: Наука, 1997.
6. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Педагогика, 1973. С. 412.
7. Малахаткина Н.Д. Оздоровление детей – государственная проблема // Физическая культура, воспитание, образование, тренировка. 1997. № 3. С. 11.
8. Михеева А.А. Психологические особенности часто болеющих детей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
9. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. М., 2007. С. 474.
10. Цветкова Л.С. Методика диагностического нейропсихологического обследования детей. М., 1998. С. 112.
11. Цветкова Л.С. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста. М., 2001. С. 266.

DEVELOPMENT OF THE HIGHER PSYCHIC FUNCTIONS IN PRIMARY AGE CHILDREN WITH RECURRENT RESPIRATORY VIRAL INFECTIONS

A.V. Katasonova, N.A. Kravtsova, Y.G. Potrebich (Vladivostok)

Summary. The Higher Psychic Functions in children with recurrent respiratory viral infections were researched. The Characteristics of the Higher Psychic Functions were revealed in result of Neuropsychological Examination.

Key words: children with recurrent respiratory viral infections, neuropsychological examination, higher psychic functions, slow type, hyperactive type.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ

Г.А. Епанчинцева (Оренбург)

Аннотация. Анализируются основные методологические и методические проблемы психодиагностики в образовании. Автор представляет альтернативные направления развития психодиагностики в образовании.

Ключевые слова: психодиагностика, образование, развитие, методология, метод, норма, коррекция.

Модернизация образования в России протекает в условиях, когда в процессе обучения используется значительное количество инновационных подходов, не обеспеченных психологической и дидактической оценкой их продуктивности. В современной школе технология организации диагностики ранжирования (разделения учащихся по классам, группам, уровням обучения и т.д.) имеет почти четырехвековую историю. В современной образовательной практике по-прежнему используются приёмы и методы традиционной психодиагностики. Внедрение новых методов, сложившихся спонтанно, отторгается, поскольку они плохо соотносятся друг с другом. В этом смысле средняя и высшая школы являются примером специфического, а не общего вида диагностики. Они, с одной стороны, диагностируют, ранжируют учащихся, определяя каждому свое место, а с другой – пытаются корректировать развитие субъекта, дают возможность получить ранг, обеспечивающий более высокое положение в обществе [4].

В настоящее время неконтролируемое применение психодиагностических исследований создает в социальной среде систему дискриминации, поскольку разделение людей, в том числе и детей, на группы по определенному критерию есть не что иное, как психологическая сегрегация [10].

С гуманистической точки зрения массовое применение тестовых, диагностических процедур недопустимо, они могут быть только специализированными. Все чаще возникают вопросы, касающиеся правомерности проведения с детьми разного рода тестирования и этических сторон контроля над использованием психодиагностических методов, причем не только известных, апробированных, но и вновь созданных. Остро встают этико-правовые вопросы о функциях психолога-психодиагноста. Одним из злободневных вопросов является вопрос о его ценностных ориентациях [3].

Одним из негативных явлений в системе образования является разрушение традиционной системы оценивания учебных достижений без создания адекватной ее замены. В связи с этим требуются теоретические, практические и экспериментальные исследования, на-

правленные на создание измерительных систем итогов образовательной деятельности [1].

В последнее десятилетие отмечается гуманизация как исследовательских, так и практических работ по психодиагностике. Надо отметить, что основной методологической проблемой психодиагностики в образовании признается необходимость создания такого измерительного инструментария, который бы не только констатировал наличный уровень интеллектуального и личностного развития индивида, но и способствовал бы его полноценному психическому развитию [3]. Главной целью психодиагностики становится создание условий для проведения индивидуальной коррекционно-развивающей работы, разработки рекомендаций, организации коррекционно-развивающей работы и психотерапевтических мероприятий.

Остановимся на частных методологических вопросах психодиагностики в образовании. Если ценность образования – это развитие, то имеет смысл определение и практическое отслеживание этого развития. В данной логике оно как важная социальная система нуждается в адекватных измерительных технологиях, которые также транслируют понимание обучения как процесса развития. В психодиагностике для образовательной деятельности мы выделяем две главные ее функции:

- 1) обеспечение эффективного усвоения учебных знаний и навыков, позволяющих полноценному умственному и личностному развитию субъектов обучения;
- 2) оценка качества самого образования, т.е. выявление того, насколько та или иная образовательная технология обеспечивает их значительное развитие.

В соответствии с этим мы отмечаем два класса задач психодиагностики в образовании. В первый входят диагностика готовности ребенка к школе, определение причин школьной неуспеваемости, выявление одаренных детей, дифференциация обучения, реализация индивидуального подхода в обучении, профориентация, определение сложностей и отклонений в развитии и др. Ко второму классу задач можно отнести оценку эффективности программ и методов обучения, контроль за приобретенными знаниями и навыками (в первую оче-

редь с помощью дидактических тестов), за умственным и личностным развитием субъектов образовательной деятельности [3]. Далее следует отметить, что как только это происходит, начинают формироваться идеология и теория диагностики в образовании. В связи с этим она искусственно разбивается на два больших блока: первый определяется линейной диагностикой, исполняющей роль мониторинга, второй – это диагностика любой готовности (к школе, профессиональной деятельности, программе, методике); данный вид диагностики, как правило, предполагает коррекцию [1].

Далее встает сложный вопрос о понятии нормы. Так как норм, соответствующих целостности человека, психодиагностика не имеет, она дает их по отдельным показателям. Неоспоримым является тот факт, что отклонение по одному показателю не является свидетельством ненормальности субъекта и не требует коррекции. Проблема нормативности диагностики развития далека от разрешения, она смыкается со сложной и мало разработанной проблемой психического развития в разные возрастные периоды. Если признать множественность типов индивидуальности, типов развития, психических реальностей, то допустима очень большая вариативность и отдельных психических свойств. В связи с данной парадигмой развития установка на нормативы становится одной из главных причин, препятствующих гуманистическим целям диагностики в образовании. Таким образом, издержки психодиагностики будут иметь место до тех пор, пока есть спрос на норму, а их выявление и описание определяются самостоятельной теоретико-методологической задачей. Понятие нормы должно быть достаточно операциональным, оказывающим содействие принятию какого-то решения относительно конкретного субъекта, а также отвечающим этическим и гуманистическим требованиям. Исходя из этого, как утверждает М.А. Холодная, достижения субъекта можно сравнивать лишь с собственными достижениями, отслеживать динамику развития и присутствующие способы его движения [9].

Официальная идеология психодиагностики построена по типу тестирования отдельных психических качеств. В образовательной практике диагностика осуществляется через определение функциональных признаков индивида – объема памяти, характеристик внимания, особенностей мышления. Основной целью подобной диагностики является не индивидуализированная психолого-педагогическая помощь, а селекция детей. Как правило, все это делается с помощью абсолютно неадекватных возрасту методов. Исследование огромного набора психических качеств не только не соответствует целостности природы субъекта, но нередко превращает работу практического психолога в механическую работу по сбору и обработке невероятного массива эмпирических данных. Как отмечают А.Ф. Ануфриев [2], Е.М. Борисова [5], М.А. Холодная [9], работа психологов в образовательных учреждениях чаще всего

сводится к психодиагностике, которая выступает для них только одним из инструментариев оценки результативности собственной деятельности. В связи с этим необходима более четкая интеграция психологической и педагогической деятельности. Задача заключается не в синтезе психологических и педагогических знаний, а в осознании разработки общих проектов, как подмечает Г.А. Берулава, в которых синтез происходит совершенно естественным образом [3].

По-прежнему в рамках современного образования проводятся объектно-ориентированные процедуры тестирования, в которых субъект выступает не как личность, а как объект. Попытки создания универсальных систем исследования учащихся в современном образовании имеют интеллектуальный крен. Аффективная сфера механически вытесняется интеллектуальной рациональностью, нарушая естественное развитие ребенка. Такое отношение к детям санкционировано обществом, позволяющим манипулировать людьми, а не внедрять ценности саморазвития, самореализации. Тем не менее позитивными моментами столь частых и многочисленных исследований является накопление массива эмпирических данных, разрешающих понимание специфики индивидуальных особенностей, их продуктивных и непродуктивных сочетаний, позволяющих выбор коррекционных форм во благо гармонического развития индивидуальности. Это и есть истинная диагностика – максимально точный и полный анализ состояния и взаимосочетания психических качеств индивида. По нашему мнению, проблема диагностики – это всегда целевая проблема; вопрос в том, относительно какой задачи проводится диагностика [4].

Мы вновь обозначаем, что альтернатива традиционной диагностики начинается с разработки идеологии современного образования. Определение понятия «развитие» и создание гармоничных условий для развития позволит перейти с парадигмы обучения на парадигму развития. В связи с этим необходима разработка методического инструментария, способного проверять не только результаты достижений в обучении, а разъяснять возможности и границы дальнейшего развития. Важно учитывать этические проблемы контроля над использованием психодиагностических методов, причем не только известных, апробированных, но вновь созданных [6].

Большинство педагогов ожидают от психолога точного диагноза развития, оценки потенциальных способностей ребенка. Подобный «диагноз» зачастую становится оправданием неуспешности учащихся, сопровождающей его на протяжении всего школьного обучения.

Нами было проведено исследование, в котором принимало участие более семисот педагогов средних школ, посвященное установкам учителей по поводу оценки потенциальных способностей детей. Оказалось, что более 72% учителей дают негативные оценки ученикам и негативный прогноз их развития в будущем. Далее обучение и взаимодействие с детьми происходит через призму это-

го прогноза. Подобная особенность педагогического мышления, безусловно, вредна. В нашем исследовании подтверждено, что 58% психологов-психодиагностов часто «обслуживают» и подтверждают такую позицию учителей. Несомненно, образование нуждается в более конструктивной деятельности и более активном участии психолога в формировании гуманитарной культуры и гуманизации общественного сознания по отношению к проблемам, связанным с психодиагностическими исследованиями [6].

Изменение функций психодиагностики в образовании требует пересмотра многих ее методологических и методических принципов, введения в арсенал совокупности методов нового типа. Следует отметить присутствие в отечественной и зарубежной психологии «гуманистических» подходов психодиагностики в образовании; разработаны процедуры, объединенные с психотерапевтическим и развивающим эффектом [5].

В этой связи следует назвать разработки М.К. Акимовой, К.М. Гуревич, Е.И. Горбачевой [1], А.Ф. Ануфриева [2], Е.М. Борисовой [5], Дж. Равена [7], М.А. Холодной [9]. Новая диагностика призвана помочь организовать учебный процесс так, чтобы это обучение было индивидуализировано и дифференцировано.

В частности, полноправное место в системе психодиагностики стали занимать малоформализованные методы, такие как наблюдение, беседа, контент-анализ и другие, которые ранее использовались лишь как дополнительные способы получения данных об испытуемом. Разумеется, психодиагностика реализует эту тенденцию доступными ей способами, обеспечивая разработку методов, которые позволяли бы создавать условия для проведения прицельной коррекционно-развивающей работы [1].

Ведущей линией психодиагностики, по-нашему мнению, является проблема изучения человеческого потенциала, его сохранение, реализация и развитие. Концептуальная основа этой проблемы, как замечает Т.А. Флоренская, – самооценочность и самодостаточность человеческой личности. Это эквивалентно неприкасаемости личности для социального и исследовательского интереса. Диагностика конкретной личности не может не нарушить ее суверенность. Результаты любого психологического исследования имеют характер приговора, т.к. сопряжены с априорной типологизацией индивидуальности [8].

Новые тенденции развития психодиагностики позволяют снять многие критические замечания, высказываемые в ее адрес. Например, внедрение компьютерного тестирования открывает возможности изучения процессуальной стороны деятельности, которую моделирует тест, способствует выявлению индивидуальных стратегий решения заданий, анализу затруднений, которые испытывает субъект при выполнении различных заданий.

Большой прогресс наблюдается и в преодолении одного из основных недостатков тестирования – выявления наличного уровня достижений без ориентировки на потенциальные возможности человека, которые при тра-

диционном подходе остаются скрытыми. Это удается реализовать в тестах обучаемости, основанных на идее «зоны ближайшего развития». В них вводится звено педагогического воздействия и отслеживается успешность дальнейшего продвижения испытуемого после вмешательства взрослого. Как правило, в таких тестах моделируется процесс обучения или развития. Применяются они на предварительном и завершающем этапах обучения. Анализируются усилия, затраченные на учение и достигнутые успехи, что позволяет сделать заключение об интеллектуальных возможностях учащегося [6].

Все большую популярность получают тесты с психологическим содержанием. Они направлены на выявление сформированности у учащихся умственных действий, необходимых для выполнения определенного задания (как правило, ключевого для продвижения в том или ином учебном предмете или его разделе), т.е. служат эффективным средством определения логико-психологической готовности к выполнению задания. Разработка таких тестов требует большой теоретической работы по определению того набора знаний, умений, структуры умственных действий, которые обеспечивают выполнение учебных заданий. Уровень умственного развития определяется по степени сформированности логических действий с терминами и понятиями, которые могут быть соотнесены с содержанием заданий. В настоящее время есть опыт разработки таких тестов отечественными психологами – А.Ф. Бондаренко, Е.И. Горбачевой [1, 4]. Это направление требует еще существенной проработки понятийного аппарата, анализа способов выявления адекватных содержательных критериев, проблем надежности и валидности. Новизна данного подхода – в отказе от статистических норм как критерия оценки достижений субъекта, поиске индивидуальных критериев при исполнении разного типа заданий.

В целом следует признать, что создатели традиционных психодиагностических методик стихийно ориентировались на существующие в их социумах социально-психологические нормативы, однако никакого теоретического обоснования этому в трудах зарубежных психологов найти не удастся. Когда речь идет о содержании тестов, опросников, то обычно упоминаются всякого рода формальные правила составления вопросов, избегания повторов, подсказок и т.д. Более того, многие психологи считают подбор заданий в психодиагностической методике не наукой, а искусством, полагая невозможным проведение теоретического обоснования содержательного наполнения тестов. Однако без четкой позиции относительно содержания этих методик становятся бессмысленными все усилия по увеличению надежности, валидности, улучшению методов обработки данных.

Одной из важных методологических проблем психодиагностики является осмысление единства формы и содержания заданий при диагностировании мышления, когда изучаются качественные его изменения либо на разных этапах возрастного развития, либо при диаг-

ности специальных его видов (математическое, лингвистическое, естественно-научное, техническое и др.). Разумеется, можно выделить умственные действия, общие для усвоения любого содержания, но наряду с ними существуют такие, которые формируются только в определенном виде мышления [2].

Для того чтобы тест обладал признаками коррекционности, необходимо задавать ему совершенно определенное содержание, т.е. соблюсти принцип релевантности. Содержательная релевантность состоит в том, чтобы деятельность по выполнению заданий теста находилась в смысловом соответствии с диагностируемой деятельностью индивида. Если это обучение, то тест должен включать такие понятия и логико-функциональные отношения между ними, которые важны для его успешного протекания, а нарушения, выявляемые в ходе тестирования, вести к нарушениям в учебной деятельности.

Содержание коррекционной программы должно быть релевантно содержанию диагностической методики. Программа составляется таким образом, чтобы исключить возможности тренировки по тем видам заданий, которые даны в тесте, и обеспечить возможности формирования качеств, аспектов развития, которые диагностирует тест [5].

Ближайшие перспективы психодиагностики, по нашему мнению, состоят в дальнейшей разработке тео-

ретических основ и принципов развивающей диагностики, целью которой является не фиксация какого-либо неизменного результата, а определение динамики функциональных видов умственной деятельности учащихся. При этом требует специального внимания проблема «преимущественности» диагностики развития, которая предполагает сопоставимость результатов тестирования, полученных на любом возрастном срезе с помощью специально разработанных единиц анализа. В рамках обозначенных характеристик диагностического инструментария актуальны методики, связанные с формированием новых умственных действий, позволяющих установить зону ближайшего развития личности. В современном образовании их зачастую определяют как обучающие тесты, с помощью которых могут фиксироваться приращения в умственных действиях субъекта в результате не только определенного типа обучения, но и в самой процедуре исследования [6].

Мы глубоко убеждены в необходимости разработки подходов и определения средств, позволяющих включить в научный анализ не только общее и типичное, но и единичное и уникальное в личности человека. Важные шаги в этом направлении уже сделаны, теперь дело за диагностическими и прогностическими индивидуально-ориентированными методами.

Литература

1. Акимов М.К., Гуревич К.М. Психологическая диагностика. СПб.: Питер, 2007. 656 с.
2. Ануфриев А.Ф. Психологический диагноз. М.: Ось-89, 2006. 192 с.
3. Борулава Г.А. Методологические основы деятельности практического психолога: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2003. 64 с.
4. Бондаренко А.Ф. Личностное и профессиональное самоопределение отечественного психолога-практика // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1. С. 63–76.
5. Борисова Е.М. Современные тенденции развития психодиагностики // Прикладная психология. 1997. С. 64–71.
6. Епанчинцева Г.А. О новых тенденциях развития психодиагностики // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2002. С. 199–205.
7. Равен Дж. Педагогическое тестирование. Проблемы. Заблуждения. Перспективы: Пер. с англ. М.: Когито-центр, 2001. 142 с.
8. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М.: ИПАН СССР, 1991. 244 с.
9. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М., 1997. 392 с.

METHODOLOGICAL AND METHODICAL PROBLEMS OF PSYCHODIAGNOSTICS IN FORMATION

G.A. Epanchintseva (Orenburg)

Summary. In clause the basic methodological and methodical problems of psychodiagnostics in formation are analyzed. The author represents alternative directions of development of psychodiagnostics in formation.

Key words: psychodiagnostics, formation, development, methodology, a method, norm, correction.

НРАВСТВЕННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Г.Р. Шафикова (Уфа)

Аннотация. Нравственное развитие подростков рассматривается через оформление соответствующей мотивационно-смысловой сферы личности. По ее характеристикам сравниваются выборки подростков без физических нарушений и с их наличием. Выявляются социально-психологические особенности нравственного развития современных подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: нравственность, характеристики нравственной мотивационно-смысловой сферы подростков.

В современном обществе остро проявляется нехватка человеческого, нравственного способа взаимоотношений; необходима организация специальных мер по его развитию с детского возраста. Однако в условиях сегодняшней трансформации российского общества образовательные учреждения, призванные заниматься этим, испытывают затруднения, поскольку традиционные методы уже неэффективны, а инновационные в отечественной психолого-педагогической науке недостаточно изучены.

Особого внимания исследователей требуют подростки, остро реагирующие на различные социальные изменения, но в силу возрастных особенностей чувствительные к формированию нравственности. И если данная проблема для обычных подростков в отечественной психолого-педагогической науке разрабатывается, то для категории детей с ограниченными возможностями (по классификации ООН) остается мало затронутой, что затрудняет организацию процесса их интеграции в общество и социализации в нем.

Необходимым потенциалом для включения в обычную социальную среду обладают подростки с нарушениями опорно-двигательного аппарата, т.к. при отсутствии нарушений познавательной деятельности им для социализации не требуется помощь специалистов. В организации психолого-педагогического сопровождения их нравственного становления педагоги образовательных учреждений могут опираться на опыт исследования проблемы у обычных подростков с учетом специфики психического развития детей-инвалидов, вытекающих из особенностей первичного дефекта. Это определяет необходимость выявления психологических особенностей данного процесса у подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата в современных условиях социализации.

Сегодня изменились методологические подходы к рассмотрению нравственности человека. В советский период развития психологии её изучение подменялось рассмотрением моральности. Теперь говорят о различиях этих двух аспектов нормативной регуляции жизни человека. Если моральность предполагает соблюдение человеком норм и правил жизни отдельного общества, то нравственность – это свободный выбор человеком жизни по общечеловеческим законам Добра, Истины, Красоты. Это два разных по содержанию, механизмам, законам развития и функционирования типа регуляции взаимоотношений человека с миром. Если для моральности достаточно, чтобы у человека было моральное сознание и поведение, а

их регуляция определяется извне, то нравственность предполагает трансформацию всех личностных образований в направлении Абсолюта Добра, поскольку это свободная внутренняя регуляция поведения.

В современной отечественной психологии нравственность рассматривается как сущностная интегральная характеристика личности, которая приводит в движение все составляющие, образующие личность как систему. Её системообразующим элементом являются личностные смыслы, представленные различными смысловыми образованиями и объединяемые смысловой сферой личности [2, 4, 7]. Личностные смыслы как продукт объективной и субъективной реальности объединяют жизненные отношения человека с его феноменальной картиной мира и практической деятельностью. Приобретаемые в системе жизненных отношений субъекта с миром, они соединяют аффект и интеллект, выступая в качестве смысловой регуляции активности личности. А смысловая регуляция нравственного содержания является вершиной личностного развития, которой соответствуют смыслы гуманистического уровня. Однако достижение этого предполагает обязательную трансформацию содержания смысловой сферы в процессе приобретения личностью жизненного опыта от эгоцентрического, группоцентрического до просоциального уровня. Изменяются и формально-динамические характеристики смысловой сферы: наблюдаются иерархизация, интеграция и структурное усложнение смысловых образований, распространение осмысления за пределы наличной жизни и прогрессирующее опосредование социальными регуляторами. Выявлено, что эти процессы имеют возрастные и социальные рамки становления, без учета которых достижение акме нравственности невозможно [1, 8, 10].

С древних времен о подлинной нравственности человека судят по мотивам поступка. Поэтому ведущим критерием её оценки считают внутреннюю мотивацию поступка: «Нравственность – это личная форма этического сознания; область свободных и ответственных поступков, ее внутренних мотивов и побуждений творить добро» [4. С. 335]. Следовательно, целесообразно изучать её через мотивационно-смысловую сферу личности как системное понятие, объясняющее участие личностных смыслов в регуляции активности человека.

Смыслообразование есть продукт активности субъекта, который предполагает мотивацию. Именно в данный момент происходит образование смысла активности лич-

ности: соотнесение внешних значений и внутренних смыслов в вопросе «ради чего?» Мотивационно-смысловая сфера личности соединяет содержательные и формально-динамические показатели явления, выступает силой регуляции активности. Смысловая составляющая задает внешне-внутренние границы деятельности, аккумулирует опыт деятельности субъекта в определенной ситуации, являясь позицией личности относительно общественно выработанной системы ценностей. А мотивационная составляющая, наполненная конкретным потребностным содержанием, концентрирует энергетический и эмоциональный компонент деятельности, определяя направление поиска смыслов, преодоления жизненных трудностей. Мотивационно-смысловая сфера – это сложное психологическое явление, в котором устройство смыслов задает мотивы, создавая направленность личности и регулируя на этой основе ее поведение.

Изучение нравственности с позиций мотивационно-смысловой сферы личности предполагает рассмотрение ее как стержневого системообразующего личностно переживаемого отношения к другому человеку как самоценности, имеющее жизненный смысл и воплощенное в личностных структурах, регулирующих ее поведение. Это «смыслжизненная позиция личности в мире» [2], главная функция которой регулирование активности в ситуациях выбора сообразно общечеловеческим нормам добра и истины. Как стержневая позиция личности нравственное отношение связывает различные личностные образования в единую систему гуманистической направленности человека. Как переживаемое отношение нравственность является активной внутриличностной позицией, определяющей выбор способа регуляции поведения. Как сущностная системообразующая характеристика личности она является сложным многоуровневым интегральным образованием, динамично включающим в себя мотивационно-смысловую, эмоционально-волевою, когнитивный, самооценочный и поведенческий компоненты психики, определяющие способ отношения к другому человеку, к миру с общечеловеческих позиций добра и истины.

В исследованиях смысловых образований подчеркивается, что сами они не задают конкретные мотивы и цели деятельности, а определяют лишь плоскость отношений между ними, общий принцип соотнесения мотивов, целей и средств жизни, в том или ином виде реализуемый в каждой новой конкретной ситуации. Считается, что смысловые образования выполняют роль нравственной оценки и регулятора деятельности [2, 3, 7]. Сами смыслы производны от мотива деятельности; однажды образовавшись, они начинают жить самостоятельной жизнью [5]. В ходе развития личности отношение мотива и смысла становится противоположным. Смыслы начинают участвовать в выборе мотивов, их формировании и развитии. Благодаря этому мотив становится относительно устойчивым личностным образованием, относящимся не только к деятельности. Ситуативные мотивационные образования,

генетически первичные, преобразуются в устойчивые мотивационные образования, лежащие в основе мотивационной системы и несущие смыслоформирующую функцию. Как один из видов регуляции появляется смысловая регуляция поведения личности.

Соединение смысловых образований и соответствующих мотивов требует определенного личностного развития человека и перехода от ситуативной эмоционально-потребностной регуляции поведения к смысловой. Для этого необходимо внутреннее оформление смысловых образований и становление устойчивой системы мотивации личности. По отношению к развитию нравственности – это оформление соответствующих личностных смысловых образований и соединение их с подобной мотивацией. Чтобы это произошло, необходимо развитие мотивационной сферы до уровня доминирования в мотивации духовных смыслообразующих мотивов над мотивами-стимулами (внутреннее желание поступать по законам Добра, Красоты и Истины). Такое развитие мотивационной сферы имеет возрастные, индивидуальные, социальные особенности и предполагает сложное многоуровневое становление различных интер- и интрапсихологических образований, где можно выделить психическое, личностное, межличностное, деятельностное и духовное измерение.

Сензитивным базовым этапом нравственного становления является подростковый возраст [6, 7, 9]. Здесь наблюдаются формирование мотивационно-смысловых образований психики, активная индивидуализация и универсализация личности. При этом на всем протяжении подросткового возраста между смысловой и мотивационной сферами личности наблюдается разрыв. Если смысловое поле личности уже имеет истинно нравственные очертания, то смысловое поле действий еще носит внешне социальный ситуативный характер и чаще мотивируется стыдом, виной, прагматизмом. Потенциал развития содержательных (собственные нравственные инстанции, децентрация, дестереотипизация, опосредование поведения общечеловеческими ценностями) и формально-динамических (стабильность, гармоничность, подвижность, кристаллизация, структурирование, дифференциация и др.) характеристик данной сферы зависит от социальных и деятельностных условий индивидуализации, универсализации и интеграции субъекта. Отсутствие подходящих условий приводит к дезадаптации личности, искажению его дальнейшего самоопределения и нравственного становления.

Организация необходимых условий формирования нравственности не может быть продуктивной, если не знать возможностей и особенностей развития этого аспекта субъективной реальности в рамках возраста. Именно они задают цели социально-педагогического сопровождения соответствующего развития человека. Как показывает анализ исследований, к старшему подростковому возрасту в смысловой сфере может преобладать группо-

центрическая центрация, через которую он взаимодействует с миром, анализирует способы и перспективы своего поведения, понимает и оценивает поведение других, продуцирует и дифференцирует собственные нравственные смыслы. На этой основе оформляются внутренние моральные регуляторы (ценностные ориентации, моральные преграды и т.д.), которые становятся осознанными, значимыми, внутренне структурированными. Должны также появиться внутренний локус контроля; некоторая степень самостоятельности; целостное, устойчивое позитивно спокойное отношение к себе с преобладанием нравственно-психологических и социально-ролевых позиционных оценок; интегрированное, автономное отношение к другим; равновесие социального и рефлексивного «Я». Эти изменения являются неотъемлемым условием развития нравственной смысловой сферы подростков.

В мотивационной сфере должно произойти переструктурирование. Общая тенденция расширения общения трансформирует мотивы личности от ситуативных утилитарных и общения в референтной группе до нравственно-рефлексивных мотивов налаживания позитивных отношений с окружающими людьми, осмысления законов и норм человеческих отношений, оптимизации общения. Появление данных мотивов, направленных на преобразование себя и окружающего, является моментом соединения нравственной смысловой и мотивационных сфер личности подростка, активизации соответствующей смысловой регуляции деятельности, которая предполагает актуализацию генерализованных внутренних моральных регуляторов, являющихся центральным и надситуативным смысловым узлом, конституирующим общую направленность личности. Однако вследствие недооформленности внутренних преград нравственная смысловая регуляция в этом возрасте может быть нестабильно ситуативной.

Целостная картина нравственного развития подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата пока отсутствует, что затрудняет процесс организации оптимального социально-педагогического сопровождения. Опыт исследования нравственного становления простых подростков мог бы стать фундаментом для этой категории детей с поправкой на законы и особенности их развития. Поэтому мы решили сравнить особенности развития нравственной мотивационно-смысловой сферы личности подростков общеобразовательных школ и школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Было сделано предположение, что подростки с нарушениями опорно-двигательного аппарата в силу отличающихся условий социализации будут иметь содержательные, формально-динамические особенности становления нравственной мотивационно-смысловой сферы в отличие от статистической нормы данных показателей у подростков простых школ.

Для сравнения были взяты старшие подростки. Первую выборку составили старшие подростки общеобразовательных школ (117 человек), вторую выборку – стар-

шие подростки из школы для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата (26 человек).

Исследование особенностей мотивационно-смысловой сферы проводилось с помощью модифицированной проективной методики «Незаконченные предложения», направленной на изучение отношений, проявление честности, ответственности, совести, альтруизма, моральной автономии, а также механизмов их развития (вера, рефлексия, локус контроля, чувство вины). Предварительно были проведены необходимые процедуры стандартизации методики. Использовались методики «Ценностные ориентации» М. Рокича и «Личностный дифференциал», последняя разработана в Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева.

Исследование центрации смысловой сферы показало наличие статистически значимых различий ($p < 0,01$) между показателями выборок. У 35% подростков общеобразовательных школ наблюдается эгоцентризм, у 61% преобладает группоцентризм и лишь у 4% – просоциальная центрация. У подростков с группоцентричной центрацией иногда отмечают и эгоцентрические тенденции смыслообразования (у 24%), что является показателем переходного момента к неустойчивой группоцентричной позиции. В целом группа выступает для подростков источником поддержки, уверенности, представлений о себе, самоутверждения. Отношения с группой строятся на основе мотивов прагматизма, альтруизма. При этом альтруизм у половины исследуемых носит устойчивый, а у другой половины – ситуативный характер.

В выборке подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата в 100% случаев выявляется группоцентризм, у 60% определены осознанная нравственная позиция просоциального уровня и желание соответственно поступать. Однако нравственные поступки диагностируются лишь у 40% исследуемых. Основным мотивом такого поведения является самоутверждение (у 60%), стремление обрести поддержку (у 23%), прагматизм (у 17%). Ситуативный альтруистический мотив наблюдается у 4% испытуемых. Полученные данные говорят о неустойчивости проявления просоциального уровня, о переходном моменте от группоцентризма к просоциальным отношениям. Это подтверждает исследование ценностных ориентаций; наблюдается высокое осознание моральных ценностей. На первом месте у подростков «здоровье», далее – «верные друзья», «общественное признание». Высоко ценятся и «ответственность», «исполнительность», «честность», «воля». В выборке старших подростков общеобразовательных школ иерархия ценностей иная. Доминирующей ценностью являются «друзья», далее – «семья» и «материально обеспеченная жизнь». Личностные характеристики «ответственность», «честность», «исполнительность», «любовь» занимают второстепенные позиции. У 60% подростков данные ценности опосредуют сознание, и лишь у 8% опрошенных лежат в основе смысловой регуляции поведения.

Весьма разнородно в двух выборках содержание группоцентрической центрации. Подростки общеобразовательных школ объединяются в группы по физическим характеристикам (22%), поведению (15%), для оценки поведения других (15%). В оценках других часть уже проявляет дифференцированное отношение (8%) исходя из ситуации, значимости лица и выстраивания временной перспективы групповых отношений. В суждениях подростков преобладают критические оценочные требования по отношению нравственности других, но еще нет рефлексивных суждений по поводу собственного нравственного облика в группе. Это говорит о недостаточной развитости группоцентрического уровня развития нравственности.

В выборке подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата главным смыслом объединения в группы является собственное физическое отличие, у 40% наблюдается комплекс неполноценности по данному поводу. У этих подростков прослеживается неадекватно высокое позитивное некритичное оценивание себя по параметрам отзывчивости, понимания, доброты, честности, справедливости, целеустремленности, ответственности, что, скорее всего, является показателем компенсации. Дифференцированное отношение к другим у подростков данной выборки отсутствует, как и временная перспектива жизни. У 60% подростков прослеживается уверенность в себе, удовлетворенность жизнью, поэтому есть позитивная временная перспектива, дифференцированное отношение к другим с позиций собственной моральной автономии. В других они акцентируют нравственные качества (добрый, терпеливый, верный), критично относятся к себе, рефлексиируют собственный нравственный облик вне зависимости от группы.

Статистически достоверных различий между выборками по остальным нравственным смысловым образованиям не обнаружено ($p > 0,05$). Важным моральным регулятором отношений всеми подростками признается ответственность. Различны лишь степень, направленность и мотивы ее проявления. Для 56% респондентов она является устойчивой внутренней преградой, через которую опосредуются отношения с окружающими, а у 44% имеет ситуативный характер. Для 38% подростков ответственность имеет личностный смысл и выступает устойчивым смыслообразующим мотивом поведения. Для остальных это качество есть способ построения рациональных отношений с миром, имеет эффект долженствования и отличается поведенческой пассивностью. Только у 8% испытуемых уровень развития ответственности соответствует низкому, у 38% – среднему. Данные испытуемые опосредуют ее проявление субъективными и предметными характеристиками «Другого».

Менее сложившимся регулятором отношений является честность (у 85%). Устойчивый внутренний характер она имеет лишь у 8% испытуемых, у остальных же опосредуется страхом быть наказанным, целью выживания, носит ситуативный характер. 61% испытуемых оправдывают собственную ложь, ожидая от других лишь правды.

У старших подростков обеих выборок наблюдается оформление моральной автономии субъекта (72%), хотя и носящей в большинстве случаев ситуативный характер (48%). У 60% испытуемых она имеет направленность только на себя, у 12% – на себя и мнение группы.

Незрелость данных нравственных показателей обусловлена особенностями становления веры, локуса контроля, рефлексивности. Вера как механизм налаживания межличностных отношений присутствует у всех подростков, однако имеет разную направленность и характеристики. 65% респондентов доверяют другим, верят в себя и возможность самоконтроля, а остальные лишь признают необходимость этого; то же с локусом контроля: у 57% локус контроля интернальный, у остальных – экстернальный. Это определяет отношение к другим и к себе. У первой половины испытуемых выявляются автономность отношения к другим и миру, спокойный позитивный фон отношения к себе как самостоятельной личности, равновесие социального и рефлексивного «Я». У второй половины преобладает критическое отношение к другим при абсолютной позитивной оценке себя, что говорит об отсутствии гармонии смыслов «Я», полярности в чувствах. Рефлексивность имеет прагматическую и группоцентрическую характеристику с преобладанием поверхностных эмоциональных характеристик. Обе группы показывают ее ситуативность, преобладание критического настроя. Учитывая, что именно рефлексивность задает упорядоченность, гармоничность смысловой сферы, готовность решать «задачи на смысл», неситуативность субъекта, гибкость центрации сознания, можно констатировать недостаточный уровень развития нравственной регуляции. По сравнению с рефлексивностью лучше развит социальный регулятор отношений – чувство вины (75%): за совершенные поступки (32%), стиль жизни (13%) и общения (30%).

Статистические различия между выборками были выявлены по показателям развития мотивационной сферы ($p > 0,05$). В обеих выборках устойчиво преобладают группоцентрические мотивы общения, самоутверждения, самопознания. Но отлично соотношение мотивов. В выборке подростков общеобразовательных школ у 24% наблюдаются прагматические, утилитарные мотивы поведения, у остальных – мотивы расширения социального пространства (15%), самовыражения (15%), приобретения опыта общения (46%). В выборке подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата прагматический мотив диагностируется у 80% испытуемых, у 60% из них он имеет гедонистическую, у 20% практическую направленность. Проявление альтруистических мотивов ситуативно (20%). У всех подростков высоки показатели мотива самоутверждения, стремления расширить круг общения, куда они стремятся для обретения поддержки (60%), представлений о себе (40%).

Таким образом, старшие подростки общеобразовательных школ по уровню развития нравственно-смысловой сферы соответствуют описанным в теоретических иссле-

дованиях характеристикам среднего подросткового возраста. Их отличает группоцентризм, внешняя нравственная позиция, недостаточный уровень развития собственных нравственных инстанций, чувств и качеств личности. У них есть осознание нравственных ценностей, однако они ситуативно опосредуют поведение подростков, т.к. нравственные смыслы нестабильны, полярны, недостаточно дифференцированы. Старшие подростки находятся на переходе от эгоцентризма к группоцентризму, что гармонично проявляется в содержательных и формально-динамических характеристиках смысловой сферы. Мотивационная сфера этих подростков неустойчиво опосредуется то смыслами группоцентризма, то ситуационными социальными факторами. Моральная автономия нестабильна, чувство вины преобладает над ответственностью. Нравственная смысловая регуляция поведения характерна лишь для 8% испытуемых. Наблюдается частичное согласование нравственных смыслов и мотивов. Социально-педагогическое сопровождение становления нравственной мотивационно-смысловой сферы необходимо активизировать по всем содержательным и формально-динамическим параметрам.

Старшие подростки с нарушениями опорно-двигательного аппарата соответствуют описанным в теоретических исследованиях характеристикам нравственной мотивационно-смысловой сферы старших подростков и статистически достоверно отличаются от современных старших подростков общеобразовательных школ. Преобладающим смыслом является группоцентризм, но высоки показатели проявления просоциальных смыслов. Нравственные ценности занимают в иерархии ценностей доминирующие позиции, однако соответствующая смысловая регуляция поведения ситуативна. Преобладает социальное опосредование поведения мотивами, стимулами, недостаточно развиты нравственные чувства, качества личности, но прослеживается рефлексия собственных нравственных чувств и восприятие, оценка их у других.

Нравственная смысловая сфера нестабильна, дисгармонична, полярна, недостаточно дифференцирована, направляется механизмом компенсации. Исследуемые находятся на переходе от группоцентризма к просоциальной позиции. Осознание нравственных смыслов не согласуется с поведением. У подростков данной выборки по сравнению с предыдущей шире поле мотивационной сферы. Поведение направляется мотивом самоутверждения с гедонистической направленностью. Альтруистические мотивы ситуативны. Нравственная смысловая и мотивационная сферы дисгармоничны и не согласованы. Особенности социализации (неудовлетворенная потребность самоутверждения, неуверенность в себе) определяют специфические характеристики нравственной сферы личности старшего подростка с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Социально-педагогическое сопровождение нравственного становления личности подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата необходимо активизировать по направлениям гармонизации, стабилизации и согласования соответствующей смысловой и мотивационной сферы, формирования нравственной автономии и чувств ответственности, самоконтроля. Подросткам необходимы самоутверждение в среде сверстников без физических нарушений, гармонизация общения с ними, направленность на духовные смыслы и переживания.

Таким образом, нравственное становление подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата опосредуется средой взаимодействия, удовлетворением потребности самоутверждения в группе сверстников, компенсаторными возможностями психики, «Я-концепцией» личности. Их отчасти изолированное от внешнего мира положение позволяет создать необходимые социальные условия для развития нравственности соответственно возрасту. Однако характеристики этого личностного образования отличаются по всем параметрам от возможных в данный отрезок взросления.

Литература

1. Абрамова В.Е. Психическая регуляция нравственно-делового общения подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Мос. пед. ун-т, 2001. 21 с.
2. Братусь Б.С. Психология личности // Психология личности: Хрестоматия. Самара: Бахрах-М, 2004. Т. 2. С. 385–456.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2000. 487 с.
4. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учеб. пособие. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
5. Сосновский Б.А. Мотив и смысл (психолого-педагогическое исследование). М.: Прометей, 1993. 199 с.
6. Фельдштейн Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии // Избранные психологические труды. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж, НПО МОДЭК, 1996. 463 с.
7. Фризен М.А. Особенности развития смысловой сферы подростка: Дис. ... канд. психол. наук. Петропавловск-Камчатск, 2005. 241 с.
8. Чикалов Н.А. Развитие когнитивно-оценочных механизмов морального сознания личности. Калуга, 2002. 21 с.
9. Чоросова О.М. Психологические условия и возможности развития нравственного поведения ребенка на разных стадиях подросткового возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 202 с.
10. Шафикова Г.Р. Взаимосвязь креативного и нравственного становления личности подростка: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2000. 198 с.

MORAL FORMATION OF TEENAGERS WITH LOCOMOTORIUM ABNORMALITIES
G. Shafikova (Ufa)

Summary. Moral formation of teenagers is examined by forming the correspondent motivation – meaning sphere of the personality. By motivation – meaning sphere characteristics the teenagers with and without physical defects are compared. The socio-psychological peculiarities of moral development of teenagers with special needs are shown up.

Key words: morality, teenagers' motivation – meaning sphere characteristics.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ КАРНЫШЕВУ – 60

17 апреля 2008 г. исполнилось 60 лет Александру Дмитриевичу Карнышеву – доктору психологических наук, профессору, заведующему кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права.

Александр Дмитриевич Карнышев родился в семье учителя в небольшой деревне на берегу Байкала. С пятнадцати лет он вступил на «трудовую стезю» – был рабочим на стройке, в геологической партии, на авиационном заводе, служил в рядах Советской армии. После службы в армии поступил на историко-филологический факультет Бурятского пединститута. В студенческие годы не только отлично учился (в 1972–1976 гг. был ленинским стипендиатом), но и занимался активной общественной деятельностью. В частности, назначался командиром студенческих отрядов в Бурятии, на Камчатке, на острове Шикотан и за эту работу награждён орденом «Знак Почёта».

В научную психологическую жизнь Александр Дмитриевич вошёл в конце 1970-х гг. уже зрелым человеком, когда поработал более трех лет директором средней школы в Улан-Удэ. Будучи аспирантом Иркутского педагогического института он сочетал научные исследования с внедрением их результатов в практику, а в начале 1980-х гг. стал инициатором и одним из основных разработчиков «Трудового кодекса авиастроителя» для Иркутского авиационного завода; это был своего рода прообраз современных документов по корпоративной культуре. За обоснование и внедрение кодекса А.Д. Карнышев в 1982 г. награждён дипломом лауреата конкурса молодых учёных СССР по общественным наукам; организатором конкурса в то время был ЦК ВЛКСМ.

Кандидатскую диссертацию «Социально-психологические основы применения поощрений и наказаний на производстве» Александр Дмитриевич защитил в 1983 г. на факультете психологии Ленинградского университета, а докторскую – «Социальная психология управления в школе» (1992 г.) – в Санкт-Петербургском университете.

В 1990-х гг. Александр Дмитриевич совмещает профессорскую деятельность с общественной жизнью. Заведующий кафедрой психологии, затем проректор по науке Бурятского пединститута (с 1996 г. – Бурятский университет), в 1994 г. он избирается депутатом Народного Хурала Республики Бурятия. На первом же заседании в выборах на альтернативной основе ему доверяют пост заместителя председателя Народного Хурала. Здесь А.Д. Карнышев занимается не только организаторской работой и законотворческой деятельностью, но и создаёт социально-психологическую лабораторию НХ (единственную в то время в России), которая активно вела мониторинг общественного мнения населения республики по самым актуальным вопросам, что позволяло приблизить многие законы и нормативные акты к реальной жизни. В это же время выходят наиболее значимые научные работы того периода: «Очерки социальной психологии» (Иркутск, 1998. 320 с.) и «Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика» (Улан-Удэ, 1997. 185 с.).

В 1999 г. А.Д. Карнышев по семейным обстоятельствам переезжает в Иркутск и становится заведующим кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП). Вслед за известными учёными страны (А.И. Китов, В.Д. Попов, А.Л. Журавлёв, О.С. Дейнека, А.Б. Купрейченко, В.П. Поздняков и др.) он активно включается в разработку новой для российской психологии

области науки – экономической психологии. Он не отрывает теоретические изыскания от практики, ведя серьёзные прикладные исследования по таким актуальным темам, как «психология собственности», «психологические основы разработки и внедрения корпоративной культуры в организациях», «психологические особенности экономической деятельности у народов Сибири» и др. Развивая междисциплинарный подход на внутрипсихологическом уровне, А.Д. Карнышев, совместно с учениками и коллегами обосновывает специфическую отрасль экономической психологии – экономическую этнопсихологию – и показывает возможности применения её положений и рекомендаций в социально-экономических реформах у разных народов. Среди работ данного плана можно назвать написанные в соавторстве учебное пособие «Введение в экономическую этнопсихологию» (2000 и 2007 гг.), монографии «Этнопсихология старообрядства» (2004) и «Человек и собственность» (2006), книги коллектива авторов под его научной редакцией: «Экономическая этнопсихология: от теории к практике» (2006), «Корпоративная культура: психология и технология разработки и внедрения» (2007).

В последнее время А.Д. Карнышев увлёкся разработкой психологических аспектов экономичной экологии (экологичной экономики), что особенно актуально в связи с необходимостью активизации природоохранной работы в стране и введением правительством России особых экономических зон (ОЭЗ) туристско-рекреационного типа, две из которых расположены на Байкале – в Бурятии и в Иркутской области. О значимости этих начинаний свидетельствует поддержка Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) в 2007 г. проекта «Этнопсихологические ресурсы совершенствования экологической и туристической деятельности в Байкальском регионе», представленного кафедрой социальной и экономической психологии БГУЭП. Итогом работы по гранту стали научно-популярная книга «Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий» (462 с.), монография «Методы исследования и оптимизации межэтнического взаимодействия» (совместно с доцентом Е.Л. Трофимовой), учебное пособие «Этнопсихологические ресурсы экологии и туризма», подготовленное коллективом авторов.

В научном арсенале А.Д. Карнышева уже более 200 работ, среди которых 20 монографий и учебных пособий. Свыше 20 его учеников защитили кандидатские диссертации и один – докторскую. Он активно ведёт научно-педагогическую работу, читая студентам иркутских университетов курсы лекций по общей, социальной, экономической, этнической психологии и психологии управления. Значимость деятельности Александра Дмитриевича подтверждает высокое звание «Заслуженный учитель Российской Федерации», присвоенное ему в 1994 г.

А.Д. Карнышев внес значительный вклад в межрегиональное сотрудничество психологов Сибири, особенно Иркутска и Томска. Много лет он является членом редакционного совета «Сибирского психологического журнала».

Редколлегия журнала, коллектив факультета психологии ТГУ и Томское отделение Российского психологического общества сердечно поздравляют Александра Дмитриевича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и творческого долголетия.

*Г.В. Залевский
Э.В. Галажинский*

ИНФОРМАЦИЯ

НАШИ АВТОРЫ

Аксеновская Людмила Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Аргентова Татьяна Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (Кемерово)

Асланян Виктория Юрьевна, соискатель ученой степени кандидата психологических наук кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры психологии Северо-Восточного государственного университета (Магадан)

Богомаз Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Богомолов Александр Михайлович, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета (Кемерово)

Бохан Татьяна Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Гасимова Вера Александровна, аспирантка кафедры психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры (Пермь)

Гомеляк Юлия Николаевна, медицинский психолог отделения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз Белгородской областной клинической психоневрологической больницы (Белгород)

Джафарова Ольга Андреевна, кандидат физико-математических наук, руководитель лаборатории компьютерных систем биоуправления НИИ Молекулярной биологии и биофизики СО РАМН (Новосибирск)

Дорфман Леонид Яковлевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры (Пермь)

Епанчинцева Галина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Оренбургского государственного университета (Оренбург)

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Карнышев Александр Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права, заслуженный учитель РФ (Иркутск)

Карташова Ксения Сергеевна, ассистент кафедры клинической психологии Сибирского федерального университета, Института педагогики, психологии и социологии (Красноярск)

Катасонова Анна Васильевна, ассистент кафедры клинической психологии и психосоматической патологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток)

Кожневников Вадим Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск)

Кондратьева Наталья Ивановна, старший преподаватель кафедры общей и практической психологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, директор Центра диагностики и консультирования «Семья» (Чита)

Кравцова Наталья Александровна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии и психосоматической патологии, декан факультета клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток)

Мажирина Ксения Геннадьевна, психолог лаборатории компьютерных систем биоуправления ГУ НИИ Молекулярной биологии и биофизики СО РАН (Новосибирск)

Непомнящая Вера Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Первушина Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, декан факультета психологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск)

Потребич Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток)

Руженков Виктор Александрович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии, наркологии и клинической психологии Белгородского государственного университета (Белгород)

Стоянова Ирина Яковлевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института психического здоровья ТНЦ СО РАН, доцент кафедры психологического консультирования и психотерапии Томского государственного университета (Томск)

Холодцева Елена Лиунгартовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета (Кемерово)

Шафикова Гульназ Радмиловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

1. Рукопись объемом до двенадцати страниц должна быть представлена в напечатанном виде на лазерном принтере в формате А4 (2 экз.) и на 3,5-дюймовой дискете в формате WinWord версии 6, 7, 97, 2000 или в формате rtf. Формат страницы А4; поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм. Параметры абзаца: выравнивание по левому краю, отступ слева и справа – 0; первая строка – 10 мм; интервал: до и после – 0 пт; межстрочный – полуторный. Параметры шрифта: Times New Roman, кегль – 12 пт., интервал – масштаб 100%, обычный, смещения нет. Нумерация страниц с первой, кегль 12 пт., с установкой внизу, по центру, отступ от края текста до нижнего колонтитула – 1,25 мм (по умолчанию). Автоматический перенос выключен. Нумерация строк и абзацев, установка маркеров – выключен.

2. В начале статьи указывается ее название, затем полностью фамилия, имя, отчество каждого автора, место работы, ученое звание, степень и должность, адрес, телефоны, факс, адрес электронной почты (E-mail).

3. Ниже располагаются краткая аннотация статьи (3–4 предложения) и список из 5–7 ключевых слов.

4. В конце статьи помещается информация на английском языке: название статьи, фамилии авторов, аннотация и ключевые слова.

5. Все аббревиатуры в статье должны быть расшифрованы.

6. Текст должен содержать не более двух рисунков (графиков) и не более трех таблиц, которые в электронной версии расположены внутри текстового файла.

7. Список литературы должен быть пронумерован и расположен в алфавитном порядке. Его оформление должно соответствовать общепринятым требованиям. Литературные ссылки в тексте даются только в квадратных скобках. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

8. При оформлении рукописи **нельзя** использовать табуляции, устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию), расставлять автоматические списки (нумерации строк и абзацев), ставить двойные, тройные и т.д. пробелы между словами. Рекомендуется использовать только один тип кавычек (“ ”) или (« »). Необходимо различать дефис (-) и тире (–). Тире в WinWord набирается клавишами «Ctrl+» (клавиша «-» – справа на клавиатуре, вверху) или Alt+0150 при включенной клавише NumLock. В тексте, в таблицах и в подписи к рисункам при записи десятичных дробей – ставить запятую (а не точку). Рекомендуется во избежание ошибок и опечаток проводить проверку орфографии средствами редактора WinWord.

9. Представлять электронные версии статей на новых (чистых) дискетах после обязательной проверки на наличие вирусов. Желательно обеспечить дублирование файлов на этой же дискете, но в другой директории. Допускается упаковка файлов архиваторами WinZip, WinRar последних версий.

10. При использовании дополнительных шрифтов необходимо иметь их копии на отдельной дискете.

11. Бумажный вариант должен быть подписан всеми авторами статей.

Внимание! Рукописи, оформленные с нарушением вышеперечисленных правил, не публикуются

Со всеми вопросами о публикации, размещении рекламы и приобретении журнала обращаться в редакцию по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ТГУ, факультет психологии. Телефон/факс (3822) 52-97-10, телефон редакции (3822) 52-95-80. E-mail: den@psy.tsu.ru

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 28. 2008 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция Сибирского психологического журнала.
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректоры: Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки М.Н. Долгих

Подписано к печати 15.05.2008 г.
Формат 60x84/8. Бумага белая офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Усл. печ. л. 11,6. Тираж 1000 экз.

Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Гагарина, 31, оф. 49
Тел. 8-3822-52-66-83